

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал) Выходит 1 раз в год	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКА	12+
		ISSN 2306-8450 Выпуск 6 2017

Специальный выпуск, посвященный П.А. Сорокину

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	3
1917–2017. Питирим Сорокин и социология революции	
<i>Сорокин П.А.</i> Ленин – разрушитель	5
<i>Сапов В.В.</i> Питирим Сорокин и В.И. Ленин	10
<i>Ломоносова М.В.</i> Революция как социальное явление в научном наследии Питирима Сорокина.	34
<i>Ковалев В.А.</i> Питирим Сорокин о социологии революции: анализ катастрофического опыта – уроки и прогнозы для современности	54
<i>Ильин В.И.</i> Штрихи к анатомии русской революции: культурный сдвиг начала XX века	77
Сорокин-социолог, Сорокин-мыслитель: статьи и исследования	
<i>Кротов П.П.</i> Питирим Сорокин: от методологических основ изучения морали, альтруизма и социальной солидарности к синтезу теории и практики	85
<i>Петров В.Н.</i> Кризис как состояние социальной реальности в социологической интерпретации П.А. Сорокина	97
<i>Василенко В.В.</i> Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в теории социокультурной динамики П.А. Сорокина	111
Из сорокинского научно-публицистического и эпистолярного наследия	
<i>Ломоносова М.В.</i> О книге Питирима Сорокина «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» (Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians?).	124
<i>Сорокин П.А., Лунден У.А.</i> Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей? (Глава I. Идеологии правящих групп: три взгляда на мораль) – перевод с английского В.Н.Шикалова.	129
Из США в Харбин Пять писем Питирима Сорокина евразийцу Сетницкому (1929–1933) – (подготовка к публикации Ю.В. Дойкова)	150
Обзоры и рецензии	
<i>Долгов А.Ю.</i> Основные направления изучения и популяризации наследия П.А. Сорокина в России и за рубежом	158
<i>Богомяжкова Е.С.</i> «Знакомый незнакомец»: литературное наследие П.А. Сорокина. (Рецензия на книгу «Питирим Сорокин. Прачечная человеческих душ. Художественные произведения 1907–1923», Сыктывкар, 2017)	175
PS. П. Сорокин о Сорокине	180
Сведения об авторах	184

CONTENTS

Introducing the issue	3
1917–2017. Pitirim Sorokin and a sociology of revolution	
<i>Sorokin P.A.</i> Lenin, the destroyer	5
<i>Sapov V.V.</i> Pitirim Sorokin and V. I. Lenin	10
<i>Lomonosova M.V.</i> Revolution as a social phenomenon in the scientific heritage of Pitirim Sorokin.	34
<i>Kovalev V.A.</i> Pitirim Sorokin on the sociology of revolution: an analysis of the catastrophic experience – lessons and forecasts for the present	54
<i>Ilyin V.I.</i> Essay on Anatomy of Russian Revolution: Cultural Shift in the beginning of the XX century	77
Sorokin as a sociologist, Sorokin as a thinker: articles and studies	
<i>Krotov P.P.</i> Pitirim Sorokin: from the methodological framework for the study of morality, altruism and social solidarity to the synthesis of theory and practice	85
<i>Petrov V.N.</i> Crisis as a condition of social reality in sociological interpretation of P. A. Sorokin	97
<i>Vasilenko V.V.</i> A.S. Lappo-Danilevsky's ideas in the context of the P.A. Sorokin theory of social and cultural dynamics	111
Sorokin's scientific-journalistic and epistolary heritage	
<i>Lomonosova M.V.</i> On the book «Power and morality: Who shall guard the guardians?» by Pitirim Sorokin and Walter A. Lunden Sorokin P.A., Lunden W.A. Power and morality: Who shall guard the guardians? (Chapter I. Ideologies of ruling group morality: three views) (translated from English by V.N. Shikalov).	124
From the U.S.A. to Harbin: Five Pitirim Sorokin's letters to Eurasianist Setnickiy (1929–1933) – prepared for publication by Yu. V. Doykov)	150

Reviews

<i>Dolgov A.Yu.</i> The main areas of study and popularization of P.A. Sorokin's heritage in Russia and all over the world	158
<i>Bogomyagkova E.S.</i> «Familiar strangers»: the literary heritage of P. A. Sorokin. (Bbook review on «Pitirim Sorokin. Laundry of human souls. Works of art 1907–1923», Syktyvkar, 2017)	175
PS. P. Sorokin. On Sorokin	180
About authors	184

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М.В. Мелихов, д-р филол. н., профессор кафедры русской и общей филологии СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Г.Ф. Доброноженко, д-р ист. н., профессор, зав. кафедрой истории, политологии и социологии СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

Т.Ф. Волкова, д-р филол. н., профессор кафедры русской и общей филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

И.А. Гончаров, д-р филос. н., профессор, зав. кафедрой политологии и международных отношений СГУ им. Питирима Сорокина;

В.М. Лудыкова, д-р филол. н., профессор, зав. кафедрой коми и финно-угорской филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

Т.С. Канева, канд. филол. н., доцент, заведующий кафедрой русской и общей филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

Е.А. Рыжова, канд. филол. н., доцент, зав. кафедрой журналистики СГУ им. Питирима Сорокина

Главный редактор выпуска:

В.А. Ковалев, д-р полит. н., канд. социологических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия выпуска:

А.Ю. Долгов, канд. соц. н., с. н. с. Института научной информации по общественным наукам РАН;

М.В. Ломоносова, канд. соц. н., доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Литературный редактор С.Б. Свигзова
Технический редактор Т.В. Матвеева
Верстка и компьютерный макет А.А. Ергаковой
Корректор О.В. Габова
Выпускающий редактор Л.В. Гудырева

При оформлении обложки использовано фото, предоставленное Фондом Питирима Сорокина
(Винчестер, Массачусетс, США; cliffstreet.org).

На фото: П.А. Сорокин в год первой публикации книги «Социология революции» (1925).

Подписано в печать 27.07.2017. Дата выхода в свет 13.09.2017.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 70x108/16.

Усл. п. л. 22,9. Уч.-изд. л. 20.

Заказ № 145. Тираж 100 экз.

Адрес типографии

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина
167023. Сыктывкар, ул. Морозова, 25

- © ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2017
- © Авторы статей, 2017
- © В.А. Ковалёв, А.Ю. Долгов, М.В. Ломоносова – составление и редактирование, 2017
- © Т.В. Ковалёва, обложка, 2017

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Еще в 1913 году будущий российско-американский социолог, а в то время только подающий большие надежды студент юридического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета Питирим Сорокин в своей философской сказке «Грани жизни», опубликованной в вологодской газете «Эхо», писал:

«...Громадный город замер. Не двигалась толпа по его тротуарам, не звенели звонки трамваев и не гудели свистки фабрик. Везде было тихо и пустынно. Только в концах его главной улицы стояли два стана. Это были лагеря угнетателей и угнетаемых. Гордость виднелась на лицах угнетателей, негодование – на лицах угнетаемых.

Два громадных знамени развивались над городом, и эти знамена говорили:

«За Право», знамя угнетателей.

«За Правду», знамя угнетаемых.

Встало солнце, дошло до середины неба и спустилось под землю, а они все стояли и ждали. Наступила полночь. Среди молчания внезапно родился острый свист, пролетел и разрезал назревшую опухоль жизни. Торжественно и тихо зазвучали два гимна, вспугнули молчание и разбудили небо. Ближе и ближе подходили лагеря друг к другу, громче и громче звучала музыка борьбы, раздался удар грома, и началась битва. Задымилась громадные здания, заиграли лоскутья пожара и воцарился хаос. Пали люди, пали дома и почернели знамена. Долго шла эта битва. Быстро пали угнетаемые, слабые, и слабее звучал их клич «За Правду», и все сильнее становился клич «За Право».

Но вдруг появился новый человек. Быстро ринулся он в пламя битвы, ветер развеивал его огненный плащ, и далеко разнесся его призыв: «Да здравствует Правда!..» Быстро протянул он руку. Бросил что-то в стан угнетателей. Раздался треск, и угнетающие пали, пораженные новым пришельцем. Раздался великий клич угнетаемых, и пало знамя угнетателей.

Гордо развеивалось над городом знамя, гласившее: «За Правду».

Но мало-помалу оно выцвело и заменилось новым. «За Право», гласило оно...»

Этими словами можно охарактеризовать кредо Питирима Сорокина, а также представить их в качестве своеобразного описания его собственной, богатой драмами, катастрофами, неожиданными поворотами и творческими озарениями жизни – жизни, разделенной историческими поворотами на два периода и два континента. «Долгий путь» – именно так Питирим Сорокин назвал свою жизнь. Переломным периодом, как в истории России, так и в судьбе целого поколения, к которому принадлежал Питирим Сорокин, был период Великой Русской революции 1917 года, именно так в историографии современной России принято называть Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. В связи с этим настоящий выпуск «Вестника СГУ» является отчасти юбилейным и символическим, поскольку выходит в сотую годовщину Русской революции 1917 года. Именно этот факт обусловил тематику представленных статей и материалов: революция и политика – вот основная тема номера.

Нужно отметить, что ещё тридцать лет назад о научном творчестве Питирима Сорокина знал лишь ограниченный круг ученых историков и философов, а сегодня его наследие изучают не только за рубежом и в ведущих академических центрах нашей страны, но и на родине социолога – в Республике Коми. Ученые из Сыктывкара активно включились в почти сформировавшееся научное направление отечественной социологии – «сорокиноведение». И здесь удачно совпали административные усилия власти по увековечиванию имени Питирима Сорокина: в 2015 году Сыктывкарскому госуниверситету было присвоено имя Питирима Сорокина, а годом раньше у входа в главное здание СГУ торжественно открыли памятник социологу. В Сыктывкаре не только отдают дань и почтение научному наследию земляка, но и тщательно и подробно изучают его в последние годы. Именно в Сыктывкаре стартовал и успешно реализуется крупный научный проект – издание полного собрания сочинений Питирима Сорокина. Тем не менее в ходе этого процесса исследователям предстоит приложить еще немало усилий, сопряженных с новыми интересными открытиями.

Как было уже отмечено, этот номер «Вестника СГУ» (серия «гуманитарные науки») по сути является спецвыпуском, полностью заполненным материалами по научному осмыслению наследия Питирима Сорокина.

Первый раздел номера посвящен Русской революции 1917 года, активным участником которой являлся Питирим Сорокин, что оставило неизгладимый след в его биографии и творческом наследии. Во второй раздел включены статьи, отражающие сложные теоретико-методологические проблемы как в изучении научного наследия П.А. Сорокина, так и в самом его научном наследии. Третий раздел отдан «самому Сорокину» – его работам и эпистолярному наследию. В этом разделе публикуется глава из пока не изданной в России работы П. Сорокина «Власть и нравственность» (вышла в 1959 году, написана в соавторстве с У. Ланденом). Кроме этого, в разделе размещены письма Питирима Сорокина евразийцу Е.А. Сетницкому; эта публикация подготовлена ведущим биографом Питирима Сорокина Ю.В. Дойковым. Также в номере представлен наиболее полный на сегодняшний день обзор исследований творчества Питирима Сорокина в России и за рубежом, а также рецензия на недавно вышедший том собрания сочинений П. Сорокина, содержащий его художественные произведения, в том числе фантастический роман «Прачечная человеческих душ». Завершает номер перевод словарной статьи о Сорокине, подготовленный самим Сорокиным.

Наследие П.А. Сорокина обширно и многогранно. Для его продуктивного изучения на современном этапе необходимо использовать потенциал различных социальных и гуманитарных наук. Это, в свою очередь, требует активного сотрудничества между исследователями. Представляемый вниманию читателей выпуск журнала был задуман как одна из «площадок» для такого сотрудничества. Будем надеяться, что реализация этой задумки оказалась успешной, и в будущем подобные проекты будут более заметными и востребованными.

Даже при том, что весь выпуск настоящего «Вестника» посвящен исключительно Питириму Сорокину, мы осознаем, что нам удалось рассмотреть лишь малую часть сюжетов, связанных с его научным наследием. По мере углубленного изучения этого наследия в творчестве Питирима Александровича Сорокина открываются все новые грани.

Ответственные за выпуск: В.А. Ковалев, А.Ю. Долгов, М.В. Ломоносова

1917–2017. Питирим Сорокин и социология революции

От редакции. В 1924 г. на страницах американского журнала «Форум», который издавался библиотекой Колледжа Дрери (г. Спрингфилд, штат Миссури) в рубрике «Потерпел ли Ленин провал?» развернулась заочная дискуссия. Редакция этого журнала вслед за разоблачающей статьей П.А. Сорокина «Ленин – разрушитель» поместила в номере статью с прямо противоположным мнением о Ленине: «Величайший человек нашего времени». Автором последней была Анна Луиза Стронг (1885–1970) – американская журналистка и общественная деятельница, опубликовавшая множество книг и статей в поддержку коммунистических режимов СССР и КНР. Поскольку споры вокруг личности Ленина до сих пор не утихают, редакция сочла возможным открыть раздел «Вестника» этой дискуссией статьей Сорокина, в которой он предельно четко выразил свое мнение о Ленине и его вкладе в развитие страны.

П.А. Сорокин (1889–1968)

Ленин – разрушитель¹

По мнению профессора Сорокина, выступающего в роли яростного обличителя политики покойного диктатора России, единственной заслугой Ленина перед человечеством следует считать то, что он устроил из своих собственных идей такое трагическое месиво, которое дискредитировало их навсегда. Он сваливает на Ленина вину за все беды, обрушившиеся на его страну после революции, и в конечном счете объявляет его патологическим фанатиком и вдохновителем разрушения, у которого нет ни новых идей, ни послания к человечеству, – этаким полубезумным предводителем кровавых бунтовщиков. – *Ред. журнала «The Forum».*

P.A. Sorokin (1889–1968). Lenin, the destroyer

Lenin's only service to mankind was that he made such a tragic mess of his own ideas that he discredited them forever, according to Professor Sorokin, who presents a scathing denunciation of the policies of the late dictator of Russia. He fastens upon Lenin blame for all the ills that have befallen his country since the Revolution, and sums him up as a pathological fanatic and an agent of destruction, with no new ideas and no message for humanity, – a half-mad leader of brutal rebels. – *The Forum.*

Для цитирования: Сорокин П.А. Ленин – разрушитель // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 5–9.

For citation: P.A. Sorokin. Lenin, the destroyer // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 5–9.

Врача, инженера, архитектора или художника оценивают не столько по его субъективному желанию, сколько по объективному результату его деятельности.

¹ Перевод выполнен по: Sorokin P. Lenin, the destroyer // The Forum. 1924. Vol. LXXI. № 4. P. 417–422.

Недостаточно иметь желание вылечить болезнь или вообразить замечательную машину, чтобы быть хорошим врачом или искусным инженером. То же самое можно сказать и о государственном деятеле. Даже у сумасшедшего может возникнуть страстное желание стать спасителем человечества. Но лишь в том случае, когда государственному деятелю удастся реализовать свои цели и они оказываются полезными для масс – в экономическом, физическом, нравственном и интеллектуальном отношениях – о нем можно сказать, что он был успешен и велик.

С этой объективной точки зрения фигуру Ленина и результаты его жизни и деятельности оценить довольно легко. Выдвинул ли он какие-нибудь новые научные идеи, разработал ли какие-нибудь теории? Каждый, кто читал его книги и статьи, должен ответить на этот вопрос отрицательно. В своих книгах, начиная с первой из них («Развитие капитализма в России») и заканчивая последними («Государство и революция», «Марксизм и ренегат Каутский», «Империализм как высшая стадия развития капитализма»), в своих статьях и выступлениях Ленин никогда не выдвигал ни новой теории, ни новой идеологии, ни какой-нибудь новой идеи. Все его книги, статьи и выступления были не чем иным, как унылым и монотонным повторением четырех или пяти идей Маркса и двух-трех идей других авторов. Философский и экономический материализм; примитивный атеизм; классовая борьба; диктатура пролетариата; слепая вера в революционный метод социальных преобразований, в полезность принудительной национализации или социализации производства; вера в насильственное выравнивание экономического уровня жизни; наконец, наивная убежденность в том, что стихийное развитие капитализма приведет к социалистическому раю на земле; что ненависть и кровавая борьба, а не альтруизм, взаимопомощь и сотрудничество индивидов и классов являются реальной творческой силой, – таковы основные составляющие ленинской идеологии. Оригинальна ли эта идеология? Нет. Можно ли его кругозор назвать широким? Наоборот, он был очень узок. Это идеология интеллектуально убогого человека.

Но тогда, может быть, Ленин был успешным практическим деятелем, который со своей гениальностью был способен осуществить эти идеи на практике и улучшить таким образом физические, экономические, умственные и нравственные условия жизни людей, особенно представителей трудящихся классов? Опять-таки объективные результаты ленинской диктатуры дают нам вполне определенный ответ на этот вопрос.

Объективные результаты деятельности Ленина были, вкратце, таковы¹.

Семнадцать миллионов мужчин и женщин погибли в ходе революции. Из этого «мяса революции» около двух миллионов стали жертвами гражданской войны (из них около 500000 – жертвы красного террора); остальные пятнадцать миллионов – это жертвы голода и болезней, вызванных к жизни революцией. Эта потеря означает не только количественное сокращение численности населения, но и качественное его ухудшение, поскольку жертвами, как правило, становятся лучшие люди страны.

Вся экономическая жизнь в России была разрушена. Российская промышленность в 1918–1921 гг. составляла 10 или 15 процентов от дореволюционной, а сельское хозяйство снизилось до 20 или 25 процентов. Даже сейчас, после отказа от коммунистической системы в 1921 г., российская промышленность составляет лишь 20 или 25 процентов, а сельское хозяйство 40 или 45 процентов по сравне-

¹ Все данные, которые привожу, взяты из официальных большевистских источников.

нию с дореволюционным периодом. Это означает полное экономическое обнищание всех классов. Средняя зарплата рабочего до революции была около 22 золотых рублей в месяц. В эти годы она колебалась от 2 до 10 рублей. Средний годовой доход снизился с 87 рублей в 1916–1917 гг. до 36 рублей в 1921–1923 гг. Вместо 19000 паровозов и 476000 железнодорожных вагонов в 1916 г., в 1922 г. в России было только 7000 паровозов и 195000 вагонов.

В сфере финансов на 1 января 1917 г. государственный запас России составлял около двух миллиардов рублей золотом и 9,27 миллиардов бумажных денег. К 1 мая 1923 г. большевики растратили весь золотой фонд России и почти все частные и церковные богатства, в то время как количество бумажных денег достигло 607600000000 рублей, которые в пересчете на золотые рубли составят всего лишь около ста миллионов.

Страшный голод, не имеющий аналогов в истории России (даже голод 1601–1603 гг. был не так ужасен), недоедание, болезни, нечеловеческие страдания, ужасающая смертность, резкое снижение рождаемости и физическая деградация и обнищание тех, кто остался в живых, особенно подрастающего поколения, – таковы результаты этой «успешной деятельности».

Но, увы! Это еще не все. Такие же результаты наблюдаются и в других сферах общественной жизни. В области морали мы видим невиданный рост преступности и распущенности. Убийства, кражи, взяточничество, спекуляция и другие преступления увеличились во много раз. Детская преступность в Петрограде в 1921 г. возросла в семь раз по сравнению с дореволюционным уровнем. Кражи на железных дорогах в 1921 г. превзошли его в 150 раз, и т. д.

Распад семьи, рост числа разводов (вместо одного развода на 500 браков до революции – один развод на одиннадцать браков в 1922 г.), половая распущенность, венерические заболевания и т. д., – все это еще один результат деятельности Ленина и его соратников.

Разрушение школ и всей системы народного просвещения и образования является еще одним из «благдеяний» этого «освободителя» человечества. Вместо 450 миллионов золотых рублей, потраченных на преподавание и обучение в 1914 г., в 1922 г. на эти цели было выделено 36 млн рублей.

Наряду с количественным сокращением, школьная система была разрушена и качественно. Лучшие учителя и преподаватели были казнены, сосланы, заключены в тюрьму или уволены. Вместо них назначены «красные профессора» и «красные учителя», не имеющие ни способностей, ни опыта в деле образования и обучения. Если бы само население не приняло участия в сфере образования, несмотря на препятствия, чинимые коммунистами делу воспитания и обучения вне коммунистической школы, Ленин со своей командой, несомненно, преуспел бы в ликвидации грамотности в России.

Наконец, что произошло в сфере гражданских прав и свобод? Ничего, кроме полного уничтожения всех свобод для всех классов населения России за исключением самих коммунистов (372000 человек из 129 миллионов населения России). Свобода прессы ликвидирована полностью. Все газеты и журналы, кроме коммунистических, запрещены. Не только книги и брошюры, но даже визитную карточку нельзя напечатать без специального разрешения.

Свобода объединений, собраний, выступлений, религиозных процессов также запрещена. Только сами коммунисты имеют эти права. Все гарантии прав владения и собственности, безопасности жизни ликвидированы. Любые реальные выборы или поползновения на самоуправление и автономию, любая попытка реализации принципов демократии объявляются «буржуазными предрассудками» и подвергаются преследованию.

Да не подумают читатели, что этим ограничениям были подвергнуты только аристократические и капиталистические классы. Они в равной мере коснулись крестьян и рабочих.

Вместо освобождения был создан неограниченный деспотизм, самодержавие и тирания. Но и это еще не все. Люди были превращены в рабов правительства. До 1922 г. они не имели права на выбор профессий и рода занятий, права на выбор места жительства, еды и одежды, права совершать поездки без разрешения правительства, читать книги и газеты, какие хочется; короче говоря, вместо свободы была создана такая система рабства, которую можно найти лишь много-много веков тому назад.

Никакую капиталистическую эксплуатацию нельзя сравнить с эксплуатацией русских рабочих и крестьян, которая осуществлялась в эти годы небольшой группой коммунистов и их приспешников. Даже сейчас русские крестьяне эксплуатируются в шесть или семь раз сильнее, чем это было во время царского режима.

Эти результаты очевидны любому человеку, который жил в России в эти годы и знает реальную ситуацию. Ни наполеоновское вторжение в Россию, ни все войны, периоды голода, эпидемий и бедствий, который обрушивались на Россию в течение двадцати столетий, не были столь разрушительны, как шесть лет диктаторского правления Ленина и его сторонников.

У истории своя ирония. На самом пике этого колоссального провала мы видим отказ самого Ленина от созданной им системы и от собственной теории, – замену коммунистического строя 1918–1920 гг. «новой экономической политикой» 1921 г., которая является всего лишь примитивной капиталистической системой, построенной самими коммунистами. Что это означает, если не полное банкротство самого коммунизма, если не очевидное *testimonium pauperitatis** деятельности Ленина!

Вместо коммунизма мы видим теперь в России беспрецедентный рост индивидуализма и полную дискредитацию коммунизма и социализма. Вместо уничтожения инстинкта владения и частной собственности мы наблюдаем его усиление и торжество; вместо атеизма – беспрецедентное возрождение религиозного чувства. Вместо искоренения национализма в результате коммунистической пропаганды интернационализма мы наблюдаем высочайший дух национализма и патриотизма. Такое положение вещей – прямая противоположность тому, чего хотел добиться Ленин. Я не могу представить себе более яркого свидетельства его провала.

Для человека, знающего, что Ленин с момента его возвращения в Россию в 1917 г. был в последней стадии прогрессивного паралича, знающего, что он уже тогда был не совсем нормален, что эта ненормальность в конце 1921 г. была засвидетельствована врачами, – для такого человека психология Ленина и все его поведение вполне объяснимы на почве патологии. Полубезумный и больной, он как раз

* Букв.: «свидетельство о бедности»; признание слабости, несостоятельности в чем-либо; свидетельство чьего-либо скудоумия (*лат.*).

подходил для того, чтобы стать во главе правительства, отличившегося дикими разрушениями, безграничным зверством, жестокостью и злобностью. Пышные фразы и громкие слова, с помощью которых он пытался «приукрасить» всю низость своей натуры, свою антисоциальность, безумие и дикую активность, суть не что иное, как обычная «вуаль», которой такие лица пытаются обмануть и самих себя, и других людей. Любому хорошему психологу, психиатру и бихевиористу этот факт очень хорошо известен. Только невежественные и наивные люди, с одной стороны, и лица ненормального, антисоциального и недоразвитого типа (которых довольно много среди правых и левых экстремистов, радикалов, и «сверхидеалистов») – с другой, могут обмануться этими «великолепными речевыми реакциями»; только для них Ленин является «спасителем» и «освободителем человечества», «великим реформатором», «новым Иисусом Христом» и т. д. У меня нет желания убеждать их, потому что их нужно не столько убеждать, сколько лечить.

Единственная заслуга Ленина состоит лишь в том, что он сам, больше чем кто-либо другой, дискредитировал собственные идеи коммунизма и социализма. Но он едва ли стремился к такому результату, и другие коммунисты и социалисты вряд ли будут благодарны ему за такую заслугу. Поистине, у истории своя логика и ирония. В том, что смертельный удар коммунизму нанес сам коммунистический вождь, есть действительно что-то провиденциальное и символическое.

Перевод *В.В. Сапова*

Питирим Сорокин и В.И. Ленин

В статье рассматриваются взаимоотношения двух известных политических оппонентов – П.А. Сорокина и В.И. Ленина. Анализируются социально-политическая публицистика, мемуары и другие исторические документы, в которых показано, как Сорокин оценивал личность Ленина и как действия и решения Ленина повлияли на судьбу Сорокина.

Ключевые слова: П.А. Сорокин; В.И. Ленин; революция; политическая борьба; социализм; большевизм; власть и наука.

V. Sapov (Moskva). Pitirim Sorokin and V.I. Lenin

The article examines the relationship between two prominent political opponents – P.A. Sorokin and V.I. Lenin. Social and political journalism, memoirs and other historical documents are analyzed in order to show how Sorokin evaluated the Lenin's personality, and how Lenin's actions and decisions influenced over the Sorokin's life.

Keywords: P.A. Sorokin; V.I. Lenin; revolution; political struggle; socialism; Bolshevism; power and academia.

Для цитирования: Сапов В.В. Питирим Сорокин и В.И. Ленин // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 10–33.

For citation: Sapov V.V. Pitirim Sorokin and V. I. Lenin // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 10–33.

Тема «Питирим Сорокин и В.И. Ленин» заслуживает, конечно, большого самостоятельного исследования. Просто удивительно, что такого исследования до сих пор нет ни на Западе, ни в России. И там и здесь «гигантская альтернатива марксизму» (каковой, по словам одного из современников Сорокина, является его социологическое учение) оказалась незамеченной и не востребовавшей. Между тем П.А. Сорокин абсолютно точно описал сценарий будущего краха советской системы (единственное, в чем он ошибся, так это в сроках), а кроме того, предложил и свой рецепт, который мог бы позволить избежать этого краха. Увы, повторим еще раз, прогноз остался незамеченным, рецепт – не востребовавшимся.

С самого начала стоит отметить, что тема нашей статьи, если переменить местами два имени, вынесенные в ее заголовок, заметно сузится и, так сказать, обмелеет. Для Ленина Питирим Сорокин – предмет двух небольших статей [см.: 7 и 8], причем во второй из них он, видимо, уже забыл, что некогда (хотя, в общем-то, сравнительно недавно) уже писал о нем, и именует его не иначе, как «неким г. П.А. Сорокиным». Отношение Ленина к Сорокину, как и вообще ко всем идейным и политическим противникам, можно охарактеризовать двумя словами: «бешеная ненависть» [1, 46]. Отношение Сорокина к Ленину было не столь однозначным,

хотя в целом на протяжении всей его жизни оставалось негативным. Кроме того, тема «Сорокин и Ленин» предполагает вторжение в такие смежные темы, как «Сорокин и марксизм», «Сорокин и социализм», «Сорокин и большевизм», а эти темы в свою очередь, требуют, чтобы та же самая дихотомия была решена и относительно Ленина. Кем и чем на самом деле был вождь пролетарской революции? Марксистом, социалистом, коммунистом, большевиком? Или и тем, и другим, и третьим, и еще, может быть, чем-то четвертым? К сожалению, на все эти вопросы нет однозначных и общепринятых ответов. Точнее говоря, ответов слишком много. Проблема усложняется еще и тем, что большая часть статей и высказываний Сорокина о Ленине написана на английском языке. И использует он, разумеется, англо-американскую социально-политическую лексику. Поэтому он пишет не о «большевиках», а о «коммунистах», не о «большевистском перевороте» или «большевистской революции», а о революции «коммунистической» и т. д. Сколько важных оттенков и нюансов исчезает при этом, трудно даже сказать. Все эти оттенки отметить и проанализировать, конечно, невозможно, но следует иметь в виду, что правомерность или ошибочность отождествления таких понятий, как «марксизм», «социализм», «большевизм» и «коммунизм», зависит от контекста и, так сказать, от обстоятельств времени и места. Начать же наш анализ, или, если угодно, исторический обзор, придется *ab ovo*, т. е. с самого начала.

Если верить воспоминаниям Сорокина, то впервые с работами Ленина он познакомился, находясь в тюрьме г. Кинешмы, в которой оказался в декабре 1906 г. за революционную деятельность. «Ежедневные дискуссии, – писал Сорокин, – и напряженное чтение работ Михайловского, Лаврова, Маркса, Энгельса, Бакунина, Кропоткина, Толстого, Плеханова, Чернова, Ленина и других революционных классиков познакомили меня с различными теориями переустройства общества, идеологиями и социальными проблемами. Знакомясь с трудами Чарльза Дарвина, Герберта Спенсера, других «эволюционистов» и вообще с самыми разными научными работами и философскими трактатами, я расширял свои знания о науке, эволюции и философии. В течение четырех месяцев, проведенных за решеткой, я, по-видимому, узнал больше, чем мог бы дать мне пропущенный семестр в церковно-учительской школе» [12, 38]. В тюрьме, как известно, Сорокин провел около трех с половиной месяцев – за такой срок знакомство с работами целой дюжины авторов может носить только беглый и поверхностно-ознакомительный характер.

Поскольку приведенная выше цитата относится к позднему творчеству социолога, то её можно трактовать по-разному. Можно гадать о том, с какими именно работами познакомился в тюремных стенах юный революционер (который, кстати говоря, вскоре отойдет от революции и займется наукой) и не является ли зачисление им Ленина в разряд «революционных классиков» вполне объяснимым анахронизмом. По этому поводу можно дискутировать сколько угодно, результат дискуссии – чем бы он ни закончился – все равно будет носить лишь гипотетический характер. К счастью, сохранился дневник Питирима Сорокина, из которого следует, что среди прочих работ Ленина он читал «Проект аграрной программы» [4, с. 23].

Но настоящее «знакомство» Питирима Сорокина с Лениным состоялось лишь в апреле 1917 г. после возвращения Ленина из эмиграции. С этого момента имя большевистского вождя довольно часто появляется на страницах публицистических работ Питирима Сорокина, что дает возможность сравнить некоторые его

оценки и суждения из книги «Листки из русского дневника» с тем, какими они были «на самом деле». Один американский критик «Листков» заподозрил их автора в обычном грехе всех мемуаристов и авторов воспоминаний: в приписывании себе предвидений того, что стало явным спустя лишь некоторое время. Вот что писал в 1925 г. Л. Мартин в статье «Политические мемуары социолога»: «Питирим Сорокин, наконец, обнародовал свой дневник, который он вел в эти страшные годы. Как история или как социология, он имеет два явных дефекта: он написан с явно антибольшевистской позиции и, несомненно, отредактирован и подретуширован. Г-н Сорокин утверждает, что начал писать эту книгу, опираясь на свои дневниковые записи и на свою память, в ноябре 1923 г., когда прибыл в эту страну. Удивительная правота дневниковых пророчеств и предчувствий – вот главное свидетельство ретуши» [15, с. 609].

В «Листках» имя Ленина впервые упоминается в четвертой главе, в которой описываются события апреля 1917 г. «На днях, – пишет Сорокин, не уточняя даты, – ожидается приезд большевистских лидеров – Ленина, Троцкого, Зиновьева и прочих. Они едут через Германию с разрешения немецкого правительства, предоставившего им специальный «пломбированный» вагон. В народе кое-кто негодует на Временное правительство за то, что оно разрешило этим особам вернуться. Распространяется слух, что Ленин и его спутники (около сорока человек) подкуплены германским штабом для того, чтобы подстрекать Россию к гражданской войне и еще сильнее деморализовать русскую армию. Я не знаю, правда ли это, но если это так, то что может сделать правительство, чтобы это предотвратить? Любая попытка правящей партии будет расцениваться взбудораженными массами как контрреволюция» [15, с. 75–76]. Ленин, как известно, прибыл в Россию 4/17 апреля и сразу же выступил со своими «Апрельскими тезисами», один из которых (всего их было десять) гласил: «Никакой поддержки Временному правительству». В той же главе Сорокин пишет: «Ленин и его спутники прибыли. Их первые выступления на конференции большевиков привели в замешательство даже крайне левых. Ленин и его группа вернулись в Россию очень богатыми людьми, и, как следствие, сильно возросло число большевистских газет, памфлетов, прокламаций и т. п. Троцкий поселился в очень богатых апартаментах. Откуда у них столько денег – вот вопрос.

Началась «национализация». Большевики силой завладели дворцом балерины Кшесинской, анархисты захватили дачу Дурново и другие здания, бесцеремонно выселив их владельцев. И хотя последние обратились в суд и к правительству, ничего не было сделано для того, чтобы вернуть им их собственность» [15, с. 77]. Здесь, конечно, сразу же бросается в глаза допущенная Сорокиным неточность. На основании этой и предыдущей «дневниковой» записи у читателя, не знакомого с хронологией революции 1917 г., может создаться впечатление, что Ленин и Троцкий возвращались и возвратились в Россию вместе и одновременно. На самом деле выехали они из разных мест (Ленин – из Швейцарии, Троцкий – из США) и вернулись в Россию в разное время. Хотя выехали они одновременно, Троцкий (он был интернирован британскими властями в Канаде) прибыл в Петроград 4/17 мая, т. е. через месяц после приезда Ленина и его группы. Так что в апреле 1917 г. Троцкий никак не мог еще поселиться «в очень богатых апартаментах».

Конечно, это незначительная ошибка, простительная для мемуариста, описывающего события почти семилетней давности. Важнее то, что уже во втором номе-

ре «Воли народа» (30 апреля/13 мая) Сорокин публикует статью «На распутье», посвященную вопросу «Сохранится ли единство государства?» [13, с. 22] Прошло всего два месяца после свержения царизма и формирования Временного правительства, а уже начался процесс, который, выражаясь языком современной политики, можно назвать «парадом суверенитетов». ««Шлиссельбургская республика» объявила себя автономной и ввела свои порядки. Быть может, они и очень хороши, но хорошая самовольная организация Шлиссельбургской единицы означает дезорганизацию всей страны» [13, с. 23]. И далее: «В Кронштадте, быть может, тоже отличнейшие порядки. Но вместе с тем, поскольку он знать ничего не хочет о центральной власти, эти порядки становятся всероссийским беспорядком». Кроме того, 20 и 21 апреля 1917 г. в Петрограде произошли массовые выступления и беспорядки, вызванные нотой министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова, в которой он подтвердил, что Россия сохранит верность взятым на себя союзническим обязательствам, т. е. не заключит сепаратного мира с Германией, а продолжит войну. Это привело к первой вооруженной демонстрации в столице против Временного правительства. К вечеру 21-го апреля на улицах началась стрельба, и были жертвы. На этот раз правительству удалось договориться с Исполнительным комитетом Совета, и ситуация была взята под контроль. Тем не менее Временное правительство первого состава было заменено правительством так называемой первой коалиции с социалистами (сформирована 5 мая 1917 г.), в котором пост министра иностранных дел занял М.И. Терещенко. Кризис вроде бы миновал, но как быть с образовавшимися «автономиями» и другими признаками начинающегося распада страны, каковых можно привести множество? Но «к чему иллюстрации! – восклицает Сорокин. – Их каждый видит, слышит, читает о них. Прибавьте к этому агитацию «ленинцев», исключительную проповедь вражды классов, классовой войны и целый ряд других призывов, где стирается грань между призывом к революции и призывом к преступлению. Учтите все тяжелое наследие старого режима: дезорганизацию продовольствия, железнодорожного движения, глубокое невежество, недоверие к власти вообще, какова бы она ни была, распоясавшиеся аппетиты, отсутствие прочных моральных устоев, культурных навыков и т. д. и т. д.; прибавьте, наконец, угрозу внешнего нашествия, угрозу «труса, потопа, огня и меча», и легко понять, почему в радостные дни свободы лица многих стали сумрачными, почему вздох облегчения соединяется с вздохом тревоги, почему под синим небом весны и красным знаменем революции взгляды людей не светлы, речи – не радостны, жизнь – не спокойна» [13, с. 24].

Следующие записи в «Листках», касающиеся Ленина, относятся к маю-июню 1917 г. (глава пятая: «Агония»). Именно их чаще всего цитируют и подвергают сомнению. «Из интересных эпизодов, – пишет Сорокин, – отмечу появление на съезде Ленина (имеется в виду I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, на котором Ленин выступил 22 мая / 4 июня 1917 г. – В.С.). Поднявшись на трибуну, он театральным жестом скинул с себя пальто и начал говорить. Лицо этого человека напоминает мне лица прирожденных преступников из альбома Ломброзо, и в то же время в нем есть что-то похожее на религиозных фанатиков из числа староверов. Он неважный оратор, и все его усилия пробудить энтузиазм к большевикам пропали совершенно напрасно. К его речи отнеслись холодно, личность его возбудила неприязнь, и, закончив выступление, он удалился в явном замешательстве».

И чуть далее (без указания даты): «Я остановился у дворца Кшесинской, чтобы послушать Ленина. Хотя он и неважный оратор, мне кажется, что этот человек пойдет далеко. Почему? Потому что в нем есть готовность и решимость поощрять любое насилие, преступность и непристойность, которые в нынешних деморализующих обстоятельствах пока еще сдерживаются.

– Товарищи рабочие, – так начал Ленин свою речь, – отбирайте фабрики у тех, кто вас эксплуатирует! Товарищи крестьяне, отбирайте землю у ваших врагов, помещиков! Товарищи солдаты, кончайте войну, идите по домам. Заключайте мир с Германией и объявляйте войну богатым! Бедняки, вы умираете с голоду в то время, когда кругом полно банкиров и плутократов. Почему бы вам не отнять все это богатство? Грабьте награбленное! Разрушим до основания капиталистическое общество! Долой его! Долой это правительство! Долой всякую войну! Да здравствует социальная революция! Да здравствует классовая борьба! Да здравствует диктатура пролетариата!

Такая речь всегда вызывает живой отклик. В данный момент это благая весть для преступников, лентяев, грабителей, паразитов и всех неустойчивых умов. Ленин хорошо знает, что кратчайший путь к его цели лежит в пробуждении самых низменных животных инстинктов у бездумных масс. За Лениным следует Зиновьев. Что за отвратное создание этот Зиновьев! В его писклявом бабьем голосе, в его лице и жирной фигуре есть что-то отвратительное и непристойное; это редкий моральный и умственный выродок. Прекрасного ученика нашел себе Ленин.

Послушав около часа, я пересек Троицкий мост, направляясь в редакцию. День был чудесный. Ярко светило солнце, и безоблачное небо отражалось в Неве. Но душу мою переполняла мрачная тоска. Я знал, что эти люди – предвестники ужасных событий. На месте правительства я бы арестовал их без всяких колебаний. Если необходимо, я бы казнил их для того, чтобы предотвратить ужасающую катастрофу, в которую они хотят свергнуть страну» [15, с. 79–80].

Начнем с самого, пожалуй, резкого, а для сторонников «вождя мирового пролетариата» и оскорбительного утверждения Сорокина: «Лицо этого человека напоминает мне лица прирожденных преступников из альбома Ломброзо». Действительно, в «альбоме Ломброзо» есть лицо преступника, напоминающее Ленина на фотографии 1910 года, сделанной в Париже (Ленин на ней с усами, но без бороды) [24; tav. VI, № 31 – maniaci]. Но, во-первых, при желании для любого человека (тем более, если есть фотографии, на которых он запечатлен в разные периоды жизни и в разных ракурсах) – от Алкивиада до Квазимодо – в коллекции Ломброзо можно найти некое подобие. Во-вторых, основной постулат итальянского криминалиста «Преступниками не становятся, преступниками рождаются» давно опровергнут и современной психиатрией, и криминалистикой, и социологией. Да и сам Питирим Сорокин еще в первой своей крупной работе писал: «Мы считаем совершенно невозможным установление антропологического типа преступника ввиду изменчивости самого понятия преступления» [18, с. 101].

Что касается утверждения Сорокина о том, что Ленин «неважный оратор», то это тоже вопрос спорный. У каждого выступающего бывают удачи и неудачи, бывают даже срывы. Кроме того, как говорил Чаадаев, «слово звучит лишь в отзывчивой среде». В тот день Ленин выступал в аудитории, в целом настроенной к нему враждебно, поэтому слово его и «не звучало». «Важным оратором» (да еще каким!) был А.Ф. Керенский – известно, однако, чем кончилось дело.

Еще интереснее следующий эпизод из воспоминаний Сорокина. Если, опять-таки, ему верить, то оказывается, что он единственный свидетель, собственными ушами слышавший речь Ленина, в которой тот призывал «грабить награбленное». В Полном собрании сочинений В.И. Ленина, в котором зафиксированы все его выступления с балкона дома Кшесинской, такого выступления нет. Известно, что в январе 1918 г. Ленин употребил это выражение, сославшись при этом на «одного старого большевика»[9], но это было, во-первых, годом позже, а во-вторых, в это самое время Питирим Сорокин сидел в Петропавловской крепости и слышать слова Ленина никак не мог. Единственным источником, подтверждающим ленинское авторство этих слов, служит брошюра Л.Д. Троцкого «О Ленине», но и в ней эпизод этот не датирован. В главе «Правительственная работа», начинающейся со слов «Власть в Петербурге завоевана. Надо формировать правительство», Троцкий пишет:

«Газеты особенно ухватились за слова «грабить награбленное» и ворочали их на все лады: и в передовицах, и в стихах, и в фельетонах.

– И далось им это «грабить награбленное», – с шутливым отчаянием говорил раз Ленин.

– Да чьи это слова? – спросил я. – Или это выдумка?

– Да нет же, я как-то действительно это сказал, – ответил Ленин, – сказал да и позабыл, а они из этого сделали целую программу. – И он юмористически замахал рукой» [23, с. 213].

Слово «юмористически» здесь особенно характерно. К некоторым вещам, от которых у обычных людей, пробегает мороз по коже, Ленин относился с юмором и говорил о них с улыбкой.

«Однажды, – рассказывает А.М. Горький, – он, улыбаясь, показал мне телеграмму:

«Опять арестовали скажите чтобы выпустили».

Подписано: Иван Вольный» [2, с. 261].

А еще был случай, когда Ленин так весело хохотал, что едва не умер. Ну, там дело было совсем пустяковое: разогнали Учредительное собрание. К этому эпизоду мы еще вернемся, а пока дальше полистаем страницы «Воли народа». Полистаем – и с удивлением обнаружим, что там ничего этого нет. То есть – ни о выступлении Ленина на съезде крестьянских депутатов, ни о Ломброзо, ни о «грабить награбленном». Ближайшая по времени к событиям, рассказанным в «Листках», статья Сорокина называется «Возможна ли в России реакция» и датирована она 26 мая / 8 июня. Сначала на этот вопрос дается оптимистичный ответ: «Большинство из нас уверено, что реакция в России невозможна. Доказательством этого положения выставляют тот факт, что у нас нет крупных реакционных сил, что старый порядок почти что не имеет защитников, что крестьянский и рабочий класс всецело на стороне революции и т. д.» [13, с. 43]. Затем Сорокин вкратце излагает урок, которому учит «история всех революций». Этот «урок» (впоследствии он станет концептуальной основой его «Социологии революции») состоит в следующем: «Всякая революция в своем развитии проходит два этапа: в первый период революционный маятник, раскачавшись, сносит все старое и в своем движении вперед достигает своего максимума; затем начинается второй этап: революционный маятник начинает ползти обратно, отдает одну позицию за другой, пока не останавливается на одном из пунктов, довольно далеко от ранее достигнутой максимальной точки» [13, с. 44].

Причиной начинающегося «обратного сползания» революционного маятника является все большее нарастание недовольства среди различных слоев населения. Это нарастающее недовольство само по себе является интереснейшей социологической проблемой, но Сорокин ее, по сути дела, обходит. Иначе пришлось бы констатировать еще одну закономерность: любая революция побеждает в результате минимального и иногда чисто случайного перевеса сил. Известно, что бывает «достаточно двух батарей, чтобы смести эту сволочь». Но вот не оказалось в нужное время и в нужном месте этих самых двух батарей, и придворный докладывает: «Нет, ваше величество, это не бунт, это – революция». А окажись они под рукой, и может быть, эта самая революция закончилась бы в тот самый момент, в какой началась. После победы революции (даже если она «народная», «мирная» и «бескровная») вскоре оказывается, что недовольных гораздо больше, чем предполагалось. Прежде всего, это те, кого революция лишила власти, богатства и привилегий. Т. е. сторонники «старого режима», «монархисты» в самом широком смысле этого слова. С точки зрения революционеров это «реакционные силы». Их, считает Сорокин, «у нас нет». Кто же или что же угрожает революции? «Прежде всего, – пишет Сорокин, – бесформенная, но весьма значительная общественная группа, которая носит название «обывателя». Обыватель напуган революцией. Она отняла у него покой. Она нарушила его мир, увеличила опасности, внесла беспорядок в его жизнь, короче, дала ему минусы, а не плюсы. Обыватель всегда консерватор. Он любит порядок, чиновничество, сложившийся уклад жизни. Революция все это перевернула вверх дном – и обыватель негодует. Пока он негодует втихомолку, но скоро, вероятно, его голос из шепота превратится в обывательский вопль» [13, с. 44].

Слово «обыватель» в русском языке имеет, как известно, несколько значений. Уничжительный: ограниченный человек с мещанскими взглядами, тихий человек с нулевым уровнем пассионарности, приспособленец, равнодушный к политическим вопросам. В немецком языке «обывателю» более или менее соответствует словечко «филистер» (т. е. филистимлянин; в Библии – это огромный тупой почти трехметровый великан, покрытый тяжелой медной броней и вооруженный копьем, один только наконечник которого весит больше семи килограммов; вот это чудовище и победил почти безоружный юноша – почти мальчик – Давид). Аналогия с огромной, но косной обывательской массой и кучкой юных студентов-революционеров, вооруженных одной только вдохновляющей их высокой идеей, абсолютно прозрачна.

Но есть и другое значение. В Российской империи обывателями официально назывались купцы, мещане и ремесленники (городские обыватели), крестьяне и поселенцы (обыватели сельские). То есть это – чуть ли не 90 процентов всего населения России! И всю эту массу людей так уже к концу мая достала начавшаяся в феврале революция, что они скоро издадут «вопль»!

И это еще не все. «С каждым днем растет недовольство против революции и у несознательной части народных масс. Да, революция дала им многое. Рабочим она дала 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, крестьянству – сулит всю землю. Тем и другим дала волю». Но и рабочие недовольны: продуктов становится все меньше, денег много, но они обесцениваются и на них ничего нельзя купить. В результате – предприятия начинают закрываться, и рабочие выбрасываются на улицу. То же и со свободой. «Свобода дана, но вместе с ее благодеяниями рас-

тет и злоупотребление ею: учащаются убийства, кражи, грабежи, погромы, беспорядки, насилия, самовольные действия, поджоги и т. д. и т. д.» [14; 45] И вот, заключает Питирим Сорокин, «когда в эту и без того насыщенную атмосферу вносятся ленински-троцкистские лозунги, заставляющие отшатываться от них и нереакционные классы, когда единое и сильное правительство отсутствует и страна носится по волнам революции без руля и без ветрил, тогда поистине создается атмосфера, благоприятнейшая для всяких реакционных движений и поворотов» [13, с. 45]. Кто осуществит эти «реакционные повороты», остается неясным. Но, во всяком случае, не большевики, не Ленин с Троцким. Они лишь способствуют численному росту реакционных классов, максимально отклоняют маятник революции влево, тем самым усиливая его отклонение вправо, которое – Сорокин как социолог хорошо это знает – начнется на втором этапе революции. Казалось бы, если не за все перечисленные им негативные последствия победившей в России революции, то хотя бы за часть из них можно возложить вину и на Временное правительство. Но, нет, Сорокин остается верен обещанию, данному им в статье «Политическая программа временного правительства». Эта статья, первая из написанных Сорокиным после свержения царизма, начинается словами: «Давно желанное совершилось. Старая власть и старый порядок, сковывавшие жизнь великого народа по рукам и ногам, – пали» [17, с. 282]. Затем, по пунктам разобрав всю программу нового правительства (всего в ней восемь пунктов), заканчивает ее выражением полной поддержки: «Правительство заслуживает полной поддержки в осуществлении начертанной программы.

<...> Однако... эту поддержку оно заслуживает лишь в том случае, если прямо и искренно будет идти объявленной декларацией дорогой. Если же оно будет уклоняться от исполнения своих обещаний, если в объявленные формулы будет вводить ограничения и кривотолкования, естественно, должно измениться и наше отношение к нему. В этом случае, быть может, тактику активной поддержки правительства придется заменить тактикой активной борьбы с ним.

Пока этого отклонения нет. Пока правительство последовательно и честно выполняет свои обещания. В силу этого оно заслуживает полной поддержки русского общества, поддержки, диктуемой спасением родины и закрепощением добытых революцией свобод.

В этих случаях должно помнить слова Герцена: Мы идем с теми, кто освобождает народы, и до тех пор, пока освобождает» [17, с. 293].

Казалось бы, Сорокин, заявивший о своей полной поддержке временного правительства, и Ленин, с момента прибытия в революционный Петроград заявивший: «Никакой поддержки временному правительству» – должны ощущать себя политическими противниками. Что касается Ленина, то так оно и есть. Он с момента зарождения большевизма (а это произошло в 1903 г. на втором съезде РСДРП) считал большевистскую партию единственной революционной партией в России, все остальные либо прикидываются революционерами, либо в действительности являются сторонниками контрреволюции. Но Сорокин на конец мая 1917 г. еще не считает Ленина и его партию главной угрозой революции, а лишь крайне левым ее крылом, деятельность которого отталкивает от революции колеблющиеся элементы (главным образом «обывателей»), тем самым превращая их в сторонников «реакции» (облик которой все еще туманен). Здесь уместно будет напомнить, что и

Сорокин и Ленин находятся в рядах партий, в названии которых присутствует слово «социализм». И это, несмотря на все противоречия между нами, их объединяет. В 1917 г. Сорокин выпустил по крайней мере две брошюры о социализме [21, 22]. Общепринятое определение социализма («общественная собственность на средства производства») представляется Питириму Сорокину односторонним и неполным. «Если бы меня спросили, – пишет Сорокин, – в чем основное различие социализма от современного капиталистического строя, я бы не сказал, что это основное различие заключается в обобществлении средств и орудий производства, как это обычно говорится; это только средство достижения социализма, а основное различие заключается в следующем: *современная культура основана на таких принципах, которые радикально противоречат принципам социалистическим*» [21, с. 3]. Проанализировав эти принципы, он дает социализму такое определение: «*Социалистический строй это такой строй, когда люди будут добросовестно исполнять свои общественные обязанности, не ради того, что им будет грозить каторга или смертная казнь, не ради того, чтобы обеспечить себя и близких, а во имя самого общественного долга, бескорыстного альтруизма, во имя категорического императива. Каждый член социалистического общества выполняет добросовестно необходимые для общества функции, в силу того, что это нужно для общества. Вот та мотивация и основной стержень, на котором строится социалистический режим*» [21, с. 7]. По своей идеалистической наивности это определение социализма напоминает то, что незабвенный М.С. Горбачев говорил о «перестройке» (до «альтруизма» и «категорического императива» он, правда, не додумался). При таком понимании социализма, предполагающем подлинное, а не фиктивное воплощение в жизнь лозунга «Свобода, равенство, братство», социализм «становится идеалом всеобъемлющим, таким строем, выше которого придумать что-нибудь трудно» [21, с. 11]. В конце своей брошюры автор приходит к выводу, что «подлинный социализм – дело будущего и, увы, быть может, довольно далекого будущего» [21, с. 16]. То же самое он пишет и в брошюре «Что такое социализм»: «Само собой разумеется, что такой порядок осуществим не скоро. До него не созрели еще люди. Лишь шаг за шагом возможно его воплощение в жизнь. Хотя и медленно, но человечество несомненно идет к этому светлому будущему! Хотя и не скоро, но все же социализм наступит. Задача каждого из нас – стремиться к нему и работать – в этом направлении» [22, с. 4]. Как видим, стратегического противоречия между большевиками и эсерами практически нет. Разница только тактическая: эсер Сорокин считает, что социализм – светлое будущее – наступит еще очень нескоро, большевик Ленин считает, что приход к власти его партии и будет означать осуществление социализма (или начало его осуществления). Поэтому для Сорокина большевики – это, выражаясь в терминах французской революции, якобинцы, а он сам, партия эсеров и вообще все умеренные социалисты – жирондисты. Все такого рода сравнения и параллели всегда очень опасны тем, что, помогая уловить поверхностное сходство событий, затуманивают понимание их глубинной сущности. По логике французской революции «якобинцы» должны были свергнуть «жирондистов», установить на какое-то время режим кровавого террора. После чего должен был явиться русский Бонапарт и начать второй этап революции. Русская революция грубо нарушила эту логику.

После событий 3 июля Временное правительство объявило партию большевиков вне закона. Некоторые большевистские лидеры были арестованы (Троцкий, Коллонтай и др.), Ленин и Зиновьев ушли в подполье («бежали», по словам Сорокина), газета «Правда» была запрещена. Мы-то теперь знаем, чем завершилась эта история, но люди того времени жили в ожидании неведомого им будущего. Не был исключением из их числа и Питирим Сорокин, хотя именно в это время его социальный статус значительно повысился: он стал секретарем А.Ф. Керенского, занявшего 7/20 июля пост премьер-министра Временного правительства. Это был пик политической карьеры Сорокина, никогда в жизни он уже не приблизится к верховной власти настолько, как в эти месяцы.

На историю страны или народа, писал Л.Н. Гумилев, можно смотреть по-разному: «с птичьего полета, с вершины холма, из мышиной норы. В каждом случае мы что-то заметим, а что-то упустим, но совместить все три уровня рассмотрения невозможно. Следовательно, приходится выбирать тот, который нам нужен в данный момент» [3, с. 14]. Применительно к Питириму Сорокину последнюю фразу Гумилева можно переиначить так: какой нам *доступен* в данный момент. До июля 1917 г. Сорокин в общем-то смотрел на события из мышиной норы. Разница между ним и обычным российским обывателем состояла лишь в том, что из своей мышиной норы он смотрел заинтересованно, вооруженный биноклем научных общественных знаний и пытался оказать на события посильное влияние. Или можно сказать по-другому: до сих пор он был общественно-политическим деятелем, теперь стал деятелем государственным. В «Листках из русского дневника» он пишет, что слабость временного правительства стала очевидной для него чуть ли не с первых же дней его секретарства у Керенского. Это и так и не так. В статье «Трагедия революции» (13 июля) Сорокин отмечает: «Трудно быть в одно и то же время зрителем и участником той великой пьесы, которую сейчас дает история. И однако, это делать приходится. И делая это, приходится отметить новый этап в процессе революции. Этап ее спада» [13, с. 97]. Критика правительства – всего кабинета министров – усиливается (статья «Нельзя запаздывать»), но в пример ему ставится... А.Ф. Керенский. Но наибольшее расхождение между оценками, содержащимися в «Листках» и в текущей публицистике Сорокина, наблюдается, когда речь идет о так называемом корниловском мятеже. Вот что читаем в «Листках»: «На мой взгляд, – пишет Сорокин, – все дело Корнилова было трагедией. Его мотивы, так же как и мотивы Крымова, его главного помощника, были совершенно бескорыстными и патриотическими. Ни в коей мере они не были «контрреволюционерами». Теперь триумф большевизма стал всего лишь вопросом времени» [15, с. 103].

А вот цитата из «Воли народа»: «Главным изменником своему долгу, предателем родины и революции является ген. Корнилов. Контрреволюционный и антипатриотический характер его поступка – бесспорен. Открыть гражданскую войну, взять часть войск с фронта, предпринять авантюру, грозящую громадным междоусобием армии и сеющую снова рознь между офицерами и солдатами, поднять восстание, ведущее за собой смерть, расстройство транспорта, порчу железных дорог, отвлекающее силы от фронта, окончательно раскалывающее страну, сделать все это в то время, когда враг стоит у ворот – да какое же всему это имя, как не измена, как не предательство России. Какой изменник в состоянии оказать врагу большую услугу! И кто это сделал? Не случайный человек, а верховный главнокомандующий [13, с. 124].

Разумеется, на основании всех этих примеров (а их можно и приумножить) не следует делать вывод о том, что в своих более поздних мемуарах Сорокин шел на сознательную фальсификацию событий. К тому же ход событий он излагает в основном довольно точно (по крайней мере, тех, в которых он сам участвовал или был свидетелем которых). Речь идет об оценке и интерпретации событий, а это в значительной степени зависит от понимания их смысла. Но вполне можно утверждать, что далеко не все события 1917 г. он понимал правильно. В частности, не вполне он понимал и роль Ленина и возглавляемой им партии. В начале сентября (до октябрьского переворота остается менее двух месяцев) он пишет: «В лихорадке современной политической сумятицы, в потоке резолюций, одобрений и протестов, после множества руководящих и скучных статей позволительно иногда побаловать себя парадоксами и «несерьезными» рассуждениями. Этим правом я собираюсь воспользоваться сегодня и заняться социологическими соображениями об одной общественной группе, всего более опасной и для порядка, и для блага страны, и для судеб революции.

Читатель, вероятно, думает, что речь идет либо о большевиках, либо о подлинных реакционерах. К счастью или к сожалению, ни о тех, ни о других. Они и так достаточно надоели, да и большой опасности, с моей точки зрения, они не представляют. Речь идет...» Ну да, конечно, в сентябре, как и в мае, речь идет «просто-напросто об обывателе и об обывательщине» [13, с. 126–127]. Имя Ленина в эти месяцы почти исчезает из публицистики Сорокина или упоминается им в случайном и почти обезличенном контексте, зачастую в связке «Ленин – Троцкий». 19 октября он пишет о большевиках статью с говорящим названием «Банкроты революции». Чуть раньше, сличая «характеры» французской революции с характерами «нашей» революции, Сорокин приходит к выводу, что в нашей «характеров» нет: нет Кондорсе, нет Верньо «со знаменитой репликой Робеспьеру» («Революция, подобно Сатурну, пожирает собственных детей»). Если нет даже Верньо, то что уж там говорить о Дантоне! «Быть может, нигде это различие не проявляется так резко, – пишет Сорокин о различии между двумя революциями, – как в сравнении поведения Ленина и Дантона. Первый после предъявления к нему обвинения скрылся и скрывается до сих пор. Второй идет на эшафот и в ответ на угрозы друзей бежать отвечает: «Разве я могу на подошвах моих сапог унести отечество?»» [13, с. 161].

Но несмотря на то, что Ленин и большевики в эти последние перед октябрьским переворотом недели и дни уходят в публицистике Сорокина на второй план, предчувствия надвигающейся катастрофы не оставляют его. Характерны даже сами названия его статей: «Гибель нации», «Мене, текел, фарес», «Безумие и выздоровление».

Наконец, 25 октября 1917 г. «бездна разверзлась. Большевизм одержал победу...» [15, с. 107]. Как и многим в те дни, Сорокину казалось, что большевики не смогут удержать власть надолго. Публицистическая страстность его статей в эти оставшиеся месяцы 1917 г. достигает невиданного накала. Много статей подписано его обычными псевдонимами (В. Вьюгов, Н. Чаадаев), но под многими – причем самыми хлесткими и вызывающими – стоит его полная подпись. Его, как и прежде, возмущает пассивно-безразличное поведение обывателя. «Я недоумеваю... – пишет он 28 октября. – Совершенно величайшее преступление перед народом и революцией, а публика, многолика, многоголовая, интеллигентная и неинтеллигентная,

бездействует и ничем не проявляет своего возмущения и протеста. По-прежнему по Невскому гуляют толпы... Лица – спокойные. Как будто не произошло ничего. Как будто нет преступления, больше того, говорят, в университетах даже идут лекции...» [13, с. 180]. Во всей этой горестной тираде выделить курсивом следовало бы первых два слова: «Я недоумеваю...» Здесь произвольно зафиксировано начало того мировоззренческого кризиса, о котором впоследствии Питирим Сорокин расскажет в своей автобиографии «Дальняя дорога».

А пока гневные филиппики в адрес Ленина, Бронштейна-Троцкого и К° сыплются из-под пера Сорокина, как из рога изобилия. Приведем лишь самые яркие.

«Комический кабинет министров во главе с Лениным «всурьез» вообразил себя властью. Поставив себя своею волею во главе Российской республики, он пытается играть свою высокую роль и выдает один «декрет» за другим. <...> Если же люди, подобные Ленину и К°, с ума не сошли, то за совершенные ими дела они подлежат суду и место им – в доме заключения» [13, с. 184].

«Какая свобода, какой земной рай подарили нам Ленины и Бронштейны (Троцкие), Розенфельды и Апфельбаумы, Крыленки и Кацы. <...> Наконец-то мы дождались настоящей «свободы», далеко превосходящей свободы Николая Романова. <...> То, до чего не додумалось деспотическое правительство Николая, додумалось революционное, большевистское правительство великодержавного, своею милостью властителя Владимира Ленина!» [13, с. 189]¹.

«Да, В.И. Ленин-Ульянов вполне оплатил Германии за бесплатный проезд в германском пломбированном вагоне. Он, вместе со своими соратниками, заплатил ей кровью, кровью тысяч русских граждан, слезами жен и матерей, разрушенной Москвой и тысячами ужасов, весьма приятных немецкому сердцу» [13, с. 199].

«Если вначале еще могли быть какие-либо сомнения, то теперь без всякого колебания, с полной убежденностью мы имеем право сказать: злейшие враги социализма, революции и свободы – большевики, и прежде всего их лидеры: г. Ленин-Ульянов и г. Троцкий-Бронштейн.

<...> Ленин, Троцкий и К°... закрыли газеты, арестовали редакторов, конфисковали типографии, запретили собрания и митинги, закрыли общества и союзы. И в этой политике дошли до таких границ, до которых никогда не доходил царизм. Таково их преступление № 1.

<...> Программа всех социалистических партий требует неприкосновенности личности. Они цинично надругались над ней. Произвольные аресты идут вовсю. Арестуют прежде всего и больше всего социалистов. Арестуя – издеваются. Арестовав, держат их в условиях, которые неведомы царизму.

Рядом с арестами – избиения, угрозы, насилия, обыски. Таково их преступление № 2.

<...> господа Бронштейны-Ленины ввели смертную казнь в наихудшей форме. Они дали право себе и своим опричникам расправляться со всеми неугодными им лицами. Они ввели смертную казнь с пытками. Сотни людей с их ведома расстре-

¹ Даже «бабушка русской революции» Екатерина Брешко-Брешковская куда-то спряталась от большевиков, с горечью констатирует Сорокин в этой статье. Впрочем, он напрасно беспокоился: «бабушка» спряталась очень хорошо, в конце 1918 г. она перебралась в США, отсюда в Европу и, наконец, в Чехословакию, где и умерла в возрасте 90 лет.

ляны, проколоты штыками, забиты ударами, растерзаны их бандами, утоплены и зарезаны. Таково их преступление № 3.

<...> Так действовать, как господа большевики, могут только злейшие враги революции, свободы, родины и социализма. Поэтому – Ленин, Троцкий и К^о должны быть объявлены врагами свободы и родины.

Они – опасные контрреволюционеры. Они – враги народа, и потому для борьбы с ними и их преступлениями законны все средства и пути, которые применялись к царскому правительству и его жандармам... Иных выводов быть не может» [13, с. 206–207].

«Людовик XIV говорил: «Государство – это я». Подобно ему Ленин объявляет: «Власть – это я»» [13, с. 211].

«Пройдет 2–3 недели, и те же солдаты и рабочие, которые теперь идут за господами Лениными–Бронштейнами, поймут, какое преступление они совершили над родиной и свободой, идя за ними. Теперь они еще опьянены победой, еще не прояснилось их сознание. Но страшное похмелье придет. Оно уже начинается. И когда оно наступит, они поймут тот великий грех, который они совершили. И когда, вместе со всей Россией, они будут проклинать господ Лениных с компанией, пусть тогда вспомнят, что виновны в разрушении России и сами они <...> Но не будет ли поздно?» [13, с. 220].

«Похмелье придет, и час возмездия наступит для Лениных и К^о. И массы будут правы, если при этом возмездии свой гнев они обрушат не только на большевиков, но и на всех соглашателей. Вместо того чтобы резко отмежеваться от «калифов на час» и выявить свою оппозицию к большевикам, соглашатели идут в прислужники большевизма и тем дают право соединять их с последним. Массы, отвернувшись от большевизма, отвернутся и от всей социалистической демократии и послужат прекрасным материалом для грядущих диктаторов. Разочарование в большевизме превратится тогда в разочарование в самые принципы демократии» [13, с. 223].

«...Разве подлинные чаяния рабочего класса излагаются в Смольном? Крестьяне же, вошедшие в Смольный, – крестьяне маргариновые. Какие же крестьяне господа Кацы, Малкины, Зиновьевы–Радомысльские, Ленины и Натансоны! <...> Учредительное собрание на днях соберется. Посмотрим, что скажет оно скоморохам и шутам революции. Думаю, что в том и в другом случаях им скажут: «Подите вон»...» [13, с. 229].

«Судьба русского мужика безразлична дворянину Ленину–Ульянову. А господа Бронштейны и Радомысльские, Каганы и Рязановы, Нахамкесы и Караханы, Муравьевы и Крыленки презирают русский народ. Родина для них пустой звук» [13, с. 230–231].

«...Судьба ленинизма предрешена. Террором можно продержаться некоторое время, но удержать власть надолго нельзя. Как не спасли царизм крутые меры последнего, так не могут спасти большевиков и их меры террора. Жестокость и щедрость последних говорят, что никакой социальной базы у военно-революционного комитета и народных комиссаров нет. Гибель «новой власти» близка, и она неизбежна...» [13, с. 233].

Одна из последних статей Сорокина, опубликованных в «Воле народа», хорошо передает и общее состояние дел в стране, и его собственное состояние:

«Сидим в какой-то яме. Что-то кругом творится, а что – едва ли кто знает... Перепуталось и смешалось все... Царствует хаос, господствует кавардак... Угорелая, ошалевшая русская тройка несется на всех порах, а куда – едва ли и русский леший это знает» [13, с. 262].

На второй день нового 1918 г. Питирим Сорокин был арестован в редакции «Воли народа» и около двух месяцев провел в Петропавловской крепости, где общался с арестованными министрами временного правительства. 1918 г. был, безусловно, самым трагическим в жизни социолога.

Нет необходимости рассказывать о событиях этого года, поскольку и сам Сорокин подробно рассказал о нем в «Листках из русского дневника», и новейшие его биографы довольно точно, на основе архивных изысканий, восстановили картину этого года [см.: 15, с. 119–176 и 4, с. 186–230]. По вполне понятным причинам Сорокин не рассказал американскому читателю о том, какую роль в его помиловании и освобождении сыграло его собственное «покаянное» письмо. В рамках нашей темы нас больше интересует его отношение к Ленину – теперь уже главе государства, под руководством которого народ строит «светлое будущее». Нет оснований сомневаться в том, что Ленин искренне поверил в раскаяние Сорокина. Он, по-видимому, действительно увидел в его письме «признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии» в сторону новой власти. «Это письмо, – писал Ленин, – заслуживает прежде всего внимания, как чрезвычайно интересный «человеческий документ». Не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев политики, убеждавшиеся в неправильности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, «выдумать» какие-нибудь более или менее посторонние мотивы и т. п. Открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом. Питирим Сорокин не прав, когда пишет, что работа в области науки «всегда полезна». Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе. С другой стороны, открытое заявление видного, т. е. занимавшего известный всему народу и ответственный политический пост, человека об его отказе от политики – *есть тоже политика*. Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы. Политическое значение письма Питирима Сорокина именно в настоящий момент чрезвычайно велико. Оно дает нам всем «урок», который надо хорошенько продумать и усвоить» [8, с. 188–189].

Разумеется, человека, о котором *сам* Ленин написал такие слова, нельзя расстрелять и нельзя держать в тюрьме. Его надо привлечь на свою сторону. И вот в Москве Сорокину, только что освобожденному из застенков ЧК, нарком просвещения А.В. Луначарский предлагает работу в комиссариате народного просвещения Северной области. «По воспоминаниям Елены Сорокиной, ответ мужа был такой: «я благодарен Ленину и вам за сохранение моей жизни», но отклонил предложение и указал, что он потерпел поражение в борьбе с коммунистами, но его идеи в образовании остались неизменными, отличными от коммунистических, и поэтому он попросил разрешить делать научную работу в избранной им области – социологии» [4, с. 222]. Упомянут этот эпизод и в «Листках» [15, с. 183].

В свою очередь, и Сорокин был искренен, когда писал: «Ввиду... чрезвычайной сложности современного внутригосударственного положения, я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственное дело политического руководства и представительства народных масс. <...> К этим общественно-политическим мотивам должен присоединить еще мотив личного характера. Он состоит в моем горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просвещению народа» [16, с. 331]. Но нельзя отрицать и того, что при всей искренности Сорокина вся эта история с письмом является тщательно спланированной и блестяще проведенной операцией. Беда только в том, что и «чисто научную работу» и «работу по культурному просвещению народа» Сорокин и Ленин понимали по-разному. Пока шла Гражданская война, потом образование СССР, налаживание международных отношений, советской власти и Ленину было не до системы высшего образования. По словам члена комиссии по пересмотру преподавания общественных наук В.П. Волгина, «только с 1921 г. советская власть вплотную берется за задачу преобразования высших учебных заведений согласно с новым классовым строением нашего общества и согласно с новыми государственными задачами» [см.: 6, с. 300]. Если советская власть за решение задачи берется «вплотную», то всем известно, чем кончается дело. В 1920 г. была создана «Комиссии для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах Республики», которую возглавил Федор Аронович Ротштейн¹. Итогом деятельности этой Комиссии стала подготовка декретов СНК РСФСР, определивших основные направления реорганизации преподавания общественных наук: «Об учреждении институтов красной профессуры» (11 февр. 1921 г.); «О плане организаций ФОН российских университетов» (4 марта 1921 г.); «Об установлении общего научного минимума» (4 марта 1921 г.). В «Листках из русского дневника» Питирим Сорокин пишет: «В начале 1921 года был опубликован декрет, подписанный комиссаром Ротштейном, в котором говорилось, что «свобода мысли и научных исследований есть буржуазный предрассудок; что все профессора, преподаватели и писатели должны преподавать и писать в полном соответствии с марксистской и коммунистической теорией; и что те, кто не согласен с этим, будут уволены» [15, с. 197]. Ни в одном из перечисленных выше декретов нет слов, приведенных Сорокиным, как нет, впрочем, и ни одного декрета, подписанного Ротштейном (все три подписаны В.И. Лениным), но не исключено, что здесь речь идет не о декрете, а о какой-нибудь сопровождающей его инструкции, разъяснении, приказе или т. п. Во всяком случае, перспектива остаться вовсе без работы становилась для Сорокина все яснее.

За те неполные четыре года, которые Сорокин прожил в Советской России, он сделал чрезвычайно много. Два тома «Системы социологии», два популярных

¹ Ротштейн – одна из тех примечательных теневых фигур, которые как бы затерялись в складках нашей истории. В этом отношении он чем-то напоминает А.А. Бубликова, который, не пустив царя Николая II в Петроград, тем самым в немалой степени способствовал его отречению. Другой царь приказал бы немедленно повесить его на первом же шлагбауме... В сентябре 1917 г. Бубликов, как мавр, сделавший свое дело, навсегда уехал из России. Ротштейн – человек совершенно иного склада, он, наоборот, из Англии (где был одним из основателей Бриганской компартии) приехал в революционную Россию и внес, как говорится, свой «вклад». О нем можно написать целую книгу, но за неимением места отсылаем читателя к исследованию А.И. Солженицына [11, с. 275].

учебника (по праву и социологии», книга «Голод как фактор» и несколько десятков статей и выступлений. Поскольку декретом СНК от 1 октября 1918 г. ученые степени и звания были отменены (они были восстановлены только в 1932 г.), Питирим Сорокин официально состоял на службе в Первом Петроградском университете в должности преподавателя и в той же должности на кафедре социологии общеобразовательного факультета Второго Петроградского университета при Психоневрологическом институте (это название он получил в 1918 г.). В «Листках» и в «Дальней дороге» Сорокин нарочито затемняет этот щекотливый вопрос. До революции он успел только сдать магистерский экзамен, после чего он получил звание магистранта, дававшего ему право стать приват-доцентом университета [12, с. 67]. Звание приват-доцента в 1918 г. (указанным выше декретом) было упразднено. Второй пункт этого же декрета гласил: «Разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров – заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов отменяется. Все лица, самостоятельно ведущие преподавание в высших учебных заведениях, носят единое звание профессора». В связи с этим стоит напомнить, что в переводе с латинского слово «профессор» и означает «преподаватель». Но Сорокин, конечно, понимал, какая колоссальная разница лежит между прежними «старорежимными» профессорами и «профессорами» новоиспеченными. Пока на идеологическом фронте шла, так сказать, «странная война», Сорокин на все эти нюансы, по-видимому, не обращал серьезного внимания. Но вот советская власть «вплотную занялась» высшей школой. За несколько дней до издания декрета о «красной профессуре» В.И. Ленин от имени ЦК опубликовал в «Правде» (5 февраля 1921 г.) «директиву» работникам Наркомпроса, в которой, в частности, говорилось: «содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании, должно определяться только коммунистами» [10, с. 320]. Стало ясно, что «красные профессора» в скором времени сильно потеснят или даже вытеснят старые преподавательские кадры (первый выпуск Института красной профессуры состоялся уже в 1924 г.). А те, что сохранят свое прежнее положение, вынуждены будут перекраситься в красный цвет. Ни одна из этих перспектив Сорокина, разумеется, не устраивала, да и вряд ли была возможна для него. Уехать – хотя бы на время – наверное, такая идея не раз мелькала в его сознании. Но в каком качестве? На обложке «Элементарного учебника права», изданного в Ярославле в 1919 г., значилось: «Питирим Сорокин, профессор Петроградского университета и Психоневрологического института», на титуле же этой книги стояла другая титулатура: «Питирим Сорокин, приват-доцент Петроградского университета и преподаватель Психоневрологического института». Неизвестно, чем было обусловлено такое разночтение, но в любом случае эта титулатура не соответствовала действительности. В 1920 г. вышел главный труд Питирима Сорокина российского периода его творчества – «Система социологии». На авантауле по-английски значилось: «Pitirim Sorokin. Professor of Sociology in the University of Petrograd». И начиная с 1921 г. значительная часть его статей имеет подпись «Проф. Питирим Сорокин». Конечно, сам Питирим Сорокин понимал, что вся его научная титулатура очень похожа на самозванчество. В марте 1922 г., когда в журнале «Под знаменем марксизма» вышла знаменитая статья В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма», Сорокин, конечно, понял,

что дальнейшая судьба его научной деятельности и карьеры (а с учетом его характера – может быть, и самой жизни) предрешена. Надо было что-то срочно предпринимать. Напомним, что в статье Ленина крепко досталось не только Сорокину, но и проф. Р.Ю. Випперу (за книгу «Возникновение христианства», в которой вообще ни одного слова о Советской власти не было). Но Р.Ю. Випперу было в этом отношении легче: в 1922 г. ему было уже за 60 лет, он был известным автором, написавшим более десятка знаменитых книг, а самое главное – с 1916 г. он был не просто профессором, а заслуженным профессором Московского университета. Для Ленина, разумеется, это не имело никакого значения. Статья его заканчивалась довольно зловеще: «Марксистскому журналу придется вести войну и против подобных современных «образованных» крепостников. Вероятно, не малая их часть получает у нас даже государственные деньги и состоит на государственной службе для просвещения юношества, хотя для этой цели они годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста. Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место. Научится, была бы охота учиться» [8; 33]. Кто бы сомневался! Как говорится, «имея уши слышати – да услышит». Роберт Юрьевич Виппер услышал и в 1924 г. переехал в Латвию, где работал на профессорской ставке в университете. А Питирим Сорокин понял, что больше откладывать с защитой нельзя. 22 апреля 1922 г. состоялся так называемый диспут проф. П.А. Сорокина. По сути, это была имитация защиты магистерской диссертации (имитация – потому что все ученые степени отменены в 1918 г. и профессору незачем защищать магистерскую диссертацию, поскольку профессорская должность – выборная), а по форме – обсуждение двухтомной монографии Сорокина «Система социологии». Заметка о диспуте заканчивается такими словами: «Ввиду отмены в настоящее время ученых степеней и невозможности присудить диспутанту степень магистра, диспут закончился заявлением проф. И.М. Гревса о единогласном признании историческим исследовательским институтом работы удовлетворительной, и таким образом косвенным путем цель диспута была достигнута» [20, с. 628].

Разумеется, находясь в Советской России, Сорокин не мог открыто высказывать свое мнение о Ленине и об остальных большевистских руководителях. Он прекрасно понимал, что теперь уже нельзя безнаказанно, как в совсем еще недавнее время, написать: «Шофер, управляющий автомобилем большевиков, такой же предатель революции и родины, как и сами большевики» [13, с. 179]. Тем не менее он открыто высказывал свое мнение о характере той системы, которую строили большевики, и самое мягкое ее определение – это «государственный капитализм». При этом он нередко ссылается на авторитет самого Ленина. Вот лишь один пример. «По представлению многих социалистов, – пишет Сорокин в «Системе социологии», – особенно марксистского толка, сущность социализма сводится к указанному переходу экономических отношений (производство и распределение) из сферы внегосударственной, децентрализованной регулировки в сферу государственного, централизованного управления. Вот весь смысл, который вкладывают они в социализм, сводя последний к формуле «обобществления средств и орудий произ-

водства». К этому же сводится и то, что В.И. Ленин называет первичной стадией коммунизма. <...> Это обобществление фактически, как у нас, сводится к огосударствлению экономики и... только. Нужно ли говорить, что такое понимание социализма превращает последний из великого идеала в маленькую, очень маленькую реформу, полезность которой для рабочих, вдобавок, очень сомнительна <...>» [20, с. 166].

Можно собрать целый букет подобных оценок и высказываний, содержащихся в трудах Сорокина, опубликованных с 1919 по 1922 гг. Тем не менее, когда он оказался в Чехословакии, в русской эмигрантской печати появились публикации, обвинявшие его в сотрудничестве с большевистскими властями. Отвечая на эти обвинения, Сорокин писал: «В газете «Накануне» они [сменовеховцы], после моих докладов в Берлине и Праге, принялись без меры лгать и инсинуировать по моему адресу. В частности, г. Дюшен пишет, что «четыре года раскаявшийся Сорокин держал обет молчания», что, как только попал за границу – «его прорвало» («Накануне», № 175).

1. Сорокин в своем письме решительно ни в чем не каялся перед Советской властью и не говорил в нем ни одного слова похвалы по ее адресу.

2. Письмо было написано не из тюрьмы, а на свободе. Тюрьма пришла позже.

3. Г-н Ленин и большевики сделали из него «шум» – это их дело. Я же ни словом, ни действием для этого «шума» и их лживых комментариев повода не давал. Запретить их – я не мог.

4. Все 4,5 года моего пребывания в России я не молчал, а говорил – устно и печатно – буквально то же самое, что говорил в докладах и говорю в этой книжке. Я знал, что мне за это грозит, но... говорил, ибо видел в этом свой долг. *Вот это-то и дает мне моральное основание говорить, а не молчать за границей.* Г-н Дюшен хочет доказательств? – Их больше чем нужно. 1) Пусть он раскроет I–II тт. моей «Системы социологии», написанные и изданные в 1919–1920 гг., в годы террора. Там – в тексте и в примечаниях – он найдет черным по белому напечатанным все то, что я говорю здесь. Если же он раскроет другие мои статьи, напечатанные за эти годы в «Экономисте», в «Артельном деле», «Утренниках», «Вестнике литературы», там он найдет все, вплоть до определения «сменовеховцев» («паразиты паразитов»). 2) Десятки аудиторий, вплоть до публичных коммунистических митингов, могут хорошо удостовериться, как я «молчал». О том же могут свидетельствовать и гг. «красные профессора» (энтели, святловские, серебряковы, боричевские т. д.). 3) Еще резче об этом «молчании» говорят десятки статей «Красной газеты», «Петроградской правды», «Известий», «Под знаменем марксизма», где гг. коммунисты, начиная с «самого» Ленина, обрушивались на меня в специальных статьях всевозможной бранью («лидер самой непримиримой части профессуры», «крепостник», «дипломированный лакей поповщины», «идеолог контрреволюционеров», «советский П. Струве» и т. д. и т. д.).

Очевидно, такое внимание, и такие эпитеты, и столь много специальных статей обо мне «молчанием» не могли бы быть вызваны. Почему отстранили меня от преподавания и, наконец, выслали? Тоже за молчание?» [16, с. 452].

Самыми глубокими работами Питирима Сорокина, написанными в Чехословакии, несомненно, являются книга «Современное состояние России» (Прага, 1923) и сокращенный ее вариант – статья «Россия после НЭП'а». Повторив в них уже из-

вестное нам членение любой великой революции на три фазы, он теперь указывает и хронологические границы каждой из этих фаз применительно к русской революции. По мнению Сорокина, ее первую фазу нужно отсчитывать с событий февраля-марта, в результате которых к власти пришло Временное правительство, большевистский октябрьский переворот знаменует наступление второго этапа, и, наконец, начало третьей фазы совпадает с введением нэпа.

Однако такая периодизация вызывает возражения. Из истории великих революций, описавших полный цикл своего развития, мы знаем, что переход от второй фазы к третьей обязательно связан с победой контрреволюции и более или менее длительным периодом реставрации, коим нэп, конечно же, не являлся. Вместе с тем Сорокин чутко уловил подлинный парадокс русской революции, парадокс столь же знаменательный, сколь и актуальный. «История, – пишет он, – поистине сыграла злую шутку с коммунистами. Она заставила их собственными руками вводить снова капитализм, так усердно разрушавшийся ими. И они увидели, наконец, что коммунизм привел к полному развалу всей хозяйственной жизни, и им стало понятно, что коммунистическая система не в состоянии возродить хозяйство, и что без капитализма нет спасения» [19, с. 130].

В марксистской историографии (особенно «перестроечного» периода) годы нэпа оценивались преимущественно со знаком плюс. Мрак и ужас последующих лет списываются на произвол Сталина, который «свернул голову» новой экономической политике и направил историю в совсем другую сторону. Логика рассуждений при этом такова: если бы те экономические возможности, которые открылись перед страной, не были пресечены насильственной коллективизацией, победа и процветание «гуманного социализма» были бы обеспечены. Сорокин с самого начала отчетливо видел внутреннюю антиномичность нэпа, который, с одной стороны, был провозглашен «всерьез и надолго», а с другой – определялся как «временное отступление». В результате такой политики, с полным на то основанием считает Сорокин, «на месте погибшего коммунизма оказался введенным не настоящий капитализм, а хозяйственно-социальный строй, представляющий смесь всех отрицательных сторон капитализма <...> без его положительных организационно-производственных функций и всех отрицательных сторон деспотического коммунизма (тирания, опека, бесправность, подавление стимулов к инициативе, труду и т. д.), но без его положительных сторон (уничтожение неравенства, эксплуатации и т. д.). Этому «монстру» было дано громкое название «государственного капитализма» [19, с. 131].

Оценка Сорокина находит свое подтверждение в таком, на первый взгляд неожиданном, источнике, как «Краткий курс истории ВКП(б)». Здесь читаем: «Свобода торговли, указывал Ленин в своем докладе, приведет к некоторому оживлению капитализма в стране. Придется допустить частную торговлю и разрешить частным промышленникам открывать мелкие предприятия. Но не надо этого бояться. Ленин считал, что некоторая свобода товарооборота создаст хозяйственную заинтересованность у крестьянина, повысит производительность его труда и приведет к быстрому подъему сельского хозяйства, что на этой основе будет восстанавливаться государственная промышленность и вытесняться частный капитал, что, накопив силы и средства, можно создать мощную индустрию – экономическую основу социализма, и затем перейти в решительное наступление, чтобы уничтожить остатки капитализма в стране» [5, с. 245].

Это описание «сущности» нэпа чуть ли не дословно совпадает, говоря словами Сорокина, со «сказкой про белого бычка, логически вытекающей из аргументации гг. коммунистов». «Введя нэп, – пишет он, – гг. коммунисты продолжали упираться и стали бормотать о «передышке». Нэп – «капитализм» – это передышка, она нужна для восстановления хозяйства. «Когда оно будет восстановлено – мы снова перейдем к коммунизму», так говорили они. Поистине архистранная логика и политика! На обычном языке она гласит: «Для восстановления хозяйства нужен капитализм, и мы его вводим. Когда хозяйство возродится – мы введением коммунизма снова разрушим его. По достижении полного развала для восстановления снова введем капитализм, как передышку. По восстановлении снова заменим его коммунизмом, то есть разрушением; потом опять будет капитализм, за ним – опять коммунизм» и т. д. ...» [19, с. 130–131].

И все-таки Сорокин считает, что именно отсюда берет начало третья стадия революции, которая «предусматривает реставрацию наиболее жизненных дореволюционных институтов, ценностей». Но, как нам хорошо известно, ничего подобного в результате «временной передышки» не произошло. «Уже через год после введения нэпа, – отмечается в «Кратком курсе», – на XI съезде партии, Ленин заявил, что отступление кончено, и выдвинул лозунг: «Подготовка наступления на частнохозяйственный капитал» [5, с. 245].

Явное противоречие между реалистической оценкой нэпа и связанными с ним же упованиями на скорое падение власти большевиков можно, конечно, объявить сугубо «психологическими» причинами, которые побуждают порой принимать желаемое за действительное. Действительно, даже живя в Соединенных Штатах, Сорокин на первых порах не исключал своего скорого возвращения в Россию.

Таким образом, мы находим у Сорокина, по сути дела, три варианта (или, если угодно, сценария) будущего развития России. Первый: власть «еще несколько лет просуществует, но при условии дальнейшей эволюции в сторону капитализма и правового строя. Иначе – она будет сброшена насильственно». И второй: «Если эта революция будет – в конце ее власть ожидает тоже падение, но более мягкое». Оба эти сценария предусматривали крах большевизма. Что касается третьего варианта – описанной выше ситуации «белого бычка», когда «капитализм» и «коммунизм» попеременно сменяют друг друга, – то его сам Сорокин считал, по-видимому, лишь теоретической моделью, неосуществимой на практике.

Будучи очевидцем революции, гражданской войны, голода, разрухи, Сорокин, вероятно, считал, что всякую меру зла большевики уже превзошли: большего быть не может. Новая экономическая политика, как бы половинчатая и непоследовательная она ни была, привела к относительному оживлению экономики страны и без чудовищного насилия над народом не может быть сломлена. Для этого понадобится уничтожить миллионы людей, а страна и без того обескровлена, обезглавлена и разорена дотла. Никто не знал (или мало кто знал) в то время, что способность большевиков к насилию – безгранична. Уже и того, что было, достаточно для того, чтобы отвратить людей от всяческих революций. «С коммунизмом и социализмом покончено... и надолго, – писал Сорокин. – Не только имя Ленина и наших коммунистов, но имена Маркса и других теоретиков социализма большинством русского народа долгие годы будет вспоминаться недобрым словом» [16, с. 488]. С «небольшим» полувековым опозданием подтвердился и этот диагноз Питирима Сорокина.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что на протяжении первых послереволюционных лет Сорокин оценивал личность Ленина в неразрывной связи с оценкой октябрьской революции и первых лет большевистской социально-политической практики. Отметим, что такой подход, по-видимому, единственно правильный при оценке великих исторических деятелей. Пожалуй, только однажды он изменил такой подход и дал волю своим чисто человеческим субъективным эмоциям – речь идет о его двух статьях, написанных уже в США по поводу смерти Ленина.

Хотя Сорокин приехал в Америку с тем, чтобы заниматься «настоящей» наукой, американская публика и общественность, естественно, воспринимали его сначала как «эксперта» по русской революции, изгнанника из коммунистической России, личного секретаря «премьера» Керенского и т. п. Разумеется, Сорокин понимал, что должен считаться с общественным мнением, но в то же время и изменить его в желательном для себя направлении. Иными словами, он хотел стать в Америке ученым-социологом, а не экспертом по русской революции, что могло на короткое время обеспечить ему широкую известность, но в конце концов обрекло бы на забвение и скучное эмигрантское прозябание. Судя по его письмам 1924 г., он без большого энтузиазма относился к своим выступлениям на «революционные» темы, к тому же как раз почти весь этот год ушел у него на написание «Листков из русского дневника» и перевод на английский язык «Социологии революции», где эти темы получили всестороннее освещение. Но на смерть Ленина он, разумеется, не мог не откликнуться. Правда, произошло это не сразу. Две его статьи об Ильиче появились соответственно в марте (*The passing of Lenin // The Current History Magazine. 1924, March*) и апреле (*Lenin the destroyer // The Forum. 1924, vol. 71*). Первая из них носит преимущественно публицистический характер и содержит много эмоционально окрашенных негативных оценок Ленина.

«Мания величия ... навязчивая вера в неизбежность мировой революции, неспособность понять реальные результаты своих действий – эти черты являются характеристикой прогрессивного паралича на последнем этапе болезни. Это означает, что Ленин со времени своего возвращения в Россию был больным человеком. Посмотрите на лицо Ленина. Разве это не лицо, которое можно найти в альбоме «прирожденных преступников» Ломброзо? Крайняя грубость, выраженная в безжалостных убийствах, в безжалостных резолюциях разрушить весь мир по своей личной прихоти, свидетельствует об этих зловещих чертах».

«Вскоре распространился слух, что Ленин сошел с ума, что со словами: «Боже мой! Что я сделал с Россией и русским народом», обхватив голову руками, он бегал по Кремлю. Вскоре после этого его увезли в Горки, национализированное поместье русского фабриканта С. Морозова, расположенное под Москвой.

Высокие стены были возведены вокруг дома, и идиллическое и мирное окружение из цветов, садов, собак, коз, птиц и ульев было создано для этого отнюдь не мирного человека. Новая стена укрыла мир от Ленина и его от мира. Его настоящая жизнь была окончена. Здесь этот полуидиот, который не мог ни говорить, ни писать, ни даже что-то понимать, исключая нескольких моментов в период сравнительного улучшения, провел последние два года своей жизни в безнадежном и беспомощном состоянии...

«Сам бог наказал его» – так понимали лучшие элементы русского народа состояние Ленина в последние годы его жизни. Теперь эта агония закончилась. Она была символична и значительна» [14].

Вторая статья – под названием «Ленин – разрушитель» – написана в более спокойных тонах, но, по сути дела, дает ту же оценку политической деятельности главы большевиков. Эпиграфом к ней можно было бы поставить евангельское изречение: «По плодам их узнаете их». Развенчав теоретические и практические аспекты деятельности Ленина, Сорокин признает за ним одну-единственную «заслугу»: «Единственная заслуга Ленина состоит лишь в том, что он сам, больше чем кто бы то ни было другой, дискредитировал собственные идеи коммунизма и социализма».

Это последнее слово Питирима Сорокина о Ленине как личности, но не последнее его слово о Ленине как политическом и историческом деятеле. Это последнее и окончательное слово прозвучит лишь после того, как Сорокин закончит свой грандиозный труд «Социальная и культурная динамика», в свете которого революция в России предстанет как частное проявление общемирового кризиса, а сами деятели этой революции (в том числе и Ленин, хотя Ленин, может быть, в первую очередь) – как люди, выполнившие необходимую историческую работу (хорошо или плохо – это другой вопрос). К сожалению, высота того «холма», с которого теперь Сорокин стал рассматривать исторические события, оказалась настолько высокой, что некоторые детали русской революции (больше всего нас сейчас интересующие) оказались неразличимы. Мы и сейчас не знаем, что это такое было – Октябрьская революция в России? И общество, которое было построено в СССР – какое оно: социалистическое, коммунистическое, советское или же какое-то иное? В 1980 г. А.И. Солженицын произнес историческую фразу: «Коммунизм у всех на виду – и не понят». Конечно, не понят! Потому что на протяжении всей своей истории большевизм искусно скрывал свой подлинный лик под многочисленными масками: коммунизма, социализма, советской власти, вплоть до «электрификации всей страны». Борьба против каждой из этих многочисленных масок – значит заранее ставить себя в проигрышное, а то и просто смешное положение. Неудивительно поэтому, что все многочисленные антикоммунисты и антисоветчики всегда били мимо цели и часто попадали в своих (например, ФБР, в 1954 году заподозрившее самого Сорокина в сочувствии к коммунизму). Чтобы понять большевизм, а следовательно правильно понять и октябрьскую революцию, и личность самого Ленина, надо последовательно сорвать с него все многочисленные маски. И только тогда, когда с большевизма будут сорваны одна за другой маска коммунизма, маска социализма, советской власти и даже маска «электрификации всей страны», окажется, что большевизм есть не что иное, как...

Но это уже тема другой статьи.

Литература

1. Валентинов Н. Встречи с Лениным // Вождь: Ленин, которого мы не знали. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1991. 288 с.
2. Горький А.М. В.И. Ленин // Воспоминания о В.И. Ленине: в 5 т. М.: Политиздат, 1961. Т. 2. 494 с.
3. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М.: Т-во Клышников, Комаров и К°, 1992. 320 с.

4. Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008. 432 с.
5. Краткий курс истории ВКП(б). М.: Огиз, 1945. 400 с.
6. Лагно А.Р. Факультет общественных наук Московского университета как школа подготовки специалистов для советского государственного аппарата // Ученые труды факультета государственного управления. Т. 7. М.: Книжный дом Университет, 2009.
7. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 37. С. 188–197.
8. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. С. 23–33.
9. Ленин В.И. Речь перед агитаторами, посылаемыми в провинцию // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. С. 327.
10. Ленин В.И. Директивы ЦК коммунистам – работникам Наркомпроса // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 42. С. 319–321.
11. Солженицын А.И. Двести лет вместе. Часть II. М.: Русский путь, 2002. 552 с. С. 274.
12. Сорокин П.А. Дальняя дорога. М.: Терра, 1922. 303 с.
13. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.
14. Сорокин П. Ленин. Фанатик и антисоциальный экстремист // Новое время. 20 января 2002 г. № 37.
15. Сорокин П. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: Анбур, 2015. 848 с.
16. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
17. Сорокин П.А. Политическая программа Временного правительства // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 560 с.
18. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Сыктывкар: Анбур, 2015. 496 с.
19. Сорокин П.А. Россия после НЭПа // Вестник Российской Академии наук. 1992. № 2.
20. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. М.: Наука, 1993. 688 с.
21. Сорокин П.А. Сущность социализма: лекция, прочитанная во фракции социал-революционеров при Исполкоме Всероссийского совета крестьянских депутатов. Пг.: Всеобщая библиотека издательства «Новь», 1917. 16 с.
22. Сорокин П.А. Что такое социализм? Пг., 1917. 4 с.
23. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
24. Lombroso C. L'Uomo delinquente. Torino, 1897. Vol. II

References

1. Valentinov N. Vstrechi s Leninyim // Vozhd': Lenin, kotorogo my ne znali. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 288 s.
2. Gor'kij A.M. V.I. Lenin // Vospominaniya o V.I. Lenine: V 5 t. M.: Politizdat, 1961. T. 2. 494 s.
3. Gumilev L.N. V poiskah vymyshlennogo carstva. M.: T-vo Klyshnikov, Komarov i K°, 1992. 320 s.
4. Dojkov YU. Pitirim Sorokin. Chelovek вне сезона. Biografiya. Tom 1 (1889–1922). Arhangel'sk, 2008. 432 s.
5. Kratkij kurs istorii VKP(b). M.: Ogiz, 1945. 400 s.
6. Lagno A.R. Fakul'tet obshchestvennyh nauk Moskovskogo universiteta kak shkola podgotovki specialistov dlya sovetskogo gosudarstvennogo apparata // Uchenye trudy fakul'teta gosudarstvennogo upravleniya. T. 7. M.: Knizhnyj dom Universitet, 2009
7. Lenin V.I. Cennye priznaniya Pitirima Sorokina // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 37. S. 188–197.

8. Lenin V.I. O znachenii voinstvuyushchego materializma // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 45. S. 23–33.
9. Lenin V.I. Rech' pered agitatorami, posylaemyi v provinciyu // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 35. S. 327.
10. Lenin V.I. Direktivy CK kommunistam – rabotnikam Narkomprosa // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 42. S. 319–321.
11. Solzhenicyn A.I. Dvesti let vmeste. CHast' II. M.: Russkij put', 2002. 552 s. S. 274.
12. Sorokin P.A. Dal'nyaya doroga. M.: Terra, 1922. 303 s.
13. Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaya publicistika. SPb.: Aletejya, 2000. 300 s.
14. Sorokin P. Lenin. Fanatik i antisocial'nyj ehkstremist // Novoe vremya. 20 yanvarya 2002 g. № 37.
15. Sorokin P. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologiya revolyucii. Syktyvkar: Anbur, 2015. 848 s.
16. Sorokin P.A. Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let. M.: Nauka, 1994. 560 s.
17. Sorokin P.A. Politicheskaya programma Vremennogo pravitel'stva // Sorokin P.A. Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let. M.: Nauka, 1994. 560 s.
18. Sorokin P.A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada. Syktyvkar: Anbur, 2015. 496 s.
19. Sorokin P.A. Rossiya posle NEHPa // Vestnik Rossijskoj Akademii nauk. 1992. № 2
20. Sorokin P.A. Sistema sociologii. T. 2. M.: Nauka, 1993. 688 s.
21. Sorokin P.A. Sushchnost' socializma: Lekciya, pročitannaya vo frakcii social-revolucionerov pri Ispolkome Vserossijskogo soveta krest'yanskih deputatov. Pg.: Vseobshchaya biblioteka izdatel'stva «Nov'», 1917. 16 s.
22. Sorokin P.A. CHto takoe socializm? Pg., 1917. 4 s.
23. Trockij L.D. K istorii russkoj revolyucii. M.: Politizdat, 1990. 447 s.
24. Lombroso C. L'Uomo delinquente. Torino, 1897. Vol. II.

Революция как социальное явление в научном наследии Питирима Сорокина

Статья посвящена анализу работы «Социология революции» как поворотному пункту в научном творчестве Питирима Сорокина. Показана решающая роль концепции социологии революции в научной биографии и судьбе его творческого наследия. Прослежена взаимозависимость концепции социологии революции с ключевыми для теоретической системы П. Сорокина понятиями: социальная стратификация, социальная мобильность и социокультурная динамика.

Ключевые слова: социология революции, Питирим Сорокин, социальная мобильность, стратификация, социокультурная динамика.

M. Lomonosova (St. Petersburg). Revolution as a social phenomenon in the scientific heritage of Pitirim Sorokin

The article is dedicated to analysis of the «Sociology of Revolution» as a turning point in Pitirim Sorokin's scientific activities. The concept of the sociological study of revolution played main role in Sorokin's academic career and scientific heritage. The key concepts elaborated by Sorokin – social stratification, social mobility, and sociocultural dynamics – are related to the concept of sociology of revolution.

Keywords: sociology of revolution, Pitirim Sorokin, social mobility, stratification, sociocultural dynamics.

Для цитирования: Ломоносова М.В. Революция как социальное явление в научном наследии Питирима Сорокина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 34–53.

For citation: M.V. Lomonosova. Revolution as a social phenomenon in the scientific heritage of Pitirim Sorokin // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 34–53.

Актуальность обращения П.А. Сорокина к социологии революции

Питирим Сорокин считал, что социальное согласие является одним из основных показателей качества человеческого существования, а его отсутствие говорит о том, что общество или социальный институт находятся в состоянии кризиса. За прошедшие полвека с того времени, как П.А. Сорокин написал свои работы, посвященные альтруизму, человечеству не только не удалось достигнуть социального согласия на глобальном и локальном уровнях, но и появилось множество новых проблем и острых противоречий. При этом в эпохи глобальных социальных перемен обостряется интерес к обобщающим описаниям исторического процесса, к историческим метарассказам, так произошло и с революциями. Революция как специфическое явление общественно-политической жизни имеет глубокие историче-

ские корни и входит составной частью в фундаментальную проблему человечества – применение насилия ради достижения определенных целей. «Новые», «цветные» квазиреволюции современности, буквально взрывающие социальный порядок в странах на всех континентах, вновь заставляют исследователей возвращаться к историческому опыту прошлого с целью поиска объяснительных схем и моделей, несмотря на то, что мода на постмодерн не способствует систематизации образов и фактов в какой-либо системе координат, предполагающей поступательность исторического развития.

В последние десятилетия XX века в России не только произошли серьезные политические, экономические и социальные трансформации, но и изменились ценностные и мировоззренческие ориентации общества, которые с неизбежностью повлекли за собой ломку старых теоретических конструкций и смену методологической парадигмы в целом. Все это происходило на фоне всплеска интереса к политической истории страны, в частности к истории революции 1917 года. Сегодня этот интерес давно вышел за пределы академических рамок, а проблема русской революции по причине её 100-летнего юбилея в 2017 году вновь стала предметом политических дискуссий в средствах массовой информации. В возникшем противостоянии публицистики и науки последнее слово стало принадлежать первой, и на уровне обыденного сознания все больше и больше утверждается представление о революции как о «случайном и негативном явлении» в истории России, которое постоянно закрепляется «информацией», поступающей из СМИ. В качестве яркого примера здесь можно привести Проект «1917. Свободная история»¹, изданный Яндексом в рамках программы, направленной на развитие культурных и образовательных инициатив в области истории, литературы, искусства и философии. Проект реализуется в форме соцсети: заходя на сайт, каждый день можно узнать о том, что происходило ровно сто лет назад с участниками революции, поэтами и писателями, членами царской семьи (всем им присвоен статус «герой» проекта) и страной в целом. В официальной информации, представленной на сайте Проекта, утверждается, что это «абсолютно документальный проект: вы не найдете здесь ни капли вымысла. Все тексты, написанные от лица героев, взяты из их писем, воспоминаний, дневников и других документов эпохи». Безусловным достоинством Проекта является объединение на одном портале огромного количества фактического историко-архивного материала: мемуаров, газетных вырезок, писем, фотографий, кинохроник и т. д. Авторы и создатели Проекта считают, что им удалось создать летопись 1917 года – переломного года, выступившего в качестве «Рубикона» между двумя эпохами. Но очевидно, что в представленных проектом материалах находят отражение прежде всего профессиональные и политические интересы героев и эти материалы не лишены субъективного, личного отношения к событиям и процессам 1917 года. Историко-архивный материал, представленный в формате социальной сети, предлагает каждому пользователю Интернета высказывать свою точку зрения на те или иные события, комментировать письма и мемуары героев Проекта. Иными словами, дилетанты становятся экспертами. Таким образом, бесспорно, Проект, формально опираясь на историко-архивные данные и материал, представляет собой «субъективную интерпретацию материала во многом личного, субъективного характера» на фоне «стирания» ис-

¹ <https://project1917.ru/about>

торической памяти общества и формирования новых исторических мифов. Очевидно, что подобное обращение с историческими фактами приводит не только к фальсификации событий уже далекого прошлого, но и к ложному пониманию объективных социальных процессов современности.

В этой ситуации именно юбилейные даты позволяют обратить внимание ученых и общественности на наиболее актуальные задачи современной социологии в решении проблем века настоящего, способствуют консолидации научного профессионального сообщества, объединяя специалистов из разных областей, занимающихся в данном случае таким сложным и многогранным социальным явлением, как революция.

Анализ современной литературы начала XXI века, написанной как апологетами, так и критиками «цветных» квазиреволюций, предполагающих, что можно искусственно создать народное недовольство при помощи хорошо выстроенной антиправительственной пропаганды и управляемых акций неповиновения, убедительно показывает, что её авторам явно недостает того объективного анализа, который был проделан Питиримом Сорокиным без малого сто лет назад в работе «Социология революции» (1925).

В настоящее время в отечественной социологии насчитывается достаточно большое количество работ, посвященных творчеству П.А. Сорокина. Тем не менее социологическая концепция революции, занимающая значительное место в его творческом наследии и проходящая сквозной темой через все его научное наследие, является практически неисследованной. Это связано с двумя факторами. Во-первых, ряд работ, посвященных этой проблеме, оказался недоступным для отечественного исследователя. Во-вторых, долгое время в нашей стране не существовало плюрализма подходов и концепций при исследовании революции как социального явления, поэтому, если в советское время и появлялись отдельные работы, они были написаны с позиций исторического материализма. Специально посвященными социологии революции П.А. Сорокина сейчас являются исследования М.В. Ломоносовой [4], В.А. Ковалева [2], В.В. Сапова [5], О.Е. Андреева [1]. И этого, безусловно, недостаточно, поскольку именно П.А. Сорокин стоял у истоков формирования в рамках немарксистской социологии целого направления, изучающего революционные процессы. Исследование П.А. Сорокиным революции, повлиявшее на появление социологии революции как отдельной области социологии и содержащее в себе методологию изучения воздействия революции на общество, в самом широком философско-социологическом плане требует специального изучения, поскольку её использование может послужить теоретической базой и открывает новые перспективы анализа современных кризисных явлений.

«Социология революции» (1925)

Есть книги, срок жизни которых весьма краток, а есть и такие, что переживают века, к последним, несомненно относится «Социология революции» П.А. Сорокина. Впервые книга «Социология революции»¹ вышла в свет в 1925 г. в Америке и практически сразу была переведена на японский (1926), немецкий (1928) и на латышский (1929) языки, тем не менее, несмотря на то, что исследование до сих пор ре-

¹ Sorokin P. The Sociology of Revolution. Philadelphia: J.B.Lippincott Co; London, 1925.

гулярно переиздается на английском языке (последний раз в 2000 г. в США), в нашей стране эта книга впервые увидела свет только в 2005 году, затем последовали ещё два издания, в 2008 и 2016 гг. Интересно, что в основу российского издания 2005 года лег не перевод с английского языка, а машинопись книги на русском языке, хранящаяся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (г. Киев)¹. Дело в том, что к написанию «Социологии революции» П.А. Сорокин приступил ещё в России, завершив работу над ней в 1923 г. Обращение к этой работе интересно не только с теоретической и биографической точки зрения. «Вопросы, поднятые Сорокиным в рассматриваемом труде, имеют не только академический и исторический интерес, но и практическую актуальность, относящуюся к сегодняшнему дню», как показал в своём исследовании, обращаясь к современным российским политическим и социальным реалиям конца XX – начала XXI века В.А. Ковалев [2, с. 118].

Впервые к научному осмыслению революционного процесса П.А. Сорокин обращается после Февральской революции 1917 г., когда Россия утратила традиционную легитимную власть и институты власти. Февраль открыл перед страной несколько возможных путей развития, включая либерально-реформистский и пролетарско-революционный. Их выбор в условиях политической свободы зависел от предпочтений большинства российского населения и в конечном счете определялся реальным уровнем его политической культуры, менталитетом народа. Особую роль в этот период приобретает публицистика, оказывая непосредственное влияние на общественное мнение, придавая ему определенное выражение и модифицируя его в ту или иную сторону. Революционная публицистика П.А. Сорокина – одна из блестящих страниц его научного наследия, интересна не только тем, что является своеобразной летописью революции. Прежде всего в ней нашли отражение профессиональная и политическая деятельность П.А. Сорокина. Именно на страницах своих публицистических статей ученый-социолог анализирует революцию как социальное явление, пытается отыскать объективные причины и закономерности происходящих процессов в обществе. Тем не менее его публицистика не лишена субъективного, личного отношения к различным событиям и вопросам, что обусловлено принадлежностью П.А. Сорокина к партии эсеров и непосредственным участием в политических событиях 1917 г. В газетах «Воля народа» и «Дело народа», которые являлись печатными органами партии социалистов-революционеров и правых эсеров, а также в отдельных брошюрах П.А. Сорокина за 1917 г. – начало 1918 г. было опубликовано около 100 статей (подписанных как настоящей его фамилией, так и псевдонимами: В. Вьюгов, В.В., П.С. Римус, Н. Чаадаев). Кроме этого, поскольку он являлся редактором этих газет, то значительное число редакционных статей принадлежало его перу. Некоторые статьи вошли в цикл публицистических статей «Заметки социолога» [7]. Уже на этом этапе осмысления революции он обращался к социологии в поисках объяснительных моделей и учитывал исторический опыт предшествующих революций в других странах, что позволило ему сформулировать проблематику дальнейших ис-

¹ Рукопись находилась в фонде Н.Е. Шаповала, который входит в так называемый Украинский архив Чехословакии, который в 1945 г. был передан в дар УССР. Долгое время документы П.А. Сорокина, как и другие документы, находились на секретном хранении, и только в начале 90-х годов они были переведены на режим свободного хранения и стали доступны исследователям.

следований и выделить «социологию революции» в качестве отдельного направления исследований. Поэтому «Социология революции», опубликованная в 1925 году на английском языке, была «итоговой» работой, к которой он пришел после большого количества публицистических статей 1917 г. и серии исследований 1920–1922 гг., в которых он анализировал последствия революции, Гражданской войны и НЭПа в России.

Следует отметить, что на зарождение социологии революции П.А. Сорокина наряду с методологическими и историко-научными аспектами повлияли два личностных фактора, а именно: учеба и дальнейшая работа в Психоневрологическом институте и экспериментальных лабораториях института совместно с В.М. Бехтеревым и его коллегами. Теория коллективной рефлексологии В.М. Бехтерева и в меньшей степени её американский вариант – бихевиоризм – послужили в качестве основных концепций, на которые изначально опирался П.А. Сорокин в своих исследованиях революции.

Не меньшее влияние на научные исследования П.А. Сорокина оказала и его политическая деятельность, в рамках которой он изначально воспринимал революцию как единственное средство достижения социального идеала, опирающегося на традиции, сложившиеся в рамках философии Просвещения и социалистических доктрин. Но затем именно политические события и последующие за ними социальные потрясения повлияли не только на переоценку П.А. Сорокиным своих политических воззрений, но и на формирование его научных воззрений на революцию.

Социология революции понимается П.А. Сорокиным прежде всего как практическая, прикладная дисциплина, предметом исследования которой выступает революция. В «Социологии революции» при определении понятия «революция» на первое место выступают её процессуальные характеристики, определение основных этапов развития. Главным для П.А. Сорокина является принципиально новый подход и взгляд на революцию и «реакцию» как на единое целое: «...любой революционный период как целое неизбежно состоит из двух частей, неразрывно связанных друг с другом и неотделимых одна от другой, как неотделима голова живого человека от его туловища...» [9, с. 29]. Кроме этого, П.А. Сорокин выделяет достаточно большое количество причин (факторов) наступления революционных потрясений, причем сама классификация не отвечает всем требованиям¹ казуальной логики и научного объяснения на основе выявления причинно-следственных связей, но ему удалось выявить некий «идеальный тип» причины революции, её модель, которая обретает свои характеристики в зависимости от исторического периода и общества, в котором происходит революция. Поскольку он считает, что поведение человека представляет собой сложный комплекс актов (рефлексов, инстинктов), наследственных или безусловных, и актов (реакций, рефлексов) приобретенных, условных, то *ущемление главных инстинктов и рефлексов у значительной части общества, невозможность их минимально-необходимого удовлетворения, с одной стороны, и неспособность социальных групп, защищающих порядок и обладающих всей совокупностью средств и инструментов власти, противостоять усилившимся попыткам низвержения существующего строя, с другой стороны, приводят к революционным потрясениям.*

¹ Тем более, что многие данные биологии, физиологии и психологии начала XX века, на которые опирался П.А. Сорокин, в настоящее время признаны по крайней мере устаревшими.

Кроме этого, П.А. Сорокиным представлена развернутая схема изучения воздействия революции на общество в самом широком философско-социологическом плане. Он проводит анализ воздействия революции на общество по следующим основным показателям:

- на численность и качество населения;
- на экономику страны;
- на государство, власть, политику;
- на морально-правовые отношения;
- на духовную (особенно религиозную) жизнь;
- на образование, науку и культуру;
- на народную (национальную) психику и идеологию.

В процессе изучения влияния революции на общество П.А. Сорокину удалось вывести достаточно интересную закономерность – «закон социального иллюзионизма», в соответствии с которым результат любой революции всегда оказывается иным, чем это казалось в её начале, противоречащим её лозунгам. Причем отрицательные последствия революции больше всего бьют по наименее защищенным слоям общества. Это подтверждается опытом всех крупных революций.

Анализ причин возникновения революции и её последствий, представленный в социологической публицистике П.А. Сорокина и его «Социологии революции», был только первым этапом в его исследованиях кризисных состояний общества в целом. В дальнейшем основные положения социологии революции были развиты П.А. Сорокиным в его классических трудах: «Социальная мобильность» (1927) и «Социальная и культурная динамика» (1937–1939 гг.).

«Социальная мобильность» (1927)

В 1922 г. в России были арестованы более 150 выдающихся ученых и деятелей культуры, среди них С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Е.И. Замятин, М.А. Осоргин и многие другие. Все они, выражаясь словами из письма В.И. Ленина к Ф.Э. Дзержинскому, являлись «законченными кандидатами на высылку за границу». В списке на арест в Петрограде под «номером один» значится П.А. Сорокин¹. Дело в том, что в 1922 г. произошел конфликт ученого с советской властью, поводом для которого стал его научный интерес к причинам массового голода в стране в 1921–1922 гг. и подготовка им к изданию книги «Голод как фактор». Также он вел открытую полемику с главным теоретиком коммунистической партии Н.И. Бухариным. Личным врагом П.А. Сорокина стал и Г.Е. Зиновьев, чья жена З.И. Лилина написала учебник истории для детей, получивший публичную насмешливую оценку в его рецензии [8]. Сохранить жизнь многим ученым, и П.А. Сорокину в том числе, помог тот факт, что молодая Советская Россия пыталась завоевать признание на международной арене, а репрессии и тюремное заключение не могли остаться незамеченными среди зарубежных научных сообществ и вызвали бы негативную реакцию со стороны правящих кругов многих стран. Поэтому опальную интеллигенцию просто выслали из страны. Покинув страну, Сорокины попадают в Берлин, а затем по личному приглашению президента Чехословакии Т. Масарика переезжают в Прагу.

¹ Данный документ представлен в Государственном музее политической истории России Санкт-Петербурга.

В октябре 1923 г. П.А. Сорокин получил из США приглашение выступить в университетах Иллинойса и Висконсина с лекциями о русской революции. Это приглашение вряд ли можно назвать случайным. Именно в эти годы, начиная с 1918 года, в США начинают набирать популярность социалистические идеи, растет рабочее и забастовочное движение, коммунистическая партия США привлекает в свои ряды все новых членов. Поэтому правительство США поддерживает любые акции, направленные на противостояние распространения революционных идей в обществе. Именно в эти годы в США получила широкое распространение антикоммунистическая идеология «Красная угроза», согласно которой Великая Октябрьская социалистическая революция¹ 1917 года могла бы повлечь за собой угрозу наступления мирового коммунизма серией аналогичных революций в других странах. Таким образом, лекции Питирима Сорокина, да и сам он – эсер, прошедший все этапы Русской революции 1917 года и в конечном счете в 1918 году в камере смертников в Великоустюжской тюрьме написавший открытое письмо² с отказом от членства в партии эсеров и решением отойти от политической деятельности, были во многом привлекательны для идеологической антиреволюционной пропаганды. Цикл лекций состоялся в начале 1924 г., после чего он был избран профессором университета Миннесоты и работал в этой должности до 1930 г. Шесть лет работы в университете Миннесоты оказались очень плодотворными для Сорокина. Именно здесь вышли в свет такие труды, как «Социология революции» (1925), «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), повлиявшие на развитие социологической мысли. Важно, что тема революции, выступившая в качестве своеобразного связующего звена между «русским» и «американским» периодами творчества П.А. Сорокина, отражает не только факты биографии ученого, но целостность его научного творчества, а также интегральную сущность всех его работ. Теоретическая разработка темы революции П.А. Сорокиным показывает, что все его мировоззрение было пронизано интегральным синтезом и на уровне научных программ, и в политических взглядах, и даже на уровне жизненной философии.

Если в социологической публицистике и в работе «Социология революции» П.А. Сорокина интересовали прежде всего причины и процессуальные характеристики революции, то в «Социальной мобильности» на первый план выходят её **функциональные** параметры, что неразрывно связано с изучением процесса социальной мобильности.

В первую очередь, следует отметить, что П.А. Сорокину принадлежит особое место в изучении социальной стратификации и мобильности. Несмотря на то что основы стратификационной концепции разрабатывались такими мыслителями, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ж. Гурвич, Г. Спенсер, Г. Зиммель, Л. Уорд, Т. Маршалл,

¹ Официальное название в советской историографии.

² Письмо это было опубликовано в газете «Правда» 20 ноября 1918 г. и получило высокую оценку лидера большевиков В.И. Ленина. В своей статье «Ценные признания Питирима Сорокина» Ленин называет его «чрезвычайно интересным «человеческим документом», который в то же время «является крупным политическим актом». После появления этой статьи П.А. Сорокин был освобожден по «личному указанию товарища Ленина», как значится в архивах тюремной канцелярии. Сам Сорокин весьма туманно описывает этот эпизод в своей автобиографии, как, впрочем, и тот факт, что этим письмом и статьей В.И. Ленина был нанесен его политической репутации смертельный удар.

К. Девис, Т. Парсонс, Р. Дарендорф и др., именно П.А. Сорокин являлся её создателем и дал четкие определения множеству понятий, которые стали общепринятыми в этой области. Ещё в одной из своих фундаментальных работ российского периода творчества – «Система социологии» (1920–1922 гг.) – П.А. Сорокин говорит о том, что общество подобно слюде, легко расслаивающейся на ряд пластов или социальных групп, с тем различием от слюды, что слои идут не только **горизонтально**, но и **вертикально**, и во всех других направлениях, пересекаясь, скрещиваясь и пронзая друг друга. И это не удивительно, так как к проблемам социальной мобильности он подошел, уже обладая четко сформулированными теоретико-методологическими позициями, которые нашли отражение в «Системе социологии». Нужно отметить, что разработка теории социальной мобильности в рамках выстроенной им «системы социологии» базировалась на гипотетико-дедуктивной методологии. Последняя, в принципе, была характерна для построения большинства теорий в науке XX в. В «Социальной мобильности» П.А. Сорокин подтверждал теоретические выводы эмпирическим материалом по схеме «тезис – пример», производя иллюстрацию на конкретном историческом примере. В целом на основе детального изучения обширного эмпирического материала, который был типологизирован и проинтерпретирован, он доказал, что социальная мобильность является базовой чертой современного западного общества, несмотря на то, что степени мобильности и системы стратификации варьировали на различных этапах исторического развития.

По мнению Сорокина, постоянной характеристикой любой организованной социальной группы является социальная стратификация – «дифференциация некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы» [11, с. 9]. Причем теория социальной стратификации, выдвигающая те или иные критерии деления общества на социальные слои, группы, служит методологической основой для формирования теории социальной мобильности. Итак, внутри одной страты и между различными стратами существуют перемещения лиц, названные П.А. Сорокиным «социальной мобильностью». Существует два типа социальной мобильности: вертикальная и горизонтальная. Первая подразумевает перемещения из одной социальной позиции в другую, расположенную на том же уровне, например переход от методизма к баптизму. Вторая касается перемещений людей из одного социального слоя в другой, расположенный выше или ниже по социальной шкале, как это происходит, например, при движении вверх от состояния бедности к богатству. Восходящие и нисходящие перемещения осуществляются в двух основных формах: проникновение индивидов из нижнего социального слоя в более высокий и спуск индивидов с более высокой социальной позиции на более низкую по социальной шкале; или же коллективное восхождение или падение целых групп относительно других групп, существующих в социальной пирамиде. Но – и в этом отличие П.А. Сорокина от многих современных ученых, занимающихся проблемами стратификации и мобильности, – его интересы сконцентрированы главным образом на изучении коллективных, а не индивидуальных явлений. По мнению П.А. Сорокина, фундаментальной причиной мобильности является «постоянный дефект» любого общества, заключающийся в том, что общество всегда несколько отстает в распределении благ для своих членов в соответствии с их личными способностями, качествами и заслугами. Этот дефект усугубляется «биологическими,

антропологическими и демографическими» факторами. Так, например, с течением времени в стратах, считает П.А. Сорокин, совершаются демографические изменения: резкое количественное увеличение или уменьшение людских индивидов в составе страты, умственная или физическая деградация высшей страты и т. д. Все это приводит к постепенному увеличению в каждой страте людей, не соответствующих занимаемой ими социальной позиции. Например, в высшей страте собирается большая группа неспособных, «дегенеративных» индивидов, которые в соответствии с такими качествами должны перейти в низшую страту. В низшей же, в свою очередь, накапливается масса талантливых, энергичных людей, которые «социально» не на своем месте. **Если в обществе не существует мобильности, которая достаточно безболезненно разрешает этот конфликт, то в таком обществе неизбежно происходит социальная революция.**

В этой связи уместно вспомнить концепцию Вильфредо Парето (1848–1923), с трудами которого П.А. Сорокин был хорошо знаком и активно использовал их в научной работе. В. Парето принадлежит наиболее разработанная на основе элитарных теорий революционного процесса концепция социальной революции как способа, обеспечивающего «циркуляцию элит». Стабильность общества, согласно Парето, должна поддерживаться непрерывной циркуляцией элиты. Состав элиты должен постоянно пополняться новыми членами из других слоев общества, обеспечивая ее высокий уровень, а некомпетентные лица – выходить из нее. Как форма «циркуляции элиты», революции выполняют жизненно необходимую социальную функцию – способствуют очищению каналов социальной циркуляции. Если эта «циркуляция» не обеспечивается вовремя мирным путем или при помощи принудительного действия, общество должно погибнуть вследствие или распада, или потери национальной независимости. Уже исходя из этого описания концепции В. Парето очевидно, насколько сильным было его влияние на формирование отдельных положений социологии революции П.А. Сорокина.

Итак, с точки зрения П.А. Сорокина, **революция является следствием количественных и качественных форм запаздывания социальной мобильности**, когда «непригодные индивиды смещаются со своих мест несвоевременно и не в полном составе», что приводит к тому, что во всех «слоях их будет накапливаться все больше и больше. В результате социальные функции всех слоев начинают выполняться плохо. Вследствие этого происходит дезинтеграция всей жизни общества. Члены такого общества начинают страдать. Страдание порождает все большее и большее недовольство. Если подобная ситуация сохраняется, то происходит либо медленное разложение общества, либо **революционный взрыв**» [11, с. 339]. П.А. Сорокин считает, что из двух вариантов разрешения подобной ситуации в исторической перспективе гораздо чаще происходит именно «революционный взрыв», чем «медленное разложение». **Социальная революция**, по мнению Сорокина, **это динамичный взрыв, выравнивающий положение в стратах.**

Кроме этого, необходимо особо отметить, что П.А. Сорокину удалось связать в единое целое процессуальные характеристики революции, связанные с её периодизацией, представленные в социологической публицистике и «Социологии революции», и функциональные характеристики революции, представленные в его концепции социальной мобильности. Поскольку **на первом этапе революции** «социальное здание сгорает», высшие социальные слои уничтожаются, а его пред-

ставители лишаются своего социального статуса, то «талантливые и энергичные люди» из низшей страты переходят в высшую. При этом, так как «в первый период не существует механизма, контролирующего социальное распределение индивидов...» [11, с. 340], то неизбежно в состоянии «безжалостного хаоса» в высшую страту проникает и много неспособных людей, в то время как с верхней страты «сбрасывается» много талантов и одаренных людей. Если общество не разрушается полностью (что иногда случается), то наступает **второй этап революции**, который начинается с восстановления разрушенного во время первого этапа и отмечен «обратной циркуляцией». Ошибочно «сброшенные» недавно таланты возвращаются наверх. Постепенно вновь образуется стабильная стратификация и заново выстраиваются «каналы мобильности», общество возвращается к «нормальной жизни». Революция может, таким образом, устранить многие крупные недостатки дореволюционного распределения индивидов и перераспределить их более правильно.

Но П.А. Сорокин считает, что затем, «с течением времени, благодаря все тому же запаздывающему и количественно неполному перемещению индивидов, не соответствующих занимаемым местам, эти «несоответствующие индивиды» снова появляются во всех слоях общества и снова могут накапливаться в угрожающих размерах. Ситуация складывается так, что вмешательство революции снова становится неизбежным...» [11, с. 340–341]. Поскольку социальная революция, с точки зрения П.А. Сорокина, сопровождается разрушающими последствиями для всего общественного устройства, то он предлагает обратить особое внимание на ликвидацию причин её возникновения, а именно на совершенствование социальных каналов вертикальной мобильности и «социального контроля», способных своевременно ликвидировать последствия демографических, экономических и других изменений в стратах, приводящих к революциям. Завершает свою «Социальную мобильность» П.А. Сорокин выводом, который во многом был обусловлен как научным исследованием, так и личным опытом участия в российских революционных процессах начала XX века: «...открытые двери мобильного общества предоставляют потенциальным лидерам и амбициозным личностям большие возможности роста. Вместо того чтобы становиться вождями революции, они превращаются в защитников социального порядка <...> Тем самым **мобильность постоянно отнимает у революционных фракций их потенциальных одаренных лидеров**» [11, с. 491].

Далее следует провести некую линию демаркации, поскольку основные положения социологии революции П.А. Сорокина, представленные в его социологической публицистике революционного периода, «Социологии революции» и «Социальной мобильности», были им пересмотрены в середине 30-х годов в связи с эволюцией его теоретических воззрений, что совпало также с новой вехой в его научной карьере – Гарвардом. В 1931 году он принял участие в организации социологического факультета Гарвардского университета и был его первым деканом вплоть до 1942 года. Двадцать пять лет самой активной научной и организаторской работы были связаны у него с этим ведущим академическим заведением США.

«Социальная и культурная динамика» (1937–1941 гг.)

Фундаментальное исследование П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика» (1937–1939 гг.) занимает важное место среди работ, посвященных анали-

зу культуры и цивилизационных изменений. Спустя почти три десятилетия в своем автобиографическом романе «Долгий путь» по этому поводу П.А. Сорокин написал следующее: «...вряд ли какая-нибудь другая социологическая работа в области социальных и культурных систем, их колебаний и изменений может сравниться с моей, которая, в чем я уверен, останется непревзойденной...» [6, с. 196]. Эти слова говорят не о бахвальстве великого социолога ушедшего века, а о его адекватной оценке, проделанной им и его коллегами эмпирической и теоретико-обобщающей работы. Нужно отметить, что, действительно, до сих пор не было создано чего-либо равнозначного в социальных науках. Этот фундаментальный труд П.А. Сорокина хвалили и критиковали с одинаковым энтузиазмом, но очевидно, что он ещё не оценен по достоинству. К работе над «Социальной и культурной динамикой» он привлек известных российских ученых, оказавшихся в изгнании, не случайно департамент социологии в Гарварде в то время в шутку называли «белогвардейским». Исследовательская группа, в которую входили Николай Онуфриевич Лосский, Иван Иванович Лапшин, Николай Николаевич Головин, Сергей Германович Пушкарёв, Петр Бернгардович Струве, Петр Николаевич Савицкий, Николай Сергеевич Тимашев, Арсений Александрович Зайцов, Николай Львович Окунев и другие известные российские ученые, занималась подбором необходимого эмпирического материала, статистическим сбором и сравнением исторических данных по составленным П.А. Сорокиным исследовательским программам. Целью этого фундаментального научного исследования являлось построение обобщающей социологии социокультурных изменений западной цивилизации за 25 веков ее истории. Безусловно, что эта цель была достигнута благодаря творческим усилиям всего исследовательского коллектива, а также опыту П.А. Сорокина по организации научно-исследовательских проектов.

В «Социальной и культурной динамике» одним из основополагающих методологических принципов, на которых строится исследование, становится рассмотрение общества, культуры и личности как трех аспектов, модулей единого интегрированного социокультурного пространства, не делимых друг от друга; поэтому исследование революции проводится уже с учетом этого методологического принципа. Если говорить о конкретных методах исследования, то, безусловно, здесь П.А. Сорокин отдает явное предпочтение **социально-феноменологическому пониманию (интерпретации)**. Несмотря на то что в работе описанию методологии исследования уделено достаточно мало внимания, так как для П.А. Сорокина главное – не то, **как использовать** тот или иной метод на практике, а результаты исследования, можно выделить два вида социально-феноменологического метода, наиболее часто используемые в «Социальной и культурной динамике»:

- казуально-функциональный (причинно-функциональный);
- логико-смысловой.

Особенности логико-смыслового метода:

1. К выводам о логико-смысловом единстве различных фактов исследователь приходит путем наблюдения, статистического анализа, размышлений, логических выводов или интуитивно, причем эти методы можно использовать как по отдельности, так и в сочетании друг с другом.

2. Определив логико-смысловое единство, необходимо проверить его релевантными фактами.

3. Логико-смысловая теория должна описывать и включать в себя большой круг изучаемых явлений, причем чем больше социокультурных феноменов охватывает теория, тем ближе она к истине.

4. На базе установленной взаимосвязи культурных явлений, располагая информацией об одной или нескольких «переменных», можно «сконструировать сеть её связей со многими другими переменными».

Особенности казуально-функционального метода:

1. Казуальная связь имеет внешний и гипотетический характер.
2. Казуально-функциональная зависимость устанавливается при помощи наблюдения, эксперимента, обработки и анализа статистических данных.

3. Можно устанавливать корреляции между переменными, когда видно, что эти переменные, например А и В, соотносятся друг с другом (В следует за А, изменяется параллельно и т. д.).

4. Исследователь может не объяснять причины явлений, его задача – показать и доказать объективность происходящих явлений и экстраполировать эти тенденции на будущее.

5. Причинная связь фактов не означает автоматически их логико-смысловую интеграции, но на самом деле очень часто изучаемые явления объединены двумя типами связи.

Нужно отметить, что на общетеоретическом уровне изучения социальной системы чаще всего идет обращение к логико-смысловому анализу наблюдаемых процессов, при этом логическая интеграция социокультурных явлений – это признак расцвета культурной системы, её высшего единства. Показателем кризиса системы является отсутствие этого внутреннего единства, и интеграция происходит по другим, более простым признакам. П.А. Сорокин подчеркивал логическое единство культурной системы, определяемое цельностью её ментальности. На этой методологической основе он разработал концепцию, упорядочивающую эмпирическое разнообразие социокультурного мира. Так же, как «идеальные типы» М. Вебера, социокультурные типы П.А. Сорокина являются «идеальными» (несмотря на то, что он сам их так не называет). Подобно М. Веберу, он, обобщая эмпирическую реальность, в основу своей классификации кладет ценностные характеристики. Изучая культурные системы, Сорокин объединяет разнообразные социальные явления и процессы, относя к ценностям живопись, скульптуру, архитектуру, литературу, системы истины и знания (включая динамику научных открытий), социальные теории сингуляризма и универсализма, детерминизма и индетерминизма, линейную, циклическую и смешанную концепции космических, биологических и социокультурных процессов. От доминирующей ценности зависят основные категории мышления (причинность, время, пространство, число), общие и частные научные теории, тип социальных отношений, форма господства и правления, понимание сущности свободы, наличие и характер протекания войн, революций и внутренних беспорядков, экономические условия, право и т. д.

Любая из ментальностей, лежащая в основе культурной системы, не может охватить на все сто процентов изучаемую генеральную совокупность процессов и явлений, а может лишь преобладать в количественном отношении. Это связано с тем, что различные социальные общности адаптируют те или иные ценности и формируют особый менталитет, но только доминирующая ментальность определяет название всей социокультурной системы.

П.А. Сорокин выделил следующие основные типы культурной ментальности, считая, что «...эти системы, каждая в свое время, в той или иной степени влияли на поведение больших масс людей, обуславливая его...» [13, с. 103]:

- Аскетически идеациональный
- Активно чувственный
- Активно идеациональный
- Идеалистический
- Пассивно чувственный
- Цинично чувственный
- Псевдоидеациональный.

Подробное описание типов ментальности и социокультурных систем не отвечает целям данного исследования, тем более что существуют работы, посвященные концепции «суперсистем» П.А. Сорокина, стоит лишь отметить, что категория «культурная суперсистема» является исходной для типологизации культурного развития. Каждая суперсистема ценностей – это специальный вид исторической целостности, интегрированный в некий духовный идеологический стиль. Концепция революции органично в этом смысле вплетается в концепцию «культурных суперсистем». В глобальном масштабе, согласно П.А. Сорокину, величайшие революции в истории человечества – это смена одной формы культуры другой. А на локальном уровне – революции возникают тогда, когда происходит быстрое и коренное изменение высших ценностей в одной части общества, тогда как другая либо не принимает перемены, либо двигается в противоположном направлении. При этом система высших ценностей (интересов) включает в себя: политические, экономические, социальные, духовно-нравственные, культурные и религиозные ценности. Будучи идеалистом, П.А. Сорокин видит спасение от революции в принятии единой системы высших ценностей большинством членов общества. Но, к сожалению, эта идея весьма утопична, и нужно заметить, что она перекликается с его выводами относительно «эволюционных тенденций наказаний и наград», к которым он пришел, будучи еще студентом юридического факультета Петербургского университета, в своем студенческом исследовании «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913 г.)

Сразу следует отметить: несмотря на то, что в «Социальной и культурной динамике» есть специальные разделы, посвященные анализу различных социальных процессов и явлений (войны, живопись, литература, экономические отношения, формы господства и т. д.), революция, с точки зрения П.А. Сорокина, как социальное явление не заслуживает отдельного анализа, а может рассматриваться лишь наряду с другими «внутренними беспорядками в системе межгрупповых отношений». «Социальные нарушения» или «внутренние беспорядки» характерны для любого общества и культуры и подчиняются общим законам флуктуации «культурных суперсистем». К операционализации понятия «социальные нарушения» П.А. Сорокин подходит путем классификации и дифференциации всех реально существующих социальных нарушений, причем если классификация опирается на качественные показатели, то дифференциацию он вводит внутри классов социальных нарушений, опираясь на количественные показатели.

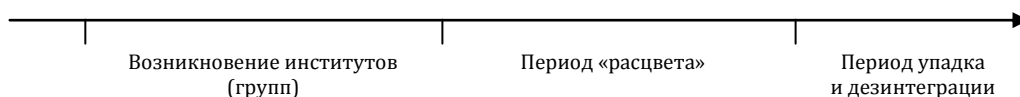
П.А. Сорокин выделял пять основных классов внутренних социальных нарушений:

- 1) политические нарушения, главная цель которых состоит в изменении существующего политического режима;
- 2) социально-экономические, направленные на изменение существующего социального и экономического строя;
- 3) национальные и сепаратистские движения, главная цель которых – национальная независимость, получение автономии, отмена ущемлений в области избирательного права или же получение других привилегий;
- 4) волнения на религиозной почве;
- 5) смешанный тип нарушений или волнения, связанные со стремлением к особым целям, например к персональным изменениям состава правительства, отмене какого-то закона, налога или другой меры [10, с. 669].

П.А. Сорокин считал, что основные критерии дифференциации очень часто могут пересекаться и «наслаиваться» друг на друга:

1. Показатели уровня нарушений:
 - персональный уровень,
 - групповой (институциональный),
 - уровень суперсистемы.
2. Степень опасности нарушений для целостности социального порядка:
 - неопасные (несоблюдение отдельных норм и правил),
 - крайне опасные, грозящие разрушением порядка.
3. Критерии исторического времени существования групп и институтов.

В данном случае П.А. Сорокин обращается к биологическому редукционизму, проводя параллели с организмом: «...некоторые волнения напоминают родовые схватки или болезни роста здорового организма, которые часто сопровождаются болью и внутренними потрясениями организма. Другие волнения – это проявления настоящей болезни и старости. Первые сопровождают здоровый и быстрый рост социальной группы или нации. Растущие жизненные силы не могут вместиться в старую сеть социальных отношений и поэтому то там, то здесь нарушают и рвут её. Волнения во время социального упадка и дезорганизации происходят из-за истощения жизненных и творческих сил данного общества или из-за какого-нибудь чрезвычайно несчастливого сплетения внешних обстоятельств, которые делают нормальную жизнь невозможной...» [10, с.662]. Очевидно, что революции гораздо чаще происходят в период упадка основных социальных институтов.

Однако Сорокин не останавливается на классификации нарушений, поскольку с точки зрения гносеологии этого недостаточно для объективного исследования изучаемого явления. Конструктивно критикуя различные определения «социальных нарушений», представленные в трудах социологов, историков, юристов и социальных философов, он предлагает не «передавать эмоции в словах», а попытаться «измерить социальные штормы». Для этого П.А. Сорокин опирается на «индикаторы социальных нарушений», которые собирались им и его коллегами за внушительный промежуток времени – с LX века до н. э. до XX века н. э. (т. е. охватывали

античную цивилизацию Древней Греции, Рима, Византии и европейскую цивилизацию с VI века н. э.).

В результате у него получилось **четыре категории качественно-количественных показателей:**

1. Зона нарушений, т. е. оценка в зависимости от их места в социальном пространстве:

- нарушения локального характера, в сельской местности или в небольшом ограниченном районе – 1 балл;
- нарушение локального характера, в нескольких сельских районах или маленьком городке – 3 балла;
- в большом городе – 5 баллов;
- в нескольких городах среднего размера, в одном крупном городе или небольшой провинции – 10 баллов;
- в большой провинции или части столицы – 20 баллов;
- в нескольких больших провинциях или в столице – 40 баллов;
- нарушение в столице, перекинувшееся на несколько провинций, – 60 баллов;
- нарушения, захватившие большую часть страны, – 80 баллов;
- нарушения, захватившие всю страну, – 100 баллов [10, с. 663].

2. Количество населения, активно включенного в нарушение:

- нарушение, произведенное несколькими лицами (заговорщики, преступники и т. п.) – 10 баллов;
- нарушение, произведенное небольшой группой лиц, – 30 баллов;
- нарушение, совершенное многочисленным социальным классом (политическая партия, религиозная деноминация, профессиональная группа и т. п.), – 50 баллов;
- нарушение, в котором участвуют большие массы населения (несколько многочисленных классов), – 70 баллов;
- нарушения, вовлекающее практически все взрослое активное население, – 100 баллов.

3. Напряженность нарушения (по колебанию насилия и жестокости):

- нарушение без насилия – 1 балл;
- незначительное насилие – 3 балла;
- покушения на жизнь и собственность в большом размере – 5 баллов;
- масштабные насилия и свержение власти в местных центрах, без серьезных социальных эффектов – 7 баллов;
- тотальное насилие, обязательное свержение центральной власти, приводящее к серьезным социально-политическим последствиям, – 10 баллов.

4. Продолжительность нарушения:

- кратковременное волнение, когда замечен лишь один мгновенный толчок, – 1 балл;
- более длительное волнение – 3 балла;
- несколько месяцев – 5 баллов;
- год – 10 баллов;
- два года – 15 баллов;
- три года – 20 баллов;

- четыре года – 25 баллов;
- более пяти лет – 30 баллов.

Далее, на основе классификации явлений, и учитывая все качественно-количественные показатели, П.А. Сорокин¹ проводил «замеры нарушений» и сводил их в общие списки, таблицы, графики и диаграммы, при этом им использовались фактические данные, собранные в различных энциклопедиях, в исторических хрониках, научных исследованиях, историографических изысканиях и т. д. В результате все эти данные, представленные в сводных таблицах, раскрывали увеличение и уменьшение (флуктуации) социальных нарушений «по горизонтали» – от страны к стране, от цивилизации к цивилизации, и «по вертикали» – от периода к периоду. Сразу следует оговориться, что в данной методологии и анализе присутствуют отдельные недостатки, причем поскольку он использует эту же методологию для изучения войн, то можно обратиться к исследованию Б.С. Урланиса «История военных потерь» [12], в котором представлена вполне обоснованная критика подхода П.А. Сорокина к изучению войны. Тем не менее те выводы, к которым он приходит (иногда интуитивно), вполне обоснованны. Нужно отметить, что в этом заключается одна из ярких черт научного наследия П.А. Сорокина в целом, а именно: иногда, опираясь на теории и взгляды со слабым эвристическим потенциалом, он делает очень сильные эмпирические выводы прикладного характера.

Один из таких выводов касается степени насилия в революционных потрясениях. Если обратиться к таблице 1, то становится очевидным, что «бескровная революция» – это лишь миф, который существует в идеалистических теоретических конструкциях и общественном сознании, так как только лишь 5 % всех волнений происходило без насилия и около 23 % сопровождалось сравнительно небольшим насилием. Более 70 % исследуемых революций сопровождалось насилием и кровопролитием в довольно ощутимых масштабах.

Таблица 1²

Интенсивность революционных процессов (по странам и разрядам³)

Страны	I		II		III		IV		V		В целом	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Греция	1	1,2	11	3,1	30	35,7	24	28,5	18	21,4	84	100
Рим	2	1,2	49	28,8	79	46,5	19	11,2	21	12,5	170	100
Византия	2	4,0	1	2,0	10	20,4	36	73,6	0	0	49	100
Франция	17	9,9	43	24,5	74	43,0	33	19,2	6	3,4	173	100
Германия и Австрия	12	8,0	24	16,0	73	48,7	39	26,0	2	1,3	150	100
Англия	15	9,2	41	25,3	51	31,5	52	32,2	3	1,8	162	100
Италия	13	5,1	35	13,9	88	35,1	112	44,7	3	1,2	251	100
Испания	4	1,7	46	19,5	132	56,2	43	18,3	10	4,2	235	100

¹ Общеизвестный факт, что этот массив информации собирался и предварительно обрабатывался многими людьми: специалистами по военной социологии, правоведами, историками, культурологами и т. д., в основном из ученых русского зарубежья. Безусловно, по объему данных этот анализ беспрецедентен.

² Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. С. 681.

³ См. категории напряженности нарушения (по колебанию насилия и жестокости). С. 48.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Нидерланды	2	1,9	17	16,5	58	56,4	20	19,4	6	5,8	103	100
Россия	8	4,7	98	59,0	36	21,4	19	11,3	6	3,6	167	100
Польша и Литва	5	6,4	5	6,4	55	70,5	13	16,7	0	0	78	100
В целом	81		370		686		410		75		1622	

Ещё один вывод П.А. Сорокина ставит под сомнение большинство теорий (например, концепцию Г. Лебона), которые содержат положения о существовании различий между «дисциплинированными и недисциплинированными» народами. Более того, Сорокин говорит о том, что не только не существует этих различий, но и само деление народов на подобные «виды» недопустимо, «...это означает, что волнения в Англии и во Франции никак не могут считаться менее насильственными, чем, например, беспорядки в России, Германии, Испании... или Древнем Риме...» [10, с. 681].

Таблица 2¹Продолжительность революционных движений (по странам и разрядам²)

Страны	I		II		III		IV		V – VIII		IX-X		В целом
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во
Греция	22	26,2	36	42,8	12	14,3	3	3,6	10	11,9	1	1,2	84
Рим	42	24,7	88	51,8	21	12,3	9	5,3	10	5,9	0	0	170
Византия	8	16,3	22	44,9	7	14,3	1	2,0	11	22,5	0	0	49
Франция	28	16,3	69	39,5	34	19,8	10	5,9	32	18,6	0	0	173
Германия и Австрия	20	13,4	40	26,6	53	35,4	10	6,6	26	17,4	1	0,6	150
Англия	28	17,3	67	41,4	33	20,4	8	4,9	25	15,4	1	0,6	162
Италия	85	33,7	67	26,5	44	17,7	17	6,9	37	14,8	1	0,4	251
Испания	45	19,1	108	46,0	23	9,8	22	9,3	36	15,3	1	0,4	235
Нидерланды	7	6,8	24	23,3	37	35,9	4	3,9	28	27,3	3	2,9	103
Россия	30	18,5	74	44,0	24	14,3	4	2,4	32	19,0	3	1,8	167
В целом	315	20,4	595	38,5	288	18,6	88	5,6	247	15,2	11	0,7	1544

Третий вывод касается продолжительности революционных волнений. Если обратиться к данным в таблице 2, то преобладающим типом являются волнения второго разряда, то есть продолжительностью в несколько недель, причем в истории многих стран волнения длительностью свыше 10 лет полностью отсутствуют или составляют меньше 1 % от всех волнений. Этот вывод полностью подтверждает одно из основных положений социологии революции П.А. Сорокина о том, что любая революция проходит через два основных этапа: революции и контрреволюции, причем первый этап – этап разрушения – весьма непродолжителен. Интересно, что интерпретируя данные этой таблицы, П.А. Сорокин вновь обращается к биологическому редукционизму, несмотря на то, что данный прием здесь неуместен и было бы более целесообразно обратиться к собственным исследованиям процессуальных характеристик революции, представленных в работе «Социальная мобильность».

¹ Там же. С. 682.

² См. Категории продолжительности нарушения.

Так, например, П.А. Сорокин, комментируя данные о том, что продолжительность большинства революционных движений (около 80 %) составляет от нескольких дней до нескольких месяцев, писал: «...большая часть внутренних кризисов в жизненном процессе социального организма (как и болезни в жизненном процессе индивида) проходят свою острую стадию в течение периода в несколько недель. Лишь небольшая доля их длится в течение года или больше» [10, с. 683].

Одной из главных причин появления «социальных нарушений», с точки зрения П.А. Сорокина, является неизбежное имманентное изменение любой социокультурной системы, когда ее доминирующие формы, достигнув предела своих потенциальных возможностей, начинают клониться к упадку, а идущие им на смену формы еще только складываются. Исходным условием социальных нарушений Сорокин считал «неустроенность» социальной, культурной или обеих систем вместе, однако определяющая роль в его построениях оставалась за значимостью ценностей и их систем, т. е. за культурной системой. «Неустроенность» определялась им как «расшатанность, несовместимость, некристаллизованность» как главных духовных ценностей, так и социальных отношений. Когда какая-либо социокультурная система вырабатывает свой «предел прочности», она ясно начинает демонстрировать признаки дезинтеграции и входит в переходную стадию, которая характеризуется бурным ростом социальных нарушений, приближающим переломный момент, – пик социальных нарушений, который может быть острым и не очень острым в зависимости от того, насколько «стихийное протекание перехода» можно сделать более управляемым и целесообразным.

Следует отметить, что, ставя во главу угла своей теории так называемые суперсистемы, П.А. Сорокин абсолютизировал роль «системы высших ценностей» и, как следствие, невольно установил примат идеи. Логический вывод здесь неизбежен: общество потеряло веру в идеи и суждения, структурировавшие жизненный мир, и этот распад базисных ценностей привел к кризису современности. Это общий кризис эпистемологии, морали, социального порядка и исторического выбора. Вот почему интегральная социология Сорокина пессимистична, ибо если человечество не пойдет по направлению к идеалистической цивилизации, основанной на началах разума, то оно неизбежно погибнет. Так под нажимом задачи достижения идеалистической цивилизации невольно провозглашается единая цель – создание и усвоение *целостной системы* высших ценностей и их взаимная совместимость, что приводит к выводу о необходимости внедрения во все государства, народы и общественные группы системы основных норм и ценностей, связующих всех без различия. Теоретически, безусловно, положительная, мысль эта в реальной политике либо утопична, либо привела бы (и сегодня приводит) к подчинению мирового сообщества диктату государства-лидера.

Еще один важный вывод, к которому пришел П.А. Сорокин в процессе изучения революций в рамках «Социальной и культурной динамики», касается взаимосвязи процессов изменения и тенденций глобализации¹. Он считал, что силы (факторы и причины), провоцирующие нарушения, «...редко действуют только в одной стране (если вообще это бывает). Хорошо это или плохо, но они, видимо, действуют одно-

¹ Несмотря на то что в социологической литературе тенденции глобализации получили своё отражение в концепциях и теориях глобализации только в сер. 50-х гг., уже в конце 30-х гг. П.А. Сорокин интуитивно описывал некоторые из них.

временно на территории нескольких стран. Волнения, начавшиеся в одной стране, обычно распространяются и на другие страны или же возникают одновременно в нескольких странах...) [10, с. 697–698]. Правомерность данного вывода ярко подтверждает волна «цветных революций», прокатившаяся в странах на «постсоветском» пространстве и захлестывающая страны арабо-мусульманского мира в последние десятилетия. Представленная на страницах «Социальной и культурной динамики» интегральная макросоциологическая теория позволяет изучать политические процессы прошлого и настоящего, а также прогнозировать политические изменения. При этом единицей социологического анализа выступает не страна (государство), а цивилизация с ее уникальным набором ценностей. Анализируя современные формы правления, он делает вывод, что все они опираются на насилие в качестве основного инструмента власти [3, с. 229].

Таким образом, в теоретическом осмыслении революции или «социологии революции» П.А. Сорокина можно с уверенностью выделить два этапа: первый связан с его работами «Социология революции» и «Социальная мобильность», а второй – с работой «Социальная и культурная динамика». На этих этапах он не только на разных теоретико-методологических позициях развивает основные положения своей социологической концепции революции, но и пересматривает свою оценку «социальной революции» в целом. Если в фундаментальных исследованиях «Социология революции» и «Социальная мобильность» революция выступала в качестве «социальной патологии», для профилактики которой необходимо прилагать специальные усилия по причине явно негативных последствий революции для общества, то позднее он приходит к выводу о том, что революции неизбежны, они существовали и будут существовать всегда в истории человечества. За 14 веков европейской цивилизации П.А. Сорокин выявил всего 10 случаев, когда полный мир (без войн и «внутренних нарушений») просуществовал почти 50 лет, а годы социального мира в среднем составляют только 5–6 лет. Тем не менее революции являются «показателем» кризисного и переходного периода в истории отдельных стран и культуры в целом. Кроме этого, как было показано выше, многие эмпирические выводы П.А. Сорокина относительно причин, функциональных и процессуальных характеристик революции не потеряли своей актуальности в качестве объяснительных моделей для анализа современных политических и социальных изменений, в том числе «новых революций», по причине их высокой эвристической значимости.

Литература

1. Андреев О.Е. История революции и гражданской войны в России в трудах П.А. Сорокина: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Нижний Новгород, 2006. 24 с.
2. Ковалев В.А. Теория революции П.А. Сорокина и российский политический процесс // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. № 2. С. 106–126.
3. Ломоносова М.В. Историческая обусловленность и эвристический потенциал теорий и концепций П.А. Сорокина в современных исследованиях политики и власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология, социология, педагогика. 2011. № 3. С. 229–239.
4. Ломоносова М.В. Социология революции П.А. Сорокина: дис. ... канд. социолог. наук. СПб., 2006. 162 с.
5. Сапов В.В. Идол революции // Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. С. 7–44.

6. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. 303 с.
7. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетея, 2000. 316 с.
8. Сорокин П.А. Рецензия на статью З.И. Лилиной «От коммунистической семьи к коммунистическому обществу» // Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994. С. 331–333.
9. Сорокин П.А. Социология революции. М.: Издательский дом «Территория будущего», РОССПЭН, 2005. 704 с.
10. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1055 с.
11. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia, LVS, 2005. 588 с.
12. Урланис Б.С. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1998. 559 с.
13. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. N.Y., 1962, Vol.1.

References

1. Andreev O.E. Istoriya revolyucii i grazhdanskoj vojny v Rossii v trudah P.A. Sorokina. Avtoref. dis. na soisk. uch. st. kand. istorich. nauk. 2006. Nizhnij Novgorod. 24 s.
2. Kovalev V.A. Teoriya revolyucii P.A. Sorokina i rossijskij politicheskij process // Politicheskaya ehkspertiza: POLITEHKS. 2009. № 2. S. 106–126.
3. Lomonosova M.V. Istoricheskaya obuslovlennost' i ehvristicheskij potencial teorij i koncepcij P.A. Sorokina v sovremennyh issledovaniyah politiki i vlasti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12: Psihologiya, sociologiya, pedagogika. 2011. № 3. S. 229–239.
4. Lomonosova M.V. Sociologiya revolyucii P.A. Sorokina. Dis. kand. sociolog. nauk. SPb., 2006. 162 s.
5. Sapov V.V. Idol revolyucii // Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologiya revolyucii. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2015. S. 7–44.
6. Sorokin P.A. Dolgij put'. Syktyvkar: SZH Komi SSR, MP «SHypas», 1991. 303 с.
7. Sorokin P.A. Zаметки sociologa. Sociologicheskaya publicistika. SPb.: Aleteja, 2000. 316
8. Sorokin P.A. Recenziya na stat'yu Z.I. Lilinoy «Ot kommunisticheskoy sem'i k kommunisticheskomu obshchestvu / Sorokin P.A. Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. M.: Nauka, 1994. S. 331–333.
9. Sorokin P.A. Sociologiya revolyucii. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», ROSSPEHN, 2005. 704 s.
10. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, ehtiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij. SPb.: RHGI, 2000. 1055 s.
11. Sorokin P.A. Social'naya mobil'nost'. M.: Academia, LVS, 2005. 588 s.
12. Uрlanis B.S. Istoriya voennyh poter'. SPb.: Poligon, 1998. 559 s.
13. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. N.Y., 1962. Vol. 1.

Питирим Сорокин о социологии революции: анализ катастрофического опыта – уроки и прогнозы для современности

Статья представляет собой размышления о проблемах революции и возникновении революционной ситуации в России. Анализируется теоретическое наследие известного русско-американского социолога Питирима Сорокина и уроки, которые можно из него извлечь. В центре внимания автора статьи находится книга «Социология революции». Проблемы революции анализируются с привлечением новых теорий революции. Рассматривается проблема связи подхода Питирима Сорокина с другими теориями революции. Подчеркивается актуальность идей Сорокина для понимания современных проблем.

Ключевые слова: Россия, революция, Питирим Сорокин, кризис, политический режим, коммунистическая диктатура, распад государства.

V.A. Kovalev (Syktyvkar). Pitirim Sorokin on the sociology of revolution: an analysis of the catastrophic experience – lessons and forecasts for the present

The article reflects an opinion and reflections about the problems of the revolution and the emergence of a revolutionary situation in Russia. It examines the theoretical heritage of the famous Russian-American sociologist Pitirim Sorokin and the lessons that can be learned. The focus of the author is the book «Sociology of revolution». The problems of the revolution are analyzed, with the involvement of new theories of revolution. Consideration of a problem of the approach of Pitirim Sorokin with other theories of revolution. It emphasizes the relevance of Sorokin's ideas for understanding contemporary issues.

Keywords: Russia, revolution, Pitirim Sorokin, crisis, political regime, Communist dictatorship, disintegration of the state.

Для цитирования: Ковалев В.А. Питирим Сорокин о социологии революции: анализ катастрофического опыта – уроки и прогнозы для современности // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 54–76.

For citation: V.A. Kovalev. Pitirim Sorokin on the sociology of revolution: an analysis of the catastrophic experience – lessons and forecasts for the present // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 54–76.

«Бездна наконец-то разверзлась. Большевизм одержал победу... Всё произошло очень просто. Временное правительство и первый Всероссийский Совет были свергнуты так же легко, как и царский режим», – так в 1917 году Питирим Сорокин в своем дневнике писал о самом значительном и катастрофическом событии российской истории XX века [24, с. 107]. Это «наконец-то» вольно или невольно, сопряженное Сорокиным с «бездной» в данной цитате, и сегодня привлекает наше внимание.

Была ли революция осени Семнадцатого года ужасной неизбежностью или её можно было избежать, направив события по другой траектории? Как соотносятся

между собой Февраль и Октябрь? Что явилось причинами революционной катастрофы? Как в её ходе изменялось отношение к социализму и что это вообще такое? Возможен ли новый революционный прилив в нашей стране? Эти и подобные вопросы и сегодня, век спустя после произошедшей катастрофы, по-прежнему имеют крайне неоднозначные ответы. Удастся ли нам извлечь уроки из отечественного катастрофического опыта и его осмысления лучшими умами прошлого, к числу которых принадлежал и социолог Питирим Сорокин? Автор данной статьи, не специализируясь именно на сорокинском наследии, тем не менее считает, что идеи русского социолога являются не только достоянием прошлого, покрытого архивной пылью, но и сегодня актуальны и востребованы в дискуссиях о революции и коммунизме.

Социологический анализ посреди «царства Смерти» – уроки правды, гражданского мужества и верности профессиональному призванию

Питирим Александрович Сорокин предложил современникам и оставил потомкам свои свидетельства и размышления о российской Смуте времен революции и гражданской войны. К ним относятся такие поразительные и страшные с точки зрения содержащихся в них описаний «Листки из русского дневника», «Голод как фактор» и «Социология революции». О кошмарах русской революции написано довольно много, но даже среди таких пронзительных документальных свидетельств, сделанных с поразительным художественным мастерством, как, например, «Окаянные дни» Ивана Бунина или «Солнце мёртвых» Ивана Шмелева, книги Питирима Сорокина выделяются постоянной научной рефлексией своеобразного и талантливого ученого-социолога.

С позицией Сорокина по тому или иному политическому или историческому вопросу можно соглашаться или нет, но надо отдать должное его человеческой и научной смелости. Работа П. Сорокина в последние годы второго и в начале третьего десятилетия XX века – это рискованный «репортаж с петлей на шее», постоянное нахождение под дамокловым мечом голода, тифа и революционного террора. Знание о реальном опыте поколений, попавших в революционную бурю, резко расходится с привычной с советских времен псевдорелигиозной картиной появления «нового мира», до которого наконец-то добралась загнанная кляча истории. Как остроумно замечает современный автор, «большевистская революция подавалась как начало новой эры человечества. Что-то вроде явления в мир нового Христа–Ленина – с большевистскими вождями в роли апостолов и коммунистической партии в качестве новой церкви. Продолжая этот ряд, «построение коммунизма» виделось вторым пришествием Христа – воцарением на земле коммунистической утопии» [21, с. 13]. Если использовать подобные сравнения, то революционные пророки вполне подражали библейским. Но если Ж.Ж. Руссо в лице своего «благородного дикаря» проповедовал возвращение в Эдем, то К. Маркс и К^о предрекали обществу «старого мира» подобие Страшного Суда. (Страха действительно было много, но до рая так и не добрались, несмотря на все обещания «светлого будущего».)

В силу разгоревшихся эсхатологических ожиданий считать, что литература советского периода по теме революции или коммунизма отличается просто с точки зрения научных подходов, – это чрезмерно упрощать ситуацию. Мировоззренческая пропасть между «коммунистами» и «антикоммунистами» была гораздо глуб-

же, хотя и приходилась на период застоя, при всемерном остывании революционного энтузиазма и потерей экзистенциального напряжения. (Последняя вспышка хилиалистического безумия наблюдалась в хрущевском «волюнтаризме и обещании полного «-изма» к 1980 году, но вся эта советская революционность превратилась в тему для анекдотов, бюрократический «застой», «схоластическое теоретизирование».)

В советский период революция была темой актуальной, но возможности ее научного описания и анализа были минимальными. Тем не менее совокупность усилий коммунистических пропагандистов и агитаторов, «профессоров марксизма-ленинизма» достигла определенных целей: перенаправила внимание и интерес к революции с реальности на мифы. На излете так называемой перестройки и после нее отношение к теме революции в нашей стране было своеобразным. Резко изменились ее оценки: с официально-восторженных советских характеристик «Великой Октябрьской революции» как всемирно-исторического события, открывшего новую эру человечества и т. п., до осознания Смуты начала XX века как национальной катастрофы, заведшей страну и общество в исторический тупик с огромными жертвами. Это действительно была величайшая в истории *антропологическая катастрофа*.

Трагедия и фарс в революции переплетались подчас самым ужасным образом. С одной стороны, совершенно карикатурные фигуры (анти-)героев Февраля и Октября, с другой – Россия превратилась, по словам П. Сорокина, в Царство смерти, где последняя собирала обильную жатву. Гибель безвинных людей стала будничным делом и воспринималась уже почти спокойно. Напротив, развязавшие террор коммунисты сами часто погибать не хотели. Вот В.В. Сапов в примечаниях к очередному тому собрания сочинений П. Сорокина пишет, например, о финале революционной карьеры бывшего сорокинского товарища: «Конец самого Г.Д. Пятакова¹ был страшен. Когда его арестовали в 1936 г., то первые показания против него дала его бывшая жена, испугавшись за сына (вскоре арестовали и ее и тоже приговорили к расстрелу). В ходе следствия Пятаков просил «предоставить ему любую форму реабилитации, в частности со своей стороны вносит предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу на процессе, в том числе и свою бывшую жену» [24, с. 20]. Да, «мораль» революционеров проявлялась своеобразным образом. И эти «упыри» ещё кричали о том, что ведут Россию «к новой жизни», сея вокруг себя смерть.

«Социология революции» – это прежде всего очень мощное разоблачительное произведение. В годы «гласности» оно могло бы произвести потрясающее воздействие на советских людей, воспитанных на «идеалах революции», но и для сегодняшнего читателя, несмотря на обилие соответствующих материалов о революционном терроре и т. д., все же содержит массу впечатляющей информации. П. Сорокин, ранее желавший свержения царизма и веривший в социализм, нашел в себе силы, чтобы осудить революцию: «террор и диктатура – неизбежные результаты революции. Кто хочет последней – должен хотеть и первые» [24, с. 307].

Вот характерные замечания свидетеля и ученого о революции:

¹ Сорокинская запись в дневнике: «Керенский потерпел поражение. Большевики захватили банки, государственные и частные, и мой друг Пятаков назначен министром финансов» [24, с. 111].

➤ «Революция не только фактор криминализирующий, но эссенция и квинт-эссенция самой кровавой и жестокой преступности» [24, с. 363].

➤ Во время революции «перед нами общество, потерявшее всякое чувство реальности и живущее в мире иллюзий и фантазмов. Эти примеры повторяются во всех революциях. Варьируются только конкретные детали» [24, с. 392].

➤ «Население Советских республик с 1917 по 1922 г. убыло за эти пять лет революции на 15–16 миллионов человек» [24, с. 398].

➤ «По данным профессора Тарасевича, одним сыпным тифом в 1919–1920 г. переболело не менее 20 % населения» [24, с. 415].

➤ Революция «произвела ужаснейшее – количественное и качественное – опустошение и ухудшение населения России. Она заложила основы последующей его дегенерации» (курсив мой. – В.К.) [24, с. 416].

➤ «Революция – явление алкогольное, сексуально распутное, тифоидно-холерное и убийственное... кто хочет вымирания своего народа, падения рождаемости, ухудшение расового фонда своей нации, гибели его лучших элементов, дегенерации выживших, чумы, холеры, тифа, сифилиса, душевных расстройств, словом, кто хочет дегенерации своей нации, тот может и должен готовить насильственную революцию, углублять и расширять её» [24, с. 420]. Ну, и так далее.

По итогам революционных событий Сорокин пришел к выводу, что вместо революции, безусловно, предпочтительнее реформы. В 1920-е годы, как полагал Сорокин, «немного найдется людей, которые не признавали бы старый режим бесконечно лучшим, чем современный режим, установленный большевиками» [24, с. 501]. Правда, потом тотальная ложь и репрессии выковали «нового человека» – «хомо советикуса», который стал думать иначе.

Но в реальной истории Россия в революцию попала в Царство смерти и пережила опыт, пребывая в этом страшном царстве. Вот как экс-революционер Сорокин описывает свой экзистенциальный опыт: «...мой друг расстрелян... Семерых из Ветлуги расстреляли нынешней ночью. Это прожорливое чудовище – Революция – не может жить, не упиваясь человеческой кровью. Я еще жив...» [24, с. 163].

Это перекликается с более поздними антикоммунистическими оценками революции, которые прорастали из-под глыб коммунистического террора и пропаганды. Так, например, в знаменитом неподцензурном, «тамиздатовском» сборнике И.Р. Шафаревич в полемическом запале писал в статье «Социализм»: «социализм стремится к уничтожению тех сторон жизни, которые составляют подлинную основу существования человека. Поэтому нам представляется, что смерть человечества – это неизбежное, логическое следствие социалистической идеологии и одновременно реальная возможность, черты которой сквозят в каждом социалистическом движении и государстве, более или менее четко, в зависимости от того, насколько верно оно следует социалистическому идеалу» [28, с. 66].

Конечно, многие с таким утверждением не согласятся, ведь «социализм», можно сказать, бывает разный, к примеру «шведский». Но речь идет именно об отечественном террористическом и диктаторском воплощении социализма, которое кардинально расходилось с мечтами о социализме самого Сорокина и многих его соратников, жаждущих народной свободы, но которое было воплощено их политическими врагами и победителями (большевиками). В варианте социализма, предложенного ульяновыми, бронштейнами, джугашвили и пр., социализм означал

именно господство Смерти, когда массовые жертвы революции, гражданской войны и последующего истребления населения России были «подготовлены» предшествующим демографическим перегревом.

Даже десятилетие спустя это трудно понять и принять как факт, а потом смело искать причины крупномасштабной социальной катастрофы. Знающий подробную историю «красной Смуты» современный историк пишет: «Современному человеку сложно жить с сознанием зыбкости своего существования – отсюда своего рода эсхатологическая паника, периодически охватывающая даже просвещённых людей, а равно и желание исследователей уклониться от бесстрастного проникновения в природу катастрофических явлений... Тематика революции стала малоприятным свидетельством когнитивной уязвимости всего современного общества» [3, с. 19].

Питирим Сорокин, выживший в большевистском аду, дорогой ценой приобрел иммунитет против такого рода «когнитивной уязвимости». («Россия во мгле» хорошо просветляла мозги, конечно если удавалось сохранить голову). Только учитывая эти конкретные и экстраординарные обстоятельства, среди которых рождалась сорокинская теория революции, можно адекватно обсуждать её теоретические плюсы и минусы.

П. Сорокин как современник революции – урок для современности

Один из самых революционных умов современной эпохи, Эрик Дрекслер, однажды написал: «Науку интересует, как она будет открывать *новые знания*. Техника задается вопросом о том, как она будет поставлять *новые продукты*» [6, с. 209]. Это замечание провозвестника новых технологий можно вполне применить к тем, кто мечтал о новых послереволюционных «продуктах» и уже потом дорогой ценой добывал новое знание о том, почему получились совершенно неожиданные результаты.

Отмеченное противоречие крайне важно и действует не только в природе, но и в обществе, в культуре. Революционеров и революционных интеллигентов, к которым в молодости примыкал П. Сорокин, вполне можно характеризовать как «технологов» революционного переворота и «инженеров» человеческих душ в ходе него. Да, трагический личный опыт, неоднократная угроза гибели, а также наблюдения за гекатомбами смертей, разрушением государства и «социального агрегата» сравнительно быстро побудили Сорокина к его «ценным признаниям», к отказу от участия в политических действиях, выходу из эсеровской партии, зафиксированным известным письмом в газету [24, с. 687–689].

Но ведь до этого Сорокин и его товарищи ученые-масоны сами активно играли в политический радикализм, развили бурную деятельность и агитацию. Сам Питирим Александрович был одно время близок к эпицентру российской политики, выполняя функции секретаря у Керенского, находясь возле этой фигуры – отвратительной карикатуры на политического деятеля. (В воспроизводимых рецензиях на книгу П. Сорокина Керенский именуется «неадекватным джентльменом», «пустословом и мечтателем» и т. п. [24, с. 614, 616].)

Сами незадачливые революционеры в своих действиях ведь также руководствовались теми или иными идеями, разнообразной «наукой» – марксизмом, позитивизмом, эволюционизмом и т. п., активно изучали и пытались воплотить опыт Великой

французской революции, да так, что французский террор и количество жертв «великой революции» были превзойдены на порядок. Сорокин, можно сказать, вовремя одумался и счастливо спасся из жерла революционного вулкана. Он предпринял титанические усилия, дабы вновь вернуться к научным занятиям и преуспеть в них. Но в «Социологии революции», написанной в первые месяцы после чудесного спасения из большевистского ада, отчетливо видны не только оперирование популярными тогда научными теориями, но и сплавленный с ними личный, экзистенциальный опыт – впечатления жертвы, чудом сбежавшей с бойни¹.

Хотя надо констатировать, что в деле теоретического изучения революций в стране победившей «великой революции» исследователи серьезно отстали, и именно в силу идеологических последствий великого революционного триумфа. Как известно, П. Сорокин рассматривал вторую, реакционную стадию революции, как стадию «торможения». Это «торможение» было в нашей стране особенно заметным и сказалось в том числе и на понимании самой революции.

Между тем в мире уже выделяется целых четыре поколения исследователей революций, а также различные направления таких исследований: от бихевиористских и «естественно-исторических» до структуралистских. Россия в интеллектуальном отношении остается «разряженной средой», где большинство работ зарубежных ученых оставалось и остается практически мало известными в силу господства идеологических схем на протяжении советских десятилетий. Даже классическая «Социология революции» П. Сорокина остается до сих пор фактически недостаточно используемым трудом, а сила мощнейшей идеологической инерции в среде бывших марксистско-ленинских обществоведов вызывает неприятие и отторжение. Тем не менее теории уже новых поколений исследователей революции и дают о себе знать, и требуют соответствующих сравнений. В отдельной статье можно, конечно, предпринять только некоторые фрагментарные опыты в этом направлении, что мы здесь и попытаемся сделать. Теперь в связи с проблематикой революции появляются новые варианты старых вопросов, не в последнюю очередь и в силу важных политических событий, произошедших в России и в мире.

И вновь полезным может оказаться опыт построения социологии революции, предпринятый П.А. Сорокиным также в условиях, далеких от академического спокойствия и беспристрастности. Тем более что, по мнению самого социолога, человек, лично переживший кошмар очередной смуты, современник революции, лучше других способен охарактеризовать это явление: «Не потомки, а современники исторических событий с их непосредственным опытом <...> являются лучшими знаками, наблюдателями и судьями» [24, с. 268].

¹ Поэтому в книге «Социология революции» можно отметить встречное движение «научного» и «практического» потоков сознания, приводящего к содержательному «завихрению» «концов и начал», смещению поиска потенциальных причин и актуальных результатов. Сорокин очень много описывает пережитые ужасы русской революции, обильно цитирует литературу по другим революционным катастрофам, указывая на причины развязывания инстинктов революционной толпы и пр.

Возможно, поэтому в осмыслении феномена революции у радетеля народной свободы Сорокина наблюдается определенный регресс по сравнению с аристократом А. де Токвилем, который революцию осмысливал, но отнюдь не разжигал (как «товарищ Иван»), и чье появление на свет от родителей, ожидавших казни на гильотине, было не меньшим чудом, нежели получение заграничного паспорта Сорокиным, при содействии его бывших революционных дружков.

Здесь из всего сорокинского наследия нам хочется более всего выделить именно «Голод как фактор», а также «Социологию революции» и сопутствующие ей «Листки из русского дневника». Недавно они весьма удачно были переизданы в одном из томов собрания сочинений П. Сорокина с подробными примечаниями и комментариями В.В. Сапова [24]. На это издание мы и ориентируемся в данной работе.

По нашей, конечно, весьма субъективной оценке, именно в «Социологии революции» Питириму Сорокину удалось достичь некой «золотой середины» между наивным позитивизмом ранних работ и последующими всеохватными абстракциями и генерализациями социокультурной динамики с ее культурными суперсистемами и выводами, доходящими «до пределов» (или же выходящих «за пределы» социальной теории, попытки создания моральной философии, переходящей в утопию). При всей субъективности такой оценки сорокинское наследие сорокинский анализ революции представляется полезным и актуальным в любом случае. Остается сожалеть, что достигнутое Сорокиным знание о революции, понимание и переживание ее остаются часто невостребованными в популярных сегодня концепциях этого феномена.

По мере сил мы бы хотели сравнить некоторые популярные концепции с сорокинской теорией, показав хотя бы кратко важность его наследия в сегодняшних спорах о фактах и артефактах революций, прошлого и современного этапов истории.

Опыт построения Питиримом Сорокиным социологии революции и обращения к исторической социологии – урок для развития общественной науки

Понимание непреходящей актуальности и проблематики социологии революции вообще и сорокинское наследие в частности присутствует в тематике нынешних научных исследований. «Нужно знать причины и специфику процесса, повлекшего за собой дестабилизацию всей системы. Для сегодняшней ситуации в России этот вопрос немаловажен, ведь кризис 80–90-х годов XX века обладал всеми отличительными чертами революции: он стал коренным переворотом в жизни общества, привел к ликвидации предшествующего общественно-политического строя и установлению новой власти. В связи с этим возникает необходимость анализа работ, конституирующих такое теоретическое направление, как «социология революции», справедливо отмечает современная исследовательница социологии революций О.С. Грязнова [4, с. 3].

И далее автор выделяет следующие базовые концептуальные установки социологии революции:

- в большинстве случаев в ней используется метод сравнительной истории;
- революция определяется как значительное социальное изменение, одновременно затрагивающее базовые институты общества, в своей кульминации характеризующееся массовой мобилизацией и открытой борьбой основных политически активных групп;
- революционный процесс рассматривается как последовательность событий, состоящая из нескольких взаимосвязанных компонентов (нагнетание социальной и политической напряженности, дисфункции институтов, активная революционная фаза, характеризующаяся политической борьбой и массовой политической ангажированностью, исход революции – террор);

➤ революционная ситуация имеет свои индикаторы, которые могут быть операционализированы (критические изменения в функционировании общественных институтов, работе механизмов социального контроля, системах коллективных представлений и поведенческих установок);

➤ причины революции в разных концепциях представляются в соответствии с методологическими ориентациями авторов:

- от угнетения базовых потребностей до структурных противоречий глобального масштаба,

- исход революции видится через восстановление и усиление институтов социального контроля, а следовательно через террор,

- выделение агентов революционного процесса зависит от теоретической оптики автора: от интеллектуалов и политических элит до крестьянства [4, с. 10].

Конечно, «социология революций важна сама по себе, но также она важна и как некая лаборатория для конструирования более изощренных методов отслеживания и объяснения контингентности. Революции – это скоротечные и запутанные события, однако лучшие работы о революции приносят в изучение социального изменения методологическую и концептуальную ясность» [11, с. 95].

Безусловно, изучение революций вносит немалый вклад в развитие социальной теории. Об этом хорошо написал Ш. Эйзенштадт: «Великие революции ... оказали воздействие также на развитие социологии. Дело не только в том, что современная социологическая мысль и методы анализа происходят от идеологических систем и интеллектуальных течений, тесно связанных с тем или иным революционным опытом, который сформировал современное общество, и что понимание современного общества с его революционным происхождением и опытом как уникального типа общества составляет основу современного социологического и политического анализа. Этот революционный опыт, воспринятый важнейшими идейными течениями современного общества, породил ряд основополагающих постулатов современной общественно-политической мысли вообще и социологического анализа в частности...» [29, с. 43].

В силу этого анализ феномена революции и конкретных исторических событий, связанных с революцией в России, предпринятый знаменитым социологом и участником той исторической драмы Питиримом Сорокиным, приобретает особую актуальность и продолжает пользоваться вниманием исследователей¹. Мы уже однажды обращались к разбору «Социологии революции» П.А. Сорокина, сравнивая тогда сорокинскую теорию революции с подходом Алексиса де Токвиля [27, с. 43] и задачами текущей политики [7].

Изучение революций вносит полезный вклад в историческую социологию и саму социологическую науку как таковую. Э. Лахман пишет: «Социология создавалась с целью объяснить феномен исторического изменения. Основатели социологии были убеждены, что время, в которое они живут, – это время социальной трансформации, не имеющей прецедентов в человеческой истории, и что для опи-

¹ Например, сама О.С. Грязнова в своей диссертации рассматривает концепцию П.А. Сорокина и очень близкого к нему во времени «Естественную историю революции» (1927) Л.П. Эдвардса, с тем, чтобы сравнить это с подходом Т. Скокпол (Скочкол), чья книга 1979 года, по господствующему мнению, ознаменовала собой новый этап в социологическом изучении феномена революций.

сания и анализа этого изменения, для объяснения его истоков и прояснения его следствий для человеческого существования нужна новая дисциплина» [11, с. 16].

Если не понимать этих изменений и не интересоваться ими, то не поймешь и социум, в котором ныне живешь, который стал возможным именно в результате этих самых революционных изменений. Э. Лахман утверждает, что объяснения с позиций исторической социологии должны:

- во-первых, различать несущественные повседневные действия человека и те редкие моменты, когда люди трансформировали социальную структуру;
- во-вторых, объяснять, почему трансформационные события случаются в некое конкретное время и в некоем конкретном месте, а не где-либо и когда-либо ещё;
- в-третьих, делать возможность наступления последующих событий [11, с. 29].

На поле исторической социологии социология и история тесно переплетаются, тем не менее условно между ними можно провести некоторую демаркацию. Историки «разделяют настойчивое убеждение, что фундаментальными принципами исторической вариативности являются время и место» [11, с. 24]. А для социологического анализа всё, что составляет отличительные черты каждого случая, вторично, по отношению к тому, что сходно... Цель социологов состоит в конструировании теорий, отвечающих как за сходства, так и за различные вариации [11, с. 27].

В свое время со сходных методологических позиций выступал и Сорокин, справедливо отмечая необходимость поиска именно социологией важных закономерностей революционного процесса. В начале «Социологии революции» П. Сорокин четко определяет специфику социологического подхода к изучаемому событию для своей книги: «Она представляет не идеографическое описание Русской революции, а попытку социологического анализа явлений, типичных для серьезных и глубоких революций вообще.

Историк заинтересован в точном описании данного исторического явления как такового, во всей его конкретной индивидуальности и неповторимой единичности. Задача социолога существенно иная; при изучении любой категории социальных явлений для него важны лишь те черты, которые являются общими для явлений этого типа, когда бы и где бы они не происходили» [24, с. 263]. И далее о своем методе социолог пишет так: «Я просто возьму и буду изучать ряд революций разных времен и народов... Это изучение покажет фактически основные черты того, что зовётся революцией» [24, с. 267].

В отличие от многих современных исследователей, акцент Сорокин делает на психологические и даже «биологические» стороны революционных процессов, когда в ходе их культурная оболочка «слетает» с человека как «общественного животного» и развязывает его самые дикие инстинкты. Социальная революция – это когда природа как бы берет вверх над культурой и социальностью: «Ущемленные» рефлексy начинают давить на другие, эти – на следующие, происходит взрыв и наступает «извержение вулкана». Кора социальных форм поведения лопается и разрывается, огонь биологических импульсов прорывается наружу...» [24, с. 277]. Но в выбранном им ракурсе русский автор блестяще проводит историко-социологические сравнения с привлечением обширного материала из революций прошлого. В качестве эмпирического материала Сорокин использовал документы и данные наблюдений. Объектами его исследований были русские революции XVII в., 1905, 1917–1923 гг., французские революции 1789, 1848, 1870–1871 гг., гер-

манская революция 1848 г., английская революция XVII в., а также египетская революция 2000–1600 гг. до н.э., греческие революции VII–II вв. до н.э., римские революции от Гракхов до Августа, итальянские революции XIII–XIV вв., персидская революция маздакистов, чешская революция XV в., нидерландская революция XVI в., революции в Индии XVII в. и венгерская революция 1918–1920 гг. [4, с. 14].

Для нас также очевидно, что опыт этих исторических экскурсов и широких хронополитических сравнений в дальнейшем послужил Сорокину в деле подготовки грандиозной «Социокультурной динамики». Тем не менее, и к сожалению, разработки Сорокина сегодня вспоминают не слишком часто и в объяснении революций господствуют иные теоретико-методологические подходы. Попробуем в этом разобраться.

Революционный пожар: факторы и причины – уроки (не)предсказания

Пожалуй, при обзоре подходов к революции в социологии П. Сорокина стоит вкратце указать на авторскую трактовку этих событий, чтобы была понятна теоретическая и политическая оптика, траектория рассмотрения такого классического труда, как «Социологии революции».

На наш взгляд, удовлетворительного для большинства подхода и общепризнанной теории революции, позволяющей объяснить события Семнадцатого года, сегодня нет. В нашей стране после падения социализма и разрушения коммунистической догмы единообразный взгляд на революцию (как на восстание наиболее передовых социальных сил ради установления справедливого общественного строя и строительства социализма во главе с коммунистической партией) также отсутствует, хотя его приверженцы сохранились во множестве и продолжают активно отстаивать свои палеонтологические политические взгляды. Несостоятельной также представляется трактовка революции как прежде всего результата деятельности революционеров, партий оппозиции старому порядку и «царскому режиму», в частности большевиков. Да, они присоединились к революционной стихии, возглавили ее и сумели удержаться на революционной волне и потом укротить её, но «сделали» революцию отнюдь не «коммунисты». Широко известно высказывание «вождя революции», относящееся к началу 1917 года, о том, что их поколению революции и социализма не видать. «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции», – говорил Ленин в январе 17 года, [12, с. 328], что примечательно в «Докладе о революции 1905 года». «Не ждали!»

Как уже упоминалось, ранее мы также сравнивали и даже противопоставляли подходы к революции Алексиса де Токвиля и П. Сорокина. Но вот по мнению известного историка революций В.П. Булдакова, они не противоположны и даже одинаково ограничены. Он пишет: «Попытки выработать универсальный взгляд на «анатомию революций» не прекращались со времен Великой французской революции и особенно интенсифицировались после «красной смуты». Всякий раз они оказывались европоцентричными (как в прогрессистской, так и консервативной их ипостасях) и безнадежно позитивистскими. Центр дискуссий имплицитно смещался к высказанному ещё Алексисом де Токвилем предположению, что жертвами революции становятся не нищающие низы, а, напротив, прогрессивные элементы старой системы – особенно те из них, которые оказались особенно активны в преодолении своей ущемленности. Мнение Питирима Сорокина о том, что политиче-

ским изменениям в обществе предшествуют психические изменения, практически ничего не меняло. Сложившиеся подходы тяготели к социологизирующей описательности, а с появлением теории тоталитаризма грозили выродиться в нравоучительные экскурсы во славу филистерского эволюционизма... Подобные «универсалистские» генерализации в лучшем случае становятся подспорьем сравнительного изучения цивилизаций, осуществляемого, впрочем, на всё том же, заведомо ограниченном языке греко-иудейской или атлантической цивилизации» [2, с. 647].

Однако мальтузианские ловушки – вещь универсальная, и разве не воспроизводятся они с трагическим постоянством в различных местах и эпохах? На наш взгляд, очень странно, как часто связь этих «ловушек» с феноменом «социализма» игнорируется или недооценивается исследователями. И, конечно же, сопутствующие «психические изменения» и «культурно-антропологические последствия» в этих процессах не заставляют себя ждать.

По нашему мнению, революция в России вполне поддается теоретическому осмыслению, но долгое время взгляд был направлен совершенно не на того автора. Революция в России, как и другие подобные события, произошла *не по Марксу, а по Мальтусу*. «Когда политическое неудовольствие присоединяется к воплям, вызванным голодом, когда революция производится народом из-за нужды и недостатка пропитания, то следует ожидать постоянных кровопролитий и насилий, которые могут быть остановлены лишь безусловным деспотизмом», – писал автор гениального «Опыта закона о народонаселении» [14, с. 93].

И сегодня, признаться, из предложенного ассортимента трактовок российской революции нам ближе всего подход историка С.Н. Нефедова, развивающего на различном историческом материале демографически-структурную теорию, дополняемую другими подходами. Уральский автор пишет: «Неумолимые законы мальтузианского цикла действовали помимо воли правителей министров и политических деятелей, сметая со своего пути тех, кто пытался сопротивляться... Судьба Николая Второго была предопределена глобальными факторами исторического процесса так же, как судьба Людовика Четырнадцатого и Карла Первого, и избежать судьбы было невозможно. В этом фатальном развитии событий не было ни правых, ни виноватых, и что бы ни говорили пассажиры автомобиля, управляемого «сумасшедшим шофером», никто из них не мог справиться с управлением. Дальнейшие события продемонстрировали это с предельной ясностью» [18, с. 13].

То есть эта, по сути, неомальтузианская трактовка говорит о революции как о стихийном взрыве (извержении «вулкана», используя сравнение Токвиля), который был обусловлен аграрным перенаселением и с которым руководство Российской империи справиться так и не смогло. Это привело к так называемому сжатию, когда миллионы людей, прежде всего крестьян, не могли найти своего места в неразвитой экономике и находились в постоянной готовности к бунту: «...хроническое недоедание 30 % крестьян является достаточной причиной для революции» [17, с. 521].

Ситуация усугубилась геополитическими трудностями и военным напряжением в годы Великой войны. Свою теорию С. Нефедов доказывает в книге «История России. Факторный анализ», где с цифрами в руках подводит читателя к тому факту, что, «к всеобщему удивлению, революция оказалась «неорганизованной» и чисто стихийной, «революцией без революционеров» [17, с. 572].

Россия так или иначе, раньше или позже все равно была обречена на революцию. Подход С. Нефедова представляется достаточно обоснованным, хотя и сильно отталкивает своим фатализмом. На наш взгляд, демографический перегрев и нехватка ресурсов являются важнейшей предпосылкой революции, фактором распада государства, но наряду с ними, конечно, есть и другие причины (разумеется, описываемые в ряде других теоретических подходов к революциям). Тем не менее с выведением на первый план именно демографического фактора мы склонны согласиться. Беспрецедентный рост численности населения в дореволюционной России, которое не могло найти себе достойного места ни в деревне, ни в городе, был основой для кровопролития в ходе гражданской войны, коллективизации, мировой войны, когда «лишние» люди уничтожались миллионами и десятками миллионов. Излишне говорить, какой колоссальный социальный, политический и культурный ущерб это нанесло России.

Но противоречит ли такое понимание революции тем результатам, к которым пришел П.А. Сорокин еще в разгар русской катастрофы? Никак нет. Обратимся к другому важнейшему тексту Сорокина – книге «Голод как фактор». Эта работа, написанная в постреволюционном Петрограде под влиянием страшного голода, частично и чудом сохранилась (набор рассыпали) и пока не оценена должным образом, хотя недавно и была перепечатана. Но на важное часто мало обращают внимание. Прожив несколько страшных лет в государстве РСФСР, которое поклонниками «Октября семнадцатого» характеризовалось как «первое в мире социалистическое государство», выживший социолог показал и доказал, что социалистический опыт был далеко не первым. Конечно, сорокинское понимание социализма было далеко от пропагандистских сказок о дороге к земному раю. Социализм в своей сущности – это огосударствление всего и вся, диктатура обожествляемых вождей, произвол разросшегося чиновничества. Откуда это берется? Причины в той же мальтузианской ловушке, когда огромному населению при неразвитых технологиях не хватает «хлеба». Эти дефициты и «ущемление пищевых рефлексов» резко усиливаются войной и последующей разрухой. Исследователь голода пишет: «следствием как войны, так и революции оказывается милитаризация, централизация и «военная коммунизация» общества, т. е. тот же принудительный этатизм». Последний и является по Сорокину «социализмом» – тем самым, по которому сегодня столь многие ностальгируют, забыв о миллионах жертв, а также про карточки, пайки, очереди, «колхозы», хронический дефицит и постоянные заботы о продовольственном обеспечении семьи. С подачи М.И. Ростовцева и других историков социолог считает, что подобие «социализма» (то есть принудительного этатизма) наблюдалось к концу истории Рима¹. Всё опекается, все регламентируется, все принудительно регулируется сверху.

¹ «на месте Римского государства возникает близкое к предельному принудительно-этатическое общество. Главнейшие проявления этого подъема принудительного коммунизма таковы:

1) Власть становится абсолютно неограниченной и деспотичной. Ее верховный носитель – божество. (...). 2) Полная централизация и всесторонняя опека населения и всей его деятельности.

3) Полная потеря свободы.

4) Государственное «плановое» хозяйство и уничтожение частной промышленности и торговли.

«Третий Рим» закончил примерно тем же. Конечно, не большевики все это придумали, но своей политикой они довели ситуацию до края, усиливая принудительный этатизм и мешая обществу выбраться из ситуации постоянной нехватки продовольствия, то есть восстановиться после катастрофы. Этого сделать так и не удалось. Сам П. Сорокин ошибался, предсказывая изменение ситуации и надеясь на падение коммунистов в связи со смертью Ленина, понимание массами антирусского характера режима и т. д.: «Смерть Ленина – не только безвозвратная потеря для советского правительства, но катастрофа, которая, объединившись с другими факторами, приведет к ниспровержению большевистского режима», – писал Сорокин, уже эмигрант в Америке, в своем яростном некрологе на смерть большевистского главаря [23].

В 1920-е годы была надежда, что с нэпом удастся смягчить диктатуру и вернуться к нормальной хозяйственной жизни, но история пошла другим путем и потребовала от России новых десятков миллионов жертв. П. Сорокин и другие, те, кто надеялся на восстановление страны на путях освобождения экономики, а не милитаристской диктатуры, недооценили именно антинародный, антирусский характер установившейся диктатуры. Социализм, возникший как реакция на недоедание населения, приняв дикторские формы, политически душил и уничтожал экономику (взять хотя бы трагическую судьбу русской деревни, которая в свое время поддержала революцию, как оказалось себе на погибель). То есть *принудительный этатизм* и его рецидивы – это путь к уничтожению России и «утилизации» ее народа. Милитаризацию всех сторон жизни и огромное количество «силовиков» также следует отнести к характерным чертам «принудительного этатизма», ведь именно в такой среде удобнее всего производить распределение пайков, укреплять не «торговое», а «военное» государство – с понятными последствиями для экономики. Поэтому совсем не случайно «голод как фактор» продолжал действовать на всем протяжении советского эксперимента, то усиливаясь, то немного ослабевая. Массовая гибель от голода в 1920–40-е годы сменилась постоянным дефицитом продовольствия, и его оказалось невозможно преодолеть до самого конца существования коммунистического режима в СССР. Рецидивы недоедания и новый рост «принудительного этатизма» существуют и сейчас, и отнюдь не под красным знаменем. Воистину, «нет у революции конца». Принудительный этатизм вновь и вновь провоцирует милитаризацию (и/или «секьютиризацию» общества). Реализация принципа «пушки вместо масла», в свою очередь, провоцирует «геополитическое напряжение», которое многие современные теоретики революций видят в качестве причины распада государства, то есть той же революции.

Несмотря на все радикальные рывки и эксперименты, отчаянные попытки преодолеть «голод как фактор» в виде «коллективизации», «целины», «продовольственной программы», «импортозамещения» и т. д., по-прежнему для значительной части соотечественников полноценное питание является недостижимой меч-

5) Фактическое уничтожение денежной системы.

6) Замена ее натуральными повинностями.

7) Система пайков для разных категорий населения.

8) Бесконечно возросшая армия чиновников.

Словом, все опекается, все регламентируется, все принудительно регулируется сверху» [22, с. 375].

Картина получается до боли знакомой

той [15]. Конечно, такое редуцирование сложных политических и культурных проблем к «наполнению желудка» выглядит очень «простым», но среди прочих причин «голод как фактор» нельзя сбрасывать со счетов.

Когда русские люди, жившие часто плохо, но сознающие, что надо самим искать решение своих проблем, превращаются в советских «социальных животных», выдрессированных «коммунистическим государством», и, привыкнув к «этатизму» и «патернализму», потом просто не могут решиться на риск самостоятельного и свободного от опеки госчиновников существования, то надеяться такому социуму не на что. Удастся ли сломать механизм (само)уничтожения российского общества, запущенного столетие назад, и перейти на трудную и проблемную дорогу творчества и развития – вот настоящий вопрос-вывод, вытекающий из сорокинской «социологии революции». Таким образом, многое из того, что Сорокин понял и раскрыл в самые опасные годы своей жизни, нам еще предстоит усвоить. И саму сорокинскую теорию революции, взятую во всестороннем многообразии ее аспектов, рано сбрасывать со счетов и полагать «устаревшей».

Да, конечно, революционные события также сопровождаются соответствующей «идеологией» (в широком смысле), о чем писал Ш. Эйзенштадт: «Центральное место в этом лидерстве приобрели особые культурные группы – религиозные или секулярные, – прежде всего интеллигенция и политические активисты, среди которых выделялись носители гностических представлений о построении Небесного Града или же какой-то его секулярной версии на Земле» [29, с. 31].

Но такого рода идеологии – от коммунизма до радикального исламизма – хорошо приспособлены для оправдания массовых убийств «лишнего населения» в социумах, попавших в «мальтузианскую ловушку».

Далее стоит указать собственно на теории революции. Наиболее удачным нам представляется определение революции, данное Джеком Голдстоуном: «Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [5, с. 15].

Мы бы также сказали, что *понимаем революцию, как разрушение прежнего государства (как аппарата управления и легитимного насилия), произведенного внутренними силами*. Да, революция – это, прежде всего, РАСПАД ГОСУДАРСТВА, что применительно к России красочно и ярко отражено в сорокинских «Листках из русского дневника».

Понимание революции как прежде всего «классовой борьбы», в марксистском духе, весьма сомнительно. Особенно смешно это выглядит, когда октябрьский переворот большевиков называют «пролетарской революцией». Однако и использование революционной энергии крестьянства, когда большевики оседлали стихию мужицкого бунта, с тем чтобы потом приступить к методическому уничтожению сельского населения – «лишнего и нелишнего») и попытки эсеров (партии, к которой принадлежал Сорокин) дать свободу большинству народа, и попытки осуществить «буржуазно-демократические преобразования», которые наш социолог на первых порах радостно приветствовал в своих газетных статьях, – все это окончилось провалом. Мартин Малия пишет: «Октябрь 1917 г. был одновременно и государственным переворотом, и социальной революцией. По содержанию он был ультрареволюционным: большевики отняли власть не только у буржуазии, но у общества как такового» [13, с. 316].

Что касается «классовой борьбы», которая, конечно же имеет место (при том что сама категория «класса» – это идеально-типическая конструкция, которая в одних случаях может подходить для анализа, а в других случаях лучше сконцентрироваться на иных противоречиях в социуме и пользоваться другими понятиями), но не классовая борьба сама по себе приводит к революции, а сочетание иных факторов. По мнению известного американского макросоциолога, в последние десятилетия старая парадигма революции как классового конфликта была разрушена, хотя остатки ее сохраняются в современном мышлении об идеологии примерно так же, как продолжает крутиться маховик, когда приводной вал уже сломан [10, с. 53]. По мнению самого американского макросоциолога, гораздо большее значение в крахе СССР (а ранее и Российской империи) сыграло геополитическое напряжение [9]. Государство с недостаточно развитой экономикой и неустойчивой социальной структурой ввязывается во внешнеполитические авантюры и, пытаясь решить непосильные задачи, надрывается. Сейчас, кажется, история повторяется уже в откровенно карикатурном виде.

Далее, как считает Р. Коллинз: «Благодаря сравнительным исследованиям подъемов и крушений государственных режимов Теда Скочпол, Джека Голдстоуна, Чарльза Тилли, Майкла Манна и других была сформулирована так называемая *теория революции как распада государства*. Ее центральное положение состоит в том, что успешная революция начинается сверху, а не снизу, со стороны недовольных и обнищавших масс. Основные составляющие этого процесса таковы. Во-первых, налоговый кризис государства: государство оказывается неспособным платить по своим счетам, а в итоге оплачивать свои службы безопасности, армию и полицию. Фискальный кризис государства ведет к летальным последствиям, если он сопровождается вторым компонентом – расколом в элите по поводу того, что делать. К этому можно добавить вторичные факторы, предшествующие основным двум и обычно (хотя и не всегда) включающие причины военного характера. Налоговый кризис государства часто становится следствием чрезмерных военных расходов, а элитный тупик особенно усугубляется военным поражением, которое лишает правительство легитимности и провоцирует призывы к решительным реформам. Раскол элит парализует государство и открывает путь новой коалиции с радикальными целями. Именно в этом вакууме власти – в том, что теоретики социальных движений теперь называют структурой политической возможности, – успешно мобилизуются социальные движения. Нередко они выступают во имя недовольных низов, но в общем случае эти радикальные движения возглавляются группами представителей высшего среднего класса, обладающими наилучшими социальными связями и организационными ресурсами. Как давно уже признал Токвиль [27], радикализм того или иного движения не соотносится со степенью обнищания масс, на самом деле то, что предопределяет степень радикализма, находится скорее в области идеологической и эмоциональной динамики возникающего конфликта, хотя теоретическое осмысление этого обстоятельства так и осталось незавершенным» [10, с. 48].

Несмотря на эту незавершенность, такой подход представляется сегодня наиболее полным и адекватным. Как же соотносятся с ним взгляды на революцию П.А. Сорокина?

Сорокин о революции – уроки анализа (на пересечении с другими теориями)

На первый взгляд, теория революции Сорокина серьезно отличается от современных структурных теорий, например Т. Скочпол или Д. Голдстоуна, которые ставят во главу угла геополитику, демографию и фискальный кризис в государстве, которое приходит к распаду в результате революции, к насильственному свержению прежней власти, для чего должны вызреть соответствующие противоречия.

Так, Д. Голдстоун пишет: «Когда совпадают пять условий (экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка), обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать, и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия. Теперь любое неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, и тогда произойдет революция» [5, с. 35].

«Однако выбивают общество из колеи, выводят его из состояния равновесия не структурные, а случайные причины. Их диапазон широк: от резкого скачка цен или вопиющего политического скандала до военного поражения и спонтанного начала массовых акций протеста. От использования неоправданных, с точки зрения общества, репрессий до ощущения национального унижения и морального негодования в связи с фальсификацией выборов» [21, с. 48].

И хотя сегодня «бихевиористская» трактовка причин революции выглядит явно недостаточной, но вместе с тем разбор опыта революций в первом очерке «Социологии революции» у Сорокина несравненно более интересен и многообразен, чем у того же Д. Голдстоуна. Последний об истории революций пишет столь схематично и концептивно, что это порой напоминает карикатуру. Однако вопрос о смещении фокуса с причин на механизмы революции заслуживает пристального внимания.

Заметим только, что, на чем бы ни делать упор в описании и анализе уже произошедших революционных (и иных) событий, актуальным остается вопрос об их возможном прогнозе.

Возможно ли научное предсказание революционных событий? Насколько можно руководствоваться здесь сорокинским практическим и научным опытом? Сорокин, как известно, в подходе к революции придерживался поведенческой трактовки: «Революция – это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны, их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок – с другой» [24, с. 268].

Но у революций есть такая особенность: задним числом они представляются совершенно неизбежными. Но в текущей реальности они всегда случаются неожиданно для современников. То есть чаще всего революционные события не были предугаданы. Сорокин эмоционально высказался на этот счет: «Кто может сказать, как широко разольется пожар революции? Кто вполне уверен в том, что если не сегодня, то завтра её ураган не снесёт и его дом? Ignoramus. Но зато мы можем знать, что она такое» [24, с. 263].

В подходе Сорокина объяснению революции невооруженным взглядом просматривается влияние подходов Павлова и Бехтерева, а также социальной и психологической науки того времени. Приведем пространную цитату из последнего, шестого очерка «Социологии революции», где обобщаются причины этого явления:

«Если *потребность питания* (или пищевые рефлексy) значительной части населения, в силу каких бы то ни было причин, ущемляются голодом – то налицо оказывается одна из причин волнений и революций.

Если *рефлексy индивидуального самосохранения* ущемляются произвольными казнями, массовыми убийствами или кровавой войной, то налицо другая причина смут и революций.

Если *рефлексy группового самосохранения* (членов семьи, близких, единоверцев, единопартийцев и т. п.) ущемляются оскорблением святынь этой группы, издевательством над ней, её членами, их арестами, ссылками казнями и т. д. – налицо третья причина мятежей и революций.

Если *потребность в жилище, одежде, тепле* и т. п. не удовлетворяется в минимальном размере, то перед нами еще одна порция горючего материала для пышного костра революции.

Если *рефлексy половые* вместе с их разновидностями – ревностью, желанием обладать любимым субъектом только самому – ущемляются у обширной группы членов: невозможностью их удовлетворения, изнасилованиями, развращением их жён и дочерей, принудительными браками или разводами и т. д. – налицо пятая причина революций.

Если *инстинкт собственности* у массы лиц «ущемляется» их бедностью, отсутствием всякой собственности при наличии огромных богатств у других лиц, налицо шестая причина революций.

Если *инстинкт самовыражения и собственного достоинства* (...) у массы лиц «ущемляется» оскорблениями, недооценкой, постоянным и несправедливым игнорированием их заслуг и достижений, с одной стороны, и завышенной оценкой менее достойных лиц – с другой, то налицо ещё одна причина революций.

Если у многих членов общества их *инстинкты драчливости, борьбы и конкуренции, творческой работы, разнообразия и приключений* и «*рефлексy свободы*» (в смысле свободы действий и слов или беспрепятственного проявления своих прирожденных склонностей) ущемляются чересчур мирным состоянием, однообразной и монотонной средой, работой, которая не волнует ни ум, ни сердце, бесконечными преградами, мешающими передвигаться, говорить, думать и делать что нравится, то налицо еще целый ряд условий, благоприятствующих революции, налицо еще несколько групп, которые встретят её возгласами «Осанна!»

Этот перечень не исчерпывающий; он только указывает основные рубрики инстинктов, из-за ущемления которых происходит катастрофический взрыв революций, и – вместе с тем – те социальные группы «ущемленных», руками которых старый порядок будет низвергнут, и стяг революции водружён» [24, с. 513–514].

Следуя этому перечню, довольно легко связать его с событиями той или иной революции. Но также легко найти эти признаки и в событиях эпох, которые ни к каким революциям не привели.

Отличие «Социологии революции» от господствующих ныне в макросоциологии теорий революции – не только в методологии, обусловленной развитием науки конца XIX – первой четверти XX века, увлечении Сорокиным психологическими и биологическими подходами, что оборачивалось подчас «махровым бихевиоризмом» и т. д. Главное – это сосредоточенность Сорокина на протекании самого революционного процесса. Подробное и остроумное описание им ... «рефлек-

сов», до предела разрушающихся в революционные эпохи, а потом восстанавливающихся при помощи драконовских мер при возвращении общества в «норму». Однако люди большую часть истории жили очень плохо, и «подавление базовых инстинктов» к революции ведет отнюдь не всегда. Конечно, сегодня такое преимущественно бихевиористское объяснение революций удовлетворять уже не может.

Но сами по себе нищета и тяжелые условия жизни со всеми «ущемлениями базовых рефлексов» не ведут к революции. «Чтобы создать социальное движение или разжечь революцию, обнищания недостаточно» [11, с. 60]. Но почему вдруг эти базовые инстинкты нарушились, а страсти погромной толпы оказались развязанными? Каково было состояние государств(а), ставшего жертвой революционного хаоса и понесшего страшные демографические, экономические, культурные и моральные потери?

В отличие от Сорокина, популярные ныне теории революции обращают большее внимание на причины кризиса и распада государств, оборачивающихся революционным хаосом. Хотя, конечно, П. Сорокин и сам писал об этом: «огромный процент революций наступает в итоге или во время неудачной войны» [24, с. 560]. Это он связывал с «ущемлением инстинкта самосохранения».

Сейчас доминируют концепция фискального кризиса у Т. Скорчол и гипотеза геополитического напряжения у Д. Голдстоуна и рассмотрение истощения доминирующего ресурса, которым пользовались элиты для поддержания своей власти у Ч. Тилли и т. д. Питирим Сорокин же больше пишет о «выродившейся аристократии», о верхах, которые не сумели вовремя произвести необходимые реформы: «Для революции нужно не только ущемление инстинктов, но и наличие недостаточно сильного и умелого торможения со стороны власти и командующих слоев» [24, с. 578]. В дальнейшем Сорокин будет развивать теорию социальной мобильности и неоднократно использует эту идею.

Созданные теории стратификации и мобильности позволили объяснить революцию как период, в ходе которого общества с низким индексом мобильности (закрытые общества) осуществляют необходимую перестройку, которую открытые общества с высоким уровнем мобильности реализуют эволюционно [1, с. 35]. С точки зрения П. Сорокина, революция является следствием количественных и качественных форм запаздывания социальной мобильности¹.

Если «непригодные индивиды смещаются со своих мест несвоевременно и не в полном составе», это приводит к тому, что во всех «слоях их будет накапливаться все больше и больше. В результате социальные функции всех слоев начинают вы-

¹ Ослабление групп социального контроля Сорокин считает следствием общей деградации власти, порождаемой как социальными, так и биологическими причинами. Блокировка каналов социальной мобильности и ее медленный характер приводят к практике наследования статусов и власти, что в свою очередь влечет за собой деградацию как способностей, так и биологических качеств. Помимо этого происходит атрофия силы и воли элиты ввиду доминирования умственного труда над физическим, следствием чего является неспособность к решительным действиям.

Из анализа причин революции логично следует рассмотрение и объяснение ее исходов. С одной стороны, объясняется, почему власть становится неспособной сдерживать растущее социальное напряжение, с другой – почему фракция интеллектуалов-реформаторов из числа оппозиции после смещения старой власти становится неэффективной, и с третьей – почему ключевые позиции в новой социальной иерархии занимают не интеллектуалы, а решительные, тоталитарно ориентированные «фанатики» или «военные вожди» [4, с. 16–17].

полняться плохо. Вследствие этого происходит дезинтеграция всей жизни общества. Члены такого общества начинают страдать. Страдание порождает все большее и большее недовольство. Если подобная ситуация сохраняется, то происходит либо медленное разложение общества, либо революционный взрыв» [26, с. 339].

Однако и теория мобильности П. Сорокина сегодня тоже будет нуждаться в уточнении. Коллинз отмечает: «Общая модель подъема и падения классов была относительно автономна от экономической основы, но сохраняла ее структурные свойства. В американской социологии со времени Питирима Сорокина, т. е. с 1920-х гг., акцент сместился на индивидуальную мобильность. Революции связывались с прорывом препятствий для социальной мобильности индивидов, продвигающихся наверх благодаря своим талантам и амбициям, тогда как открытые каналы мобильности в соответствии с достоинствами считались своего рода предохранительным клапаном, ослабляющим давление и устраняющим условия возникновения революций. Изучение социальной мобильности (позже названной «достижением статуса», или «статусным продвижением», – status attainment), игравшее главную роль в социологических исследованиях вплоть до 1960-х гг., было в значительной степени результатом принятия базовой модели о том, что блокирование «поднимающихся социальных классов» приводит к революциям, а также результатом предпочтения пошаговых, постепенных реформ, которые, как считалось, и способствуют мобильности» [8, с. 52].

И далее у Р. Коллинза: «Голдстоун далее показывает, что прежняя теория «скороварки» – блокирования мобильности – неверна, поскольку именно в периоды высокой социальной мобильности внутриэлитный конфликт достигает крайних степеней <...> При всем этом демографическую модель Голдстоуна и модель геополитического напряжения отнюдь не обязательно считать противоречащими друг другу. Как подчеркивает сам Голдстоун, ключевым фактором распада является напряженное структурное отношение между государственными обязательствами и государственными ресурсами, а не сам рост населения. Обозначение модели Голдстоуна как простого неомальтузианства было бы карикатурой на нее» [8, с. 56–58].

Конечно, нельзя эти современные и популярные теории путать с давними сорокинскими построениями. Нельзя, скажем, согласиться с утверждением, что «более поздние теории революции, созданные, например, Теодой Скокпол, Джеком Голдстоуном, Чарльзом Тилли, лишь повторяют и закрепляют достижения русской мысли, вынесенные из трагического опыта двух революций 1905–1907 и 1917–1921 годов» [1, с. 38].

Это интеллектуальные продукты разных «поколений». И после 20-х годов прошлого века много воды утекло, и в социальной науке относительно изучения революции было сделано очень много. По понятным причинам громче всех заявляли о себе различные варианты марксистского подхода, но не только. Сама Теда Скокпол в своей знаменитой книге выделяет помимо марксистских еще три теоретических подхода: «Три других группы теорий революции сформировались значительно позже, чем марксизм... Каковы бы ни были намерения их авторов, данные теории были призваны объяснить революции как особые явления либо как часть более широкого круга явлений. Большинство этих новых теорий может быть идентифицировано с одним из трех основных подходов: психологические теории

стремятся объяснить революции с точки зрения психологической мотивации людей на участие в политическом насилии или оппозиционных движениях; системные теории пытаются объяснить революции как насильственный ответ идеологических движений на резкое нарушение равновесия в социальных системах; теории политического конфликта утверждают, что конфликт между правительствами и стремящимися к власти организованными группами должен занять центральное место в объяснении коллективного насилия и революций. Важнейшими работами в рамках каждого из этих подходов являются следующие: «Почему люди восстают» Т. Гурра (психологическое направление) (1), «Революционные изменения» Ч. Джонсона (системная теория) (2) и «От мобилизации к революции» Ч. Тилли (теория политического конфликта) [30, р. 9].

Анализ, который предприняла сама Скочпол, отличается от этих подходов тем, что он носит «неволютаристский характер», уделяет значительное внимание международному (геополитическому) контексту произошедших революций, не замыкаясь только на внутренних факторах, а также рассматривает государства как организации, потенциально независимые от социально-экономических интересов и структур, хотя и обусловленных последними. Надо также напомнить, что в развитии структурного подхода к революциям наблюдается завидная преемственность между Б. Муром [16], Т. Скочпол и Д. Голдстоуном, когда исследователи развивали и дополняли теорию своего учителя.

Как видим, социальная теория в изучении революций пошла иным путем, нежели предполагал Сорокин. Сам русско-американский социолог после работ 1920-х годов обратился, как известно, к построению теории социокультурной динамики, в рамках которой войны, революции и кризис нашего времени рассматривались как выражение кризиса так называемой чувственной суперсистемы [25]. Проблематика социальных революций, таким образом, ставилась в гораздо более широкий контекст. Но все же, на наш взгляд, между различными теориями революции и подходами к ее изучению нет непримиримого противоречия, и они могут дополнять друг друга. Разве геополитическое напряжение (вследствие военного конфликта или в ходе гонки вооружений) не может приводить к фискальному кризису и экономическому напряжению, с которым правительство не может справиться? И тогда, в силу «ущемления базовых рефлексов», открывается путь к революции как к распаду государства. Далее, к примеру, по нашему мнению, сорокинская, преимущественно бихевиористская, теория революции ближе всего к широко известной работе Т.Р. Гарра «Почему люди бунтуют», выражающей психологическое направление в теории революций. Однако какой-то единой теории революции нет и, мы уверены, быть просто не может.

Противоречия и дилеммы в изучении революций – это неизбежность [19], однако сорокинский анализ революционного феномена, особенно с учетом последующих разработок, позволяет осуществить выход на *многие* теории революции – и в этом его достоинство, а не недостаток.

Но мы согласны с петербургскими авторами в том, что «русской концепции революции не уделяется должное внимание, но восстания на Ближнем Востоке и обострение политической борьбы в ходе избирательных кампаний 2011–2012 годов в России приводят к мысли, что она снова может понадобиться аналитикам уже в ближайшем будущем [1, с. 38–39].

Да, такая необходимость существует особенно в связи с актуальными и опасными тенденциями в мире современной политики и видимой уже невооруженным взглядом тенденции затягивания России в воронку нового сильнейшего кризиса. Проблема, однако, в том, что принять эстафету от того же П. Сорокина сейчас нам очень непросто. Русскую теорию революции просто некому было развивать в советских условиях при безраздельном господстве репрессивного марксистско-ленинского «талмудизма». В итоге для того, чтобы приблизиться к адекватной теоретической рефлексии по поводу своей собственной трагической истории, надо не только осваивать мировые (западные) научные достижения, но и обращаться к своим собственным истокам. И здесь теория социологии революции П.А. Сорокина может еще оказать большую помощь.

Литература

1. Асочаков Ю.В., Иванов Д.В., Ломоносова М.В. Питирим Сорокин как «зеркало» трех русских революций (по материалам круглого стола 13.11.2015) // Наследие. 2016. № 1(8). С. 32–39.
2. Булдаков В.П. Красная Смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2010. 967 с.
3. Булдаков В.П. Кризисный ритм российской истории: к культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. 2015. № 2. С. 18–52.
4. Грязнова О.С. Теоретические подходы в социологии революции: сравнительный анализ концепций П. Сорокина, Л. Эдвардса и Т. Скокпол: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 28 с.
5. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
6. Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие. Как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию / пер. с англ. Ю. Каптуревского. М.: Изд-во института Гайдара, 2014. 504 с.
7. Ковалев В.А. Русская «Смута» как предмет «Социологии революции П.А. Сорокина: воспоминания о будущем? // Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии: сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 168–192.
8. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности: пер. с англ. / послесл. Н.С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
9. Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Альманах. Вып. 1. Новосибирск, 2000. С. 234–278.
10. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики // Политическая концептология. 2010. № 1. С. 35–50.
11. Лахман Э. Что такое историческая социология? / пер. с англ. М.Н. Дондуковского; под науч. ред. А.А. Смирнова. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. 240 с.
12. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. 30.
13. Маля М. Локомотивы истории: революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.
14. Мальтус Т. Опыт закона о народонаселении. М.: Изд-е М.Н. Прокоповича, 1908. 180 с.
15. Миронова А. Если вы тратите на еду меньше 10 тысяч в месяц, то недоедаете // Газета.ру, 16 февр. 2017. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/10527365.shtml>
16. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: ИД ГУ–ВШЭ, 2016. 780 с.
17. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. 2. М.: Территория будущего, 2011. 688 с.

18. Нефедов С. А. Реабилитация Николая II – Rehabilitating Nicholas II // Былые годы. 2013. № 4. С. 5–19. URL: https://www.academia.edu/6079255/Нефедов_С_А_Реабилитация_Николая_II_-_Rehabilitating_Nicholas_II_Былые_годы_2013_4_С_5-19
19. Никифоров А.А. Революция как объект теоретического осмысления: достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. 2007. № 5. С. 92–104.
20. Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления // Политическая концептология. Ростов н/Д., 2015. № 2. С. 53–96.
21. Соловей В. Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М.: Эксмо, 2016. 250 с.
22. Сорокин П.А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. 496 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений).
23. Сорокин П. Ленин. Фанатик и антисоциальный экстремист // Новое время. 20 января 2002 г. №37. URL: http://krotov.info/libr_min/18_s/or/okin_13.htm
24. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В.Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений).
25. Сорокин П. Кризис нашего времени // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Республика. 1992. С. 427–504.
26. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia; LVS, 2005. 588 с.
27. Токвиль Алексис де. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
28. Шафаревич И.П. Социализм // Из-под глыб: сб. статей. М.; Париж: YMKA-PRESS, 1974. <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/02.html>
29. Эйзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизации / пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С.Ерасова. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.
30. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. – Cambridge University Press, 1979. 407 p.

References

1. Asochakov YU.V., Ivanov D.V., Lomonosova M.V. Pitirim Sorokin kak «zerkalo» trekh russkikh revolyucij (po materialam kruglogo stola 13.11.2015) // Nasledie, 2016, №1(8). S. 32–39.
2. Buldakov V.P. Krasnaya Smuta: Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. Izd. 2-e, dop. M.: ROSSPEHN, 2010. 967 s.
3. Buldakov V.P. Krizisnyj ritm rossijskoj istorii: k kul'turno-antropologicheskomu pere-smysleniyu // Politicheskaya konceptologiya. 2015. № 2. S. 18–52.
4. Gryaznova O.S. Teoreticheskie podhody v sociologii revolyucii: sravnitel'nyj analiz koncepcij P.Sorokina, L.EHdvardsa i T.Skokpol: avtoreferat diss. kandidata sociologicheskikh nauk. M., 2009. 28 s.
5. Goldstoun D. Revolyucii. Ochen' kratkoe vvedenie /per s angl. A.YAkovleva. M.: Iz-vo Instituta Gajdara, 2015. 192 s.
6. Dreksler EH. Vseobshchee blagodenstvie. Kak nanotekhnologicheskaya revolyuciya izmenit civilizaciyu /per. s angl. YU.Kapturevskogo. M.: Iz-vo instituta Gajdara, 2014. 504 s.
7. Kovalev V.A. Russkaya «Smuta» kak predmet «Sociologii revolyucii P.A.Sorokina: vospominaniya o budushchem? // Pitirim Sorokin: novye materialy k nauchnoj biografii. Sb nauchnyh trudov. M.:INION RAN. 2012. S. 168–192.
8. Kollinz R. Makroistoriya: Ocherki sociologii bol'shoj dlitel'nosti. Per. s angl. / Poslesl. H.S. Rozova. M.: URSS: LENAND, 2015. 504 s.
9. Kollinz R. Predskazaniya v makrosociologii: sluchaj sovetskogo kollapsa // Vremya mira. Al'manah, vyp. 1, Novosibirsk, 2000. S. 234–278.
10. Kollinz R. Tekhnologicheskoe zameshchenie i krizisy kapitalizma: vyhody i tupiki // Politicheskaya konceptologiya. 2010. № 1. S. 35–50.

11. Lahman EH. CHto takoe istoricheskaya sociologiya? / per s angl. M.N. Dondukovskogo; pod nauch.red. A.A.Smirnova. M.: ID «Delo» RANHiGS, 2016. 240 s.
12. Lenin V.I. Doklad o revolyucii 1905 goda // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1973. T. 30
13. Maliya M. Lokomotivy istorii: Revolyucii i stanovlenie sovremennogo mira. M.: ROSSPEHN, 2015. 405 s.
14. Mal'tus T. Opyt zakona o narodonaselenii. M.: Izd-e M.N. Prokopovicha, 1908. 180 s.
15. Mironova A. Esli vy tratite na edu men'she 10 tysyach v mesyach, to ne doedaete // Gazeta.ru, 16 fevr. 2017. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/10527365.shtml>
16. Mur-mladshij B. Social'nye istoki diktatury i demokratii. Rol' pomeschchika i krest'yanina v sozdanii sovremennogo mira. M.: ID GU-VSHEH, 2016. 780 s.
17. Nefedov S.A. Istoriya Rossii. Faktornyj analiz. T. 2. M.: Territoriya budushchego. 2011. 688 s.
18. Nefedov S. A. Reabilitaciya Nikolaya II – Rehabilitating Nicholas II // Bylye gody. 2013. № 4. S. 5–19. URL: https://www.academia.edu/6079255/Nefedov_S._A._Reabilitaciya_Nikolaya_II_-_Rehabilitating_Nicholas_II_Bylye_gody_2013_4_S.5-19
19. Nikiforov A.A. Revolyuciya kak ob»ekt teoreticheskogo osmysleniya: dostizheniya i dilemmy subdiscipliny // Polis. 2007. № 5. S. 92–104.
20. Pivovarov YU.S. O «sovetskom» i putyah ego preodoleniya // Politicheskaya konceptologiya. Rostov-na-Donu, 2015. № 2. S. 53–96.
21. Solovej V. Revolyution! Osnovy revolyucionnoj bor'by v sovremennuyu ehpochu. M.: EHksmo, 2016. 250 s.
22. Sorokin P.A. Golod kak faktor Golod kak faktor: Vliyanie goloda na povedenie lyudej, social'nuyu organizaciyu i obshchestvennuyu zhizn' / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2014. 496 s. (Pitirim Sorokin. Sobranie sochinenij).
23. Sorokin P. Lenin. Fanatik i antisocial'nyj ehkstremist // Novoe vremya, 20 yanvarya 2002 g. № 37. URL: http://krotov.info/libr_min/18_s/or/okin_13.htm
24. Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologiya revolyucii /Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2015. 848 s. (Pitirim Sorokin. Sobranie sochinenij).
25. Sorokin P. Krizis nashego vremeni // Sorokin P. CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. M.: Respublika. 1992. S. 427–504.
26. Sorokin P.A. Social'naya mobil'nost'. M.: Academia; LVS, 2005. 588 s.
27. Tokvil' Aleksis de. Staryj poryadok i revolyuciya. SPb: Aletejya, 2008. 248 s.
28. SHafarevich I.R. Socializm // Iz-pod glyb. Sb statej. M-Parizh. YMKA-PRESS, 1974. <http://www.vehi.net/samizdat/izpodglyb/02.html>S.
29. EHjzenshtadt SH. Revolyucii i preobrazovaniya obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizaciy / per. s angl. A.V.Gordona pod red. B.S. Erasova. M.: Aspekt-Press, 1999. 416 s.
30. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.

Штрихи к анатомии русской революции: культурный сдвиг начала XX века

Русская революция 1917 г. стала закономерным следствием разложения старого порядка. Однако ни одно правительство не падает, если нет, с одной стороны, тех, кто в состоянии его сильно толкнуть, а с другой – тех, кто лишился мотивации и решимости его защищать. Среди множества процессов, из которых состояло разложение старого порядка, я рассматриваю в этой статье лишь одну, важность которой в общей иерархии причин определять не берусь. Не сомневаюсь лишь в том, что она занимает видное место.

Суть ее – в изменении экзистенциального кода личности: тип обывателя, целиком погруженного в повседневность мирного выживания, постепенно был оттеснен на задний план самоотверженно пассионарным типом, одухотворенным идеальными целями. Эта трансформация личности протекала в контексте глубокого культурного сдвига, который можно описывать в терминах перехода от чувственной культуры, где главным элементом был обыватель, к культуре идеациональной, главным героем которой стал пассионарий, мотивируемый не логикой повседневной борьбы с материальными проблемами и погоней за чувственными удовольствиями, а идеальными целями.

Ключевые слова: обыватель, пассионарий, чувственная и идеациональная культуры, революция, типология пассионарностей.

V.I. Ilyin (St.-Petersburg). Essay on Anatomy of Russian Revolution: Cultural Shift in the beginning of the XX century

The Russian Revolution of 1917 became a natural consequence of the disintegration of the old order. Among the multitude of processes of the old order was decomposition, I considered only one thing, occupying a very prominent place. The essence of it is in changing the existential personality code: the type of the philistine, completely immersed in the daily life of peaceful survival, is gradually pushed into the background by selflessly passionate type, inspired by ideal goals. This transformation of personality proceeded in the context of a profound cultural shift that can describe in terms of the transition from the sensate culture to ideational culture (P. Sorokin).

Keywords: passionarity, middlebrow, sensate and ideational cultures, revolution, personality.

Для цитирования: Ильин В.И. Штрихи к анатомии русской революции: культурный сдвиг начала XX века // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 77–84.

For citation: V.I. Ilyin. Essay on Anatomy of Russian Revolution: Cultural Shift in the beginning of the XX century // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 77–84.

От культуры чувственной к культуре идеациональной

Питирим Сорокин [10, с. 45] выделял два глубоко различных типа культуры. Каждый из них обладает специфической ментальностью, системой истины и зна-

ния, имеет собственную философию и мировоззрение, особый тип религии и образцы «святости», специфические представления о правильном и неправильном, особые формы искусства и литературы, правила поведения и «специфический тип человеческой личности с особым складом ума и манерами поведения». Одну культуру он назвал идеациональной, другую – чувственной.

Разумеется, признавал он, что в чистом виде эти культуры не существовали. Они различаются мерой концентрации в них элементов каждого типа. Одни культуры ближе к одному типу, другие к другому, а третьи представляют собой их сбалансированный синтез.

Чувственная культура. Как писал П. Сорокин [10, с. 49], ментальность, присущая такой культуре, доверяет только органам чувств. Это культура, организованная вокруг удовлетворения чувственных (материальных) потребностей. Классическими примерами такой культуры является буржуазная культура на разных фазах своей истории – будь то мещанская эпохи Бальзака или Островского или консюмеризм общества потребления. Можно ли отнести культуру России (не элиты, а именно страны) к этому типу? Реконструкция культуры масс (особенно в малограмотной стране) всегда представляет серьезную проблему. Если судить по художественной литературе XIX – начала XX в., большинство населения было почти целиком поглощено проблемами материального выживания и/или погоней за чувственными удовольствиями. И помещик, и купец, и крестьянин были органично интегрированы в эту вечную гонку по кругу.

Правда, если судить по числу церквей, то страна в начале XX в. была предельно набожной. Однако не народ строил церкви, а за ритуалом посещения воскресных служб отнюдь не обязательно стояла вера. Аналогичным образом в последние годы советской истории почти всей райцентры СССР были украшены Домами политического просвещения, а в каждой деревне был «красный уголок».

Идеациональная культура. Для этой культуры характерно доминирование духовных потребностей, а «способом их удовлетворения или реализации является добровольная минимизация большинства физических потребностей» [10, с. 48].

В России в начале XX в. все заметнее происходил сдвиг ко второму типу культуры, который мог часто скрываться за совершенно материалистическим дискурсом. Например, все революционеры постоянно говорили о страданиях народа и его благе как своей высшей цели. Однако часто это был лишь риторический прием пропаганды и агитации. Это хорошо видно в том, с каким гневом В. Ленин обрушивался на разного рода «оппортунистов», которые тратили все свои силы на борьбу за улучшение материального положения рабочих и крестьян здесь и сейчас. Он называл это тред-юнионистским сознанием, которое противопоставлял социал-демократическому. Последнее было нацелено не на вопросы заработной платы и условий труда, а на борьбу за светлое будущее – социализм.

От обывателя к пассионарию

Исторически продолжительная социальная стабильность Российской империи, судя по всему, во многом опиралась на статистическое преобладание личности обывателя, представленного типами крестьянина, помещика и мещанина. Они принадлежали к разным сословиям, что не мешало им быть очень схожими в своем отношении к миру. Жизненный мир обывателя укоренен в экзистенциальных

проблемах материалистической повседневности: посев – уборка, роды – смерть от старости или по болезни, несчастная любовь – свадьба, строительство дома – пожар и т. д. Разумеется, пассионарные идеалисты (поэты, философы, священники, политики, полководцы и революционеры) существовали всегда, но они были не в состоянии оказать заметное влияние на циклический, заторможенный темп русской жизни. Это их печалило, вгоняло то в идеалистический порыв реформаторов и народников, то в тоску.

Если говорить в терминах П. Сорокина, это тип личности, свойственный чувственной культуре. Люди, относящиеся к этому типу, понимают под реальностью только то, что может быть воспринято через те или иные органы чувств. «Они не видят ничего за пределами бытия чувственно воспринимаемой окружающей среды», они «стараятся приспособиться к условиям, которые открываются органам чувств» [10, с. 46].

К началу XX в. стремление разбудить Россию стало все заметнее проявляться со стороны идеалистов самого разного толка. Вдруг оказалось, что потуги, которые всегда проваливались, стали давать плоды. Пассионарии разных цветов и оттенков из маргиналов начали превращаться в героев своего времени. Пассионарность, как писал Л. Гумилев, «это характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников» [4, с. 293–294]. Как верно отмечает К.Г. Фрумкин, «пассионарность, по мысли Гумилева, является источником мотивации, прямо противоположным по своему направлению инстинкту самосохранения, это своего рода «антиинстинкт»» [13, с. 11].

Пассионарии отнюдь не обязательно выделяются умом и выступают в качестве лидеров. Они могут быть любого интеллектуального уровня, они могут быть вождями и людьми из толпы. Иначе говоря, индивидуально-личностные поля пассионариев могут очень сильно различаться.

П. Сорокин этот тип личности относил к идеациональной культуре. Для людей этого типа реальность лишь видимость и иллюзия. Истинная реальность для них – это «нечто потустороннее, скрытое за видимостью, отличное от чувственного и материального покрывала, которое скрывает ее» [10, с. 46]. Они не стараются приспособиться к существующей реальности, они ориентируются на другую невидимую реальность, которая может называться ими совершенно по-разному.

Имперская пассионарность

Идеалистические идеалы имперского строительства через закрепление и расширение существующих границ, наращивания величия и мощи державы в XX в. власть начала активно насаждать в массах, вырывая из обывательского мира. В 1874 г. на смену рекрутскому набору пришла всеобщая воинская повинность, благодаря которой огромное количество молодых мужчин вырывались из традиционного быта в казармы с перспективой делать мировую историю. В XX в. эта масса населения оказалась в составе воюющей армии (сначала русско-японская война 1904–1905 гг., ставшая первой массовой войной, потом – еще более масштабной – Первой мировой), где коренным образом менялся экзистенциальный код: человек,

поднимаемый в атаку, принуждается к размышлениям о смысле жизни и смерти. И, чтобы не сойти с ума от страха, он должен их девальвировать до уровня рутинного вопроса. Если не принять наличие цели, стоящей выше личной жизни, то только страх перед трибуналом может удерживать от дезертирства.

К середине 1905 г. численность армий на Маньчжурском театре военных действий без учета тыловых частей – 788 тыс. чел., а всего на Дальний Восток было отобилизовано 0,55 % от населения в 140 млн чел. [6]. Примеры массового героизма солдат русской армии свидетельствовали о том, что геополитические амбиции правительства в Восточной Азии успешно ломали обывательский экзистенциальный код.

В Первую мировую войну в армию было призвано уже 15,8 млн чел. (8,7 % всего населения); потери от разных причин составили 2254 тыс. чел. [9]. Таким образом, наиболее активная часть населения пришла к 1917 г., испытав радикальный экзистенциальный личностный переворот: смерть во имя целей, никак не связанных с логикой нормальной жизни, для нее превратилась в рутину. Царское правительство, превратив миллионы обывателей в воинов империи, само подготовило своих могильщиков.

Вместо ценности жизни – своей и своей семьи – в условиях войн была сформирована цепочка «возвышенных» ценностей – Вера, Царь и Отечество. В условиях боя они превращаются из абстрактных деклараций мирного времени в серию рутинных экзистенциальных выборов: пойти в атаку на пулеметы или постараться выжить, заколоть «врага» штыком или пощадить. У идеального типа воина система потребностей Маслоу оказывается перевернутой: жизнь ничто, победа все!

Подмена Веры, Царя и Отечества революцией, социализмом и свободой оказалась делом несложной техники. Самая трудная работа превращения крестьянина в пассионарного воина была проделана старым режимом. Революционерам осталось лишь убедить его сменить лозунги. Между готовностью убивать и умирать за контроль над Маньчжурией или Босфором и такой же готовностью жертвовать во имя мировой революции экзистенциальной разницы нет. Пассионарный тип личности стал доминирующим.

Революционно-реформаторская пассионарность

Личностная трансформация начала XX в. шла в контексте времени, которое представляло собой питательную духовную среду для отказа от становящегося немодным обывательского мировоззрения к революционному романтизму. Этот дух формировался, с одной стороны, явным кризисом самодержавия, которое на общеевропейском фоне все растущим числом подданных империи рассматривалось как анахронизм. Поражение в войне с Японией дало веский аргумент сторонникам такой точки зрения. С другой стороны, в стране сформировалась интеллигенция вполне европейского уровня, которая тяготилась общественно-политической атмосферой, казавшейся душной. В конечном счете нарастание недовольства населения, подписывавшего дух революционного романтизма, в контексте кризиса режима обернулось революцией 1905–1906 гг. После ее поражения процесс культурной трансформации приобрел необратимый характер.

П. Сорокин так охарактеризовал послереволюционную ситуацию в стране: «Вся культурная, общественная и политическая жизнь страны находилась в состо-

янии сильного возбуждения, это проявлялось в возникновении и расцвете новых направлений в искусстве, в напряженной «пульсации» философской, социальной и гуманистической мысли, в распространении самых разных политических течений, как легальных, так и нелегальных» [11, с. 61–62]. В контексте такого духа времени происходила в массовом масштабе личностная трансформация в среде не только интеллигенции, но и многих иных групп населения. В больших городах фигура обывателя становилась уже немодной. Наиболее активные и энергичные люди стремились к самоопределению в духовной сфере, в том числе и в идеологии. Поскольку самодержавие явно не вписывалось в наступающую новую эпоху, то наибольшую привлекательность приобретало критическое и враждебное к нему отношение, замешанное на духе революционной романтики.

Максим Горький в самом начале этого процесса поставил образный диагноз надвигающейся экзистенциальной ломки, противопоставив буревестника, жаждущего бури, чайкам, гагарам и пингвинам, не понимающим прелести стихийного бедствия («Песня о буревестнике», 1901 г.) [3]. Это произведение оказало сильное впечатление на широкую общественность: свидетельство того, что Горький поймал дух времени. Он же очертил контуры и одного из вариантов пассионарного типа в образе Данко («Старуха Изергиль», 1895 г.) [2], гибнущего во имя высокой цели. Этот герой вызывает ассоциации с титаном древнегреческой мифологии Прометеем и сверхчеловеком Ф. Ницше. Страна уже ждала своего супергероя.

В романе «Мать» (1906 г.) [1] Максим Горький анализирует процесс перерождения обывательско-пролетарского типа в пассионарно-революционный. Индивиды, целиком погруженные в борьбу за выживание в контексте фабричного образа жизни (мать и сын, прототипом которого стал реальный рабочий П.А. Заломов [5]), вдруг поднимаются над повседневностью, превращаясь в борцов за идею. История рабочего движения того времени показывает, что это не было плодом творческого воображения Горького.

В начале XX в. в России стали быстро множиться разнообразные революционные группы. Их члены были готовы на самопожертвование, а порою и на убийство своих врагов во имя высокой цели преобразования России. Если в XIX в. такие трансформации обывателей в пассионариев случались только в интеллигентской среде, то теперь этот процесс пошел и среди рабочих. Первая русская революция показала, что к этому времени пассионарный тип личности приобрел уже статистически значимый характер. Умереть или убить за революцию многим стало не страшно и даже престижно. Одним из героев того времени стал революционер-террорист. Его жизненный мир ярко схвачен в книге писателя-террориста В. Ропшина (Б. Савенкова) «Конь бледный». Жорж рассуждает: «Я захотел и убил. Кто судья? Кто осудит меня? Кто оправдает? Мне смешны мои судьи, смешны их строгие приговоры. Кто придет ко мне и с верою скажет: убить нельзя, не убий. Кто осмелится бросить камень? Нету грани, нету различия. Почему для террора убить – хорошо, для отечества – нужно, а для себя – невозможно? Кто мне ответит?» [8].

Питирим Сорокин [11] в автобиографии показывает трансформацию личности индивида, органично вписанную в тренды духа времени. Сельский подросток из предельно глубокой российской глубинки (Коми край) вдруг оказывается охваченным жаждой знания и отправляется в Санкт-Петербург. Это уже шаг от личности чувственной к идеациональной. На втором этапе его жизнь определяется интересом к науке, что является разновидностью духовных потребностей. Однако от изучения общества он быстро переходит к следующей фазе – к стремлению его

изменить. Так, сельский подросток, а затем прилежный студент превращается в революционера, примкнувшего к одному из наиболее радикальных крыльев российского освободительного движения. Переплетение множества факторов привело к кардинальной смене мировоззрения. П. Сорокин вспоминал об этой трансформации так: «Приверженность монархической системе правления и «капиталистической» экономике сменилась республиканскими, демократическими и социалистическими взглядами. Политическая индифферентность уступила революционному порыву. Я превратился в активного агитатора за свержение царизма и руководителя отделения социалистов-революционеров в школе и округе» [11, с. 37]. Сорокин называл себя на этом этапе уже «ревностным социал-революционером».

Его старший брат Василий тоже перебирается в столицу, где работает рабочим, торговцем и служащим, а потом оказывается вовлеченным в революционное движение. На много лет он был сослан в Сибирь. Примечательно, что из трех братьев, выросших в сельской глуши, двое стали революционерами.

Социализм в России начала XX в., несмотря на приверженность материалистической идеологии, во многом напоминал религию. Не случайно П. Сорокин назвал себя «бродячим миссионером революции». Описывая жизнь революционеров-пропагандистов, разъезжавших и бродивших по стране, он отмечал: «Их жизнь походила на жизнь первых миссионеров новых, еще не устоявшихся религий» [11, с. 41].

Черносотенная пассионарность

Схожие процессы шли и на крайне правом фланге. Черносотенное движение, зародившееся в самом начале XX в., как и большинство иных движений, было ограничено узким кругом интеллектуалов. Они выводили свой символ веры из уваровской формулы «Православие, самодержавие, народность». В 1905–1917 гг. этот консервативный духовный порыв вызвал резонанс в заметной части общества, представленной разными его сословиями, и вырвался на улицу. Крайне правая интеллигентская пассионарность стала катализатором превращения обывателей в страстных борцов за консервативную идею, в которой причудливо смешались политический идеал (самодержавие), его религиозная легитимация и национализм, явно принимавший форму антисемитизма.

Такой пассионарный консерватизм, выйдя на улицу, приобрел формы, в которых собственно идейное содержание было оттеснено на задний план, приняв форму простых и понятных лозунгов. На передний план вышел активизм, в основе которого лежала готовность не жалеть свои и чужие жизни во имя идеи. Рейды против революционеров стали испытанием готовности превращать убеждения в решительные поступки.

Другим проявлением крайне правой уличной пассионарности стали еврейские погромы. Черносотенные интеллектуалы от них отреклись, однако пассионарии улицы уже не утруждали себя сверкой действий с нюансами мировоззрения духовных лидеров движения. Пассионарность слов стала пассионарностью поступков. И на этом уровне движение стало плохо управляемым. Консервативная политика, бывшая всегда элитарным делом, начала активно просачиваться на улицу. В этом движении личность мещанина трансформировалась в личность пассионарного монархиста.

Пассионарии-революционеры и пассионарии-монархисты энергетически подпитывали друг друга: активность одних была поводом для активизации других. Обычная логика порочного круга. В итоге размывание фундамента монархии в ви-

де доминирования личности обывателя шло с обоих флангов политического спектра. И как это ни парадоксально, но монархические пассионарии внесли свою лепту в крушение монархии.

Религиозно-философская пассионарность

В том же направлении размышления обывательского типа во имя формирования одухотворенного типа идеалиста двигалась и религиозная интеллигенция. Дмитрий Мережковский [7, с. 31–32, 43, 44] метал молнии в адрес «мещанской заразы» и ставил вопрос, в котором звучала надежда: «Мещанство, не побежденное Европой, победит ли Россия?». Альтернативу мещанству он видел в победе «общей идеи, которая соединила бы интеллигенцию, церковь и народ». Иначе говоря, выход только в возрождении общественного в религиозной форме.

С.Л. Франк [12, с. 14, 24] в своей работе 1903 г., анализируя наследие Ф. Ницше, с плохо скрываемым восторгом оперирует понятиями «добровольной гибели», «созидающей смерти». Он противопоставляет «любовь к ближним», т. е. непосредственно окружающим нас, и «любовь к дальнему», понимаемую, с одной стороны, как любовь к более отдаленным благам и интересам тех же «ближних», а с другой стороны, «любовь ко всему отвлеченному – любовь к истине, к добру, к справедливости – словом, любовь ко всему, что зовется «идеалом».

В первых десятилетиях XX в. в России активизируются поиски Бога по самым разным направлениям. Одни стремились найти истинное христианство, другие – создать свою религию. Даже попытки превращения социализма в новую религию занимают заметное место в общественной мысли той эпохи. При этом поиски отдельных философов и теологов имеют тенденцию просачиваться в массы. Так, идеи Л. Толстого породили толстовство (конец XIX – начало XX в.). Религиозная пассионарность, существенно, а нередко радикально отличаясь от иных его форм, имела с ними общий знаменатель: готовность посвятить жизнь целям, далеким от суеты повседневной борьбы за выживание, готовности отвернуться от быта во имя высоких идеалов истинного бытия.

Заключение

В конечном счете рост количества пассионариев самой разнообразной мировоззренческой и политической окраски привел к качественному изменению ментального фундамента страны. Началась цепная реакция, которую уже нельзя было остановить никакими реформами, не говоря уже об их имитации, ибо для пассионариев неприемлемы компромиссы, им нужна только победа, формулируемая в терминах высокой идеи. При этом пассионарная личность вопрос цены победы рассматривает как проявление трусости, которая в ее системе ценностей занимает место ведущей антиценности. В результате такой эволюции личностной структуры, переросшей в качественную трансформацию, деление страны на белых и красных стало вполне естественным и неизбежным результатом. Разумеется, под этой экзистенциальной трансформацией был разрушавшийся базис экономических, политических и религиозных институтов, было переплетение революционных сил и внешних угроз. Однако стреляли, вешали, гноили в тюрьмах не безличные институты, а люди, прошедшие экзистенциальную ломку, вырвавшиеся из обывательского болота в мир бескомпромиссной борьбы за идеалы.

Литература

1. Горький М. Мать. М.: Современник, 1984. 288 с.
2. Горький М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. Рассказы, очерки (1892–1897). М.: Советская Россия, 1987. 512 с.
3. Горький М. Собр. соч.: в 8 т. Т. 2. Рассказы, очерки (1897–1915). М.: Советская Россия, 1987. 512 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ДИ-ДИК, 1997. 640 с.
5. Заломов П.А. Петька из вдовьего дома: автобиографическая повесть. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1977. 208 с.
6. Левицкий Н.А. Русско-японская война. М.: Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastica 2003. 672 с. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_l/levic00.php (дата обращения: 28.02.2017).
7. Мережковский Д. Больная Россия. ЛГУ, 1991. 268 с.
8. Ропшин В. (Б. Савинков). Конь бледный. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1917-1924/SAWINKOW/konbled.txt> (дата обращения: 3.03.2017).
9. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt#w02.htm-001> (дата обращения: 3.03.2017).
10. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. 1054 с.
11. Сорокин П. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми АССР, МП «Шипас», 1991. 304 с.
12. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 608 с.
13. Фрумкин К.Г. Пассионарность. Приключение одной идеи. М., ЛКИ / URSS, 2008. 224 с.

References

1. Gor'kij M. Mat'. M.: Sovremennik, 1984. 288 s.
2. Gor'kij M. Sobr. soch. v 8 t. T. 1. Rasskazy, ocherki (1892–1897). M.: Sovetskaya Rossiya, 1987. 512 s.
3. Gor'kij M. Sobr. soch. v 8 t. T. 2. Rasskazy, ocherki (1897–1915). M.: Sovetskaya Rossiya, 1987. 512 s.
4. Gumilev L.N. Ehtnogenez i biosfera Zemli. M.: DI-DIK, 1997. 640 s.
5. Zalomov P.A. Pet'ka iz vdov'ego doma: Avtobiograficheskaya povest' / Gor'kij: Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1977. 208 s.
6. Levickij N.A. Russko-yaponskaya vojna. M.: EHksmo, Izografus; SPb.: Terra Fantastica 2003. 672 s. [EHlektronnyj resurs]. Kod dostupa: http://www.hrono.ru/libris/lib_l/levic00.php (data obrashcheniya 28.02.2017).
7. Merezhkovskij D. Bol'naya Rossiya. LGU, 1991. 268 s.
8. Ropshin V. (B. Savinkov). Kon' blednyj. [EHlektronnyj resurs]. Kod dostupa: <http://lib.ru/MEMUARY/1917-1924/SAWINKOW/konbled.txt> (data obrashcheniya 3.03.2017).
9. Rossiya i SSSR v vojnah HKH veka. Poteri vooruzhennyh sil. Statisticheskoe issledovanie / Pod obshch. red. G.F. Krivosheeva. M.: OLMA-PRESS, 2001. [EHlektronnyj resurs]. Kod dostupa: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/KRIWOSHEEW/poteri.txt#w02.htm-001> (data obrashcheniya 3.03.2017).
10. Sorokin P. Social'naya i kul'turnaya dinamika. Issledovanie izmenenij v bol'shih sistemah iskusstva, istiny, ehtiki, prava i obshchestvennyh otnoshenij. SPb.: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. 1054 s.
11. Sorokin P. Dolgij put'. Avtobiograficheskij roman. Syktyvkar: SZH Komi ASSR, MP «SHipas», 1991. 304 s.
12. Frank S.L. Sochineniya. M.: Pravda, 1990. 608 s.
13. Frumkin K.G. Passionarnost'. Prikladyenie odnoj idei. M., LKI / URSS, 2008. 224 s.

Сорокин-социолог, Сорокин-мыслитель: статьи и исследования

УДК 316.4

П.П. Кротов (США)

Питирим Сорокин: от методологических основ изучения морали, альтруизма и социальной солидарности к синтезу теории и практики

В статье рассматриваются основные концептуальные подходы Питирима Сорокина к изучению морали, альтруизма и социальной солидарности с позиций формирования новой социологической поддисциплины в рамках международной социологической ассоциации. Основное положение автора статьи состоит в том, что теоретические разработки и прикладные исследования Питирима Сорокина дают необходимые основы для формирования методологической базы нового социологического поля.

Ключевые слова: наследие П.А. Сорокина; альтруизм; мораль; социальная солидарность.

P.P. Krotov (USA). Pitirim Sorokin: from methodological frameworks of the morality, altruism and social solidarity studies to syntheses of theory and of practice

The author focuses on Pitirim Sorokin's theoretical interpretation and major research contributions in the area on morality, altruism, and social solidarity. This focus is important in view of a new sociological branch constituted in the International Sociological Association as a sociology of morality, altruism, and social solidarity. The key point here is that Pitirim Sorokin's theoretical and research heritage provide ample conceptual data to form a methodology for a new sociological sub discipline.

Keywords: Pitirim Sorokin's heritage; altruism; morality; social solidarity.

Для цитирования: Кротов П.П. Питирим Сорокин: от методологических основ изучения морали, альтруизма и социальной солидарности к синтезу теории и практики // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 85–96.

For citation: Krotov P.P. Pitirim Sorokin: from methodological frameworks of the morality, altruism and social solidarity studies to syntheses of theory and of practice // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 85–96.

Недавно возникшая специализация в международной социологической науке – социология альтруизма, морали и социальной солидарности – не снижает накала споров об ее идентификации, предметной области и методологической базе [см., например: 20]. Не вызывает сомнений то, что теоретические разработки Питирима Сорокина и его исследования являются одной из основ нового направления. Вопрос заключается в том, каким образом составляющие предметную область понятия могут быть интегрированы в единую систему исходя из теоретических разработок Сорокина.

Можно выделить три направления в новой социологической дисциплине, для которых сорокинское теоретическое наследие играет системообразующую роль:

(1) исследование природы и вариативности феномена, определяемого как «социология добра» или «добродетели»; (2) выработка теории, интегрирующей мораль, солидарность и альтруизм на уровнях культуры, общества и личности в единую системную модель; наконец, (3) поиск методов и методологий интеграции социологического знания с практическими задачами «сделать общество лучше».

Основные положения теоретической модели

Сорокин изучал мораль в трех плоскостях. В первой плоскости мораль рассматривается как часть социокультурных типов и их флуктуаций, где доминирующие моральные ценности отражены в системе этики. В соответствии с разделением на чувственный и идеациональный социокультурные типы Сорокин классифицировал эти полярные системы как «этику счастья» и «этику абсолюта» [15, с. 416]. В свою очередь «этика счастья» подразделялась на этику эвдемонизма, гедонистическую этику и утилитарную этику. Этика любви, которой уделялось особое внимание, определялась как разновидность «этики абсолюта». Интеграция двух полярных социокультурных типов происходила в рамках третьего – «идеальной социокультурной системы», где идеалистическая система этики инкорпорирует ценности «как приземленные, так и трансцендентальные».

Вторая плоскость, в которой Сорокин анализирует мораль, имеет отношение к ее роли в социальной организации общества, в особенности в системе распределения власти. Мораль властных элит, согласно Сорокину, приобретает жизненно важное значение в контексте растущей взаимозависимости обществ, глобализации и развития технологий.

Наконец, третья плоскость, в которой Сорокин изучал мораль, – это влияние войн, революций и иных общественных катаклизмов на моральные ценности населения. Этот феномен Сорокин определял как «закон моральной поляризации». Так или иначе в исследовании морали Сорокин рассматривал нормы «добра» и «зла» и динамику их флуктуаций в зависимости от социокультурного контекста.

В изучении солидарности центральное место занимал поведенческий акт. Солидарность, с одной стороны, вводилась как операциональное понятие и мера измерения в шкале конструктивного–деструктивного поведения. С другой стороны, Сорокин определял солидарность как форму социальной организации. Если солидарные отношения определяли суть внутренней организации социального образования, то такая солидарность классифицировалась как «племенная солидарность» и, согласно Сорокину, могла способствовать росту антагонизмов в обществе. Внешняя, или «универсальная», солидарность представляет конструктивный тип отношений, ведущий к гармонизации общественного устройства. В качестве критерия оценки внутригрупповых отношений степень солидарности дала Сорокину возможность выделить три типа отношений (фамилистические, контрактные и принудительные), которые характерны для любой социальной группы. Соотношение между этими тремя типами дает основу для сравнения социальных групп.

Аналогично солидарности альтруизм может выступать и как мера измерения желаемого качества в социальных отношениях, и как высший поведенческий акт. Основное же предназначение альтруизма Сорокин видел в том, что данное качество формирует и определяет созидательный тип личности, закладывающий основы изменения социальных отношений. Исследования Сорокина были обращены к изуче-

нию природы альтруизма, типологии и факторов, способствующих его росту в личности и социальных отношениях. Понимание социальной значимости данного феномена привело Сорокина к созданию Гарвардского центра по изучению созидательного альтруизма, где был предпринята попытка синтеза теории и практики в поисках альтернатив существующей организации общественных отношений.

Методологические основы изучения морали

В основе сорокинского подхода к изучению морали лежит эпистемологическая концепция трехкомпонентной системы истины и познания, включающей опыт, логику и веру как парадигмы культурной ментальности [8; 9].

В «Социальной и культурной динамике» Сорокин моделирует социум как взаимодействие между внутренне интегрированными культурными системами. Каждая такая система представляет собой две реальности. Первая сущностная реальность – это реальность смыслов, значений и ценностей. Данную реальность Сорокин определяет как «ментальность культуры» [15, с. 20]. Вторая, внешняя, реальность (процессы, события, материальные объекты) является производной первой. Внешние феномены, связанные с данной культурой, представляют собой манифестацию, проявление сущностной реальности. Любая культура, состоящая из бесконечного множества связей между взаимодействующими субъектами, событиями и процессами, соорганизуется в различные уровни интеграции четырьмя типами наиболее распространенных отношений: механическим, ассоциативным, функциональным и логико-смысловым. Логико-смысловая интеграция характеризуется наибольшей степенью интегрированности культуры. При данной степени интеграции культура объединена вокруг центральной идеи, которая и формирует отношения внутри системы. Центральной идеей, или принципом, являются те, которые определяют реальность в данной культуре. Различия в восприятиях данного принципа (реальности) формируют конфигурацию социальных институтов в данной культуре и составляют ее сущность. Рефлексия центрального принципа в восприятиях, дающая представление о наличии интегрированности одной культуры и ее дифференциации с другими, проявляется в следующих идеологемах: (1) представление о сути реальности; (2) представление о сути потребностей; (3) представления о реализуемости потребностей и целей (4), представление о способах достижения целей и реализации потребностей [15, с. 25].

Данное эпистемологическое видение обусловило онтологическую парадигму, в которой Сорокин предполагает изучать социокультурную реальность на разных уровнях познания: «...эмпирико-чувственный, мыслительно-рациональный и сверхчувственно-сверхрациональный, которые являются наивысшими и наиболее глубокими формами отражения реальности, отличными от чувственных и логических форм тем, что они недоступны для логических и чувственных форм познания» [16, с. 380].

Организация социума как системы взаимодействующих интегрированных социокультурных образований предполагает, по Сорокину, три их основные конфигурации – чувственную, идеациональную и идеальную. «Каждая имеет свою ментальность, свою систему истины и познания, свою философию, свою систему религии, свою систему «правильного» и «неправильного», свои формы искусства и литературы, свои моральные нормы, законы, кодексы поведения, доминирующие

формы социальных отношений, свою политическую и экономическую организацию, наконец, свой тип личности с особым менталитетом и поведением» [15, с. 24].

В парадигме социокультурных систем мораль выступает в виде норм и ценностей, отражающих представление о «правильном» и «неправильном» на уровнях личности, группы, культуры. Каждый социокультурный тип имеет свой преобладающий моральный императив, развернутый в системе моральных норм и выраженный в этике. Разные социокультурные системы сосуществуют в рамках одного общества, и их конкретная конфигурация в итоге определяет его социокультурную природу, или же ментальность. В данном контексте исследования Сорокина фокусировались на анализе динамики изменений представлений о «добре» в западных цивилизациях в исторической перспективе, с тем чтобы выявить закономерности и формы этой динамики.

«Любая организованная группа и ее культура располагают набором этических ценностей [...]. В разных формах этическое определение «правильного» и «неправильного» представлено в каждой культуре и социальной группе. В этом смысле этическая ментальность является универсальным и непреложным компонентом любой культурной ментальности. Содержательное наполнение этой ментальности варьируется в разных обществах и в различные исторические периоды. В то же время этические формы этого содержания остаются неизменными», – пишет Сорокин [15, с. 414].

Система этики как набор доминантных моральных принципов в данном обществе синонимична культурной ментальности «вне зависимости от того, соответствует реальное поведение его представителей данным принципам или нет [там же]. Проанализировав обширные эмпирические данные, Сорокин пришел к выводу, что в западной цивилизации с циклической периодичностью сменяются три формы этики – идеациональная, чувственная и идеалистическая.

Идеациональная этическая система – это система абсолюта, в том смысле, что культурная и моральная интерпретации «добра» неотделимы от самой модели абсолюта – бога, или высшего существа, и где этические нормы индивида и группы являются прямой трансляцией представлений об абсолюте.

Чувственная этическая система противоположна идеациональной: «1. Целеполагание в данной системе этики состоит в росте чувственного удовольствия, комфорта, счастья [...] Коль скоро нет реальности вне пределов того, что осязаемо, и нет ценностей вне чувственных ценностей, то и чувственное счастье является единственной ценностью, которое защищает чувственная этическая система. 2. Такая система может быть только релятивистской – изменяются виды чувственного, поэтому должны меняться и этические правила. Правила, регулирующие конкретную данность, не действуют в другой данности, следовательно, возникают новые этические правила. Вследствие этого, чувственная этика сопряжена с относительностью, изменчивостью и переходностью» [15, с. 414].

Наконец, идеалистическая система занимает промежуточное положение между двумя вышеназванными и отражает интегральную культурную ментальность. Здесь интерпретация «морального» сочетает признание императивов абсолюта с принципами, манифестирующими логику и причинность. Сорокин пишет: «1. Она устремлена одновременно к трансцендентальному и земному: служение богу (этическая ценность абсолюта) одновременно может вести и к приземленным чув-

ственным радостям. 2. Основополагающий принцип в этой системе – абсолют, исходящие из него правила относительно, и поэтому изменчивы. 3. Такое сочетание ведет к разделению на высшие императивы, как служение богу либо иному сверхчувственному авторитету, и вторичные принципы, диктуемые причинностью, носителями которых является человек» [15, с. 416].

Две полярные морально-этические системы дальше классифицируются Сорокиным на подклассы и типы. Чувственная система, которую Сорокин определяет как этику счастья, подразделяется на гедонистическую, утилитарную и эвдемонистическую этические подсистемы. Их объединяющим признаком является признание чувственного счастья в качестве высшей ценности. Различия подсистем определяются направлениями и средствами достижения этой высшей ценности.

Идеациональная этика не имеет столь вариативной классификации, поскольку в отличие от чувственной достижение счастья не является здесь ключевой моральной ценностью и целью. Идеациональная этика основана на морали должного, долга следовать определенному моральному кодексу или принципу. «Единение с богом, спасение души, истина, добродетель, красота являются самоценностями и имеют смысл сами по себе, вне зависимости от того, ведет ли следование им к увеличению счастья» [15, с. 417]. Не подразделяя идеациональную этику на разновидности и типы, Сорокин отмечает наличие в ней высшей формы, или «идеального типа» идеациональной этики – этики любви. Этика любви интегрирует ценности служения абсолюту в единую «ценность бесконечной, безграничной и жертвенной любви к богу и конкретным людям» [там же]. Если скоро этика любви воплощает универсальную и высшую гуманистическую ценность, то именно она, по мнению Сорокина, является наиболее значимой для цивилизации.

Идеалистическая этика представляет переходную стадию между двумя основными этическими системами. В качестве примера такой системы Сорокин приводит период V – начала IV в. до нашей эры в Древней Греции, отраженный в трудах Еврипида, Аристофана и других философов. «Их моральные постулаты по-прежнему основаны на трансцендентальном мире богов. Однако непреложность воли богов начинает подвергаться сомнению и даже протесту в пользу эвдемонистических чувственных ценностей человеческой жизни. Эвдемонизм и утилитарность становятся компонентами устройства их моральной системы», – отмечает Сорокин [15, с. 422].

В теоретической модели Сорокина этические системы с их различными интерпретациями морали имеют и социальное воплощение. Так, чувственная этическая система с постулированием счастья как основного морального принципа реализуется в социуме в зависимости от целеполагания – от стремления к достижению счастья для индивида и семьи до более широкого стремления к осуществлению добродетели для народа и всего человечества.

Таким образом, в парадигме этических систем стремление к добродетели реализуется либо путем интернализации основного морального принципа, когда личностная интерпретация добродетели является навигатором к достижению состояния счастья (чувственная этическая система), либо путем реализации морального императива оно переносится вовне в поиске единения с абсолютным как главной моральной цели (идеациональная этическая система). В то же время наличие морально-этических систем не обязательно является детерминирующим фактором социального поведения и взаимодействия. Скорее эти системы наделяют каждый инди-

видуальный или групповой акт моральной оценкой. В интегрированной форме они определяют ментальность культуры с определенной интерпретацией добродетели.

Проведя статистический анализ исторических источников, Сорокин доказал цикличность смены морально-этических систем с присущими каждой из них доминирующими моральными ценностями на определенном историческом этапе. При этом важно подчеркнуть, что Сорокин, выделяя ведущую морально-этическую систему, предполагал сосуществование ее с другими системами и подсистемами в рамках одной культуры. Именно данное обстоятельство часто не учитывается в критических обзорах сорокинской модели.

Концепция моральной поляризации

Если концепция морально-этических систем описывает организацию определенного типа культуры и ее менталитет, то концепция моральной поляризации характеризует переход от одной системы к другой, когда доминирующий социокультурный тип подвергается внутренним и внешним испытаниям (кризисам). Общий смысл концепции состоит в том, что общество всегда дифференцировано по моральным ценностям, однако в условиях стабильной системы все различия в спектре тяготеют к «среднему значению», к тем ценностям, которые уравнивают систему и в конечном счете определяют морально-этический тип. При таком состоянии как высоко альтруистические, так и ярко выраженные эгоистические ценности и проявления маргинализированы в обществе. С ростом кризисных явлений доминирующие ценности подвергаются сомнению, ослабевают и их континуум от центростремительных переходит к центробежным полюсам альтруизма и эгоизма. По определению Сорокина, «кризис, нестабильность, фрустрация имеют тенденцию к выводу на поверхность скрытых латентных противоречий и на уровне мышления и поведения отдельной личности, и на уровне социальных групп и институтов в данной культуре» [18, с. 206]. Любой общественный катаклизм (война, революция, кризис) влечет за собой рост локальной или же тотальной аномии. В обоих случаях социальные акторы поставлены в условия, когда реакция на катаклизм требует переоценки существующих моральных норм.

На уровне личности Сорокин выделяет три типа таких реакций в зависимости от конфигурации моральных ценностей. Первый – тип «раздвоенной личности», когда конфликтующие моральные ценности одинаково сильны: «одни установки утверждают то, что другие отрицают, одни создают, тогда как другие разрушают» [18, с. 226–227].

Второй – тип «противоречивой личности». Он формируется под воздействием «нескольких разнонаправленных моральных векторов, мысли и поступки такой личности дезинтегрируются, лишая их постоянства и согласованности» [18, с. 227]. Для поведения представителей данного типа личности характерна непредсказуемость, хаотичность и изменчивость. Третий, «сильный тип» личности обладает набором моральных установок, которые в критической ситуации не дают конфликтующим ценностям стать доминирующими и трансформируются в устойчивые и предсказуемые образцы поведения.

Аналогичная поляризация происходит на групповом уровне – «скрытые противоречия между членами группы актуализируются и становятся открытыми» [18, с. 231]. При стабильных условиях организация группы происходит вокруг «медиа-

ны», моральных установок большинства, которые устойчивы и нивелируют радикальные тенденции. В условиях кризиса группа либо распадается с переоценкой и дезинтеграцией «серединных ценностей», либо, наоборот, консолидируется вокруг ценностей большинства, блокируя любые ценности, которые ей противоречат. «Две тенденции проявляются в группе при кризисе: одна, ведущая к деморализации и отвержению святости, другая, наоборот, усиливает крайние формы духовной и моральной экзальтации» [18, с. 228]. Поляризация не только моральных, но и других ценностей (религиозных, экономических, политических) происходит в период общественных потрясений, приводя к ситуации, которую Сорокин характеризует как период «многосторонней», или «тотальной», поляризации, разделяющий общество на конфликтующие фракции [там же].

На уровне культуры кризис приводит в действие механизмы, актуализирующие различия между ценностными системами. Открытый конфликт ведет к распаду слабых ценностных систем и к усилению доминантной системы. Если же основные конфликтующие ценностные системы равносильны, то борьба между ними ведет к взаимному ослаблению и к выходу на сцену вторичных ценностных систем. Дезинтеграция на уровне системы резонирует на групповом и личностном уровнях, вызывая аналогичную моральную поляризацию, сопровождаемую ростом конфликтности и кризисов.

Сорокин отмечает: «Одновременно с поляризацией культурных ценностей происходит обострение вполне конкретной борьбы между приверженцами (индивидами и группами) различных ценностей. Собственные ценности представляются каждому из их последователей истинами в последней инстанции, не подлежащими сомнению и компромиссу. Как результат, борьба идей перерастает в кровавую бойню до полного уничтожения оппонента, во имя торжества собственных культурных ценностей. Борьба за господство религиозных ценностей разного толка, с их религиозными войнами и кровавыми расправами над еретиками, борьба между монархическими и республиканскими политическими ценностями с их войнами и революциями, борьба между коммунизмом и капитализмом, между администрированием и свободным рынком, демократией и деспотией с соответствующими «холодными» и «горячими» войнами – все это примеры такой культурной поляризации» [18, с. 228–229].

Мораль как сфера публичной социологии

Теория социокультурных систем, разработанная в фундаментальном труде «Социальная и культурная динамика», была важна для Сорокина также с точки зрения ее верификации в текущем историческом процессе. Такой характер, например, носила работа «Кризис нашего времени», где предвоенный период рассматривался в координатах динамики социокультурных систем. Аналогичную верификацию парадигмы моральных систем Сорокин осуществил на материале, полученном в ходе анализа властных элит. В работе «Власть и мораль» он и Уолтер Лунден доказывают, что с ростом экономической и политической взаимозависимости между разными странами цена аморальности узкого круга власть имущих становится слишком высока для человечества. Основываясь на собственном изучении, а также на результатах других прикладных исследований, они пришли к заключению, что власть имеет тенденцию к аморальности и коррупции вне зависимости от типа политического режима, характера экономики и доминирующей религии. Пять ос-

новых выводов были сделаны по результатам этих исследований. 1) При сравнении морали правящих элит и остального населения по единым критериям оценки в морали элит более выражена тенденция к двойственности. 2) Правящие группы имеют более высокую долю полярных типов ментальности с девиацией либо к маргинальному альтруизму, либо к крайним формам агрессии, эгоизма, лицемерия и иных форм антиальтруистического поведения. 3) Правящие группы более криминальны, по сравнению с другими группами населения. 4) Чем выше степень насилия во власти, чем меньше власть ограничена и подотчетна обществу, тем больше выражена тенденция к криминальности и коррупционности в элитах. 5) Данные черты приобретают жизненно важное значение для человечества в условиях ядерного мира и стремительного развития технологий. В связи с этим моральные качества элит становятся как никогда важными, так же как и вопрос о том, кто должен контролировать властные элиты [19, с. 36–37].

Исследование, смыслом которого было обращение к обществу и привлечение внимания к моральной деградации элит как к современной опасности, не менее разрушительной, чем начавшаяся тогда холодная война, представляло собой образец публичной и критической социологии, теоретически обоснованной Майклом Буравым много позднее [2]. Социологический «этнос» Сорокина, как отмечает В. Джеффрис, не разделим с дискурсом публичности и целостностью научного знания и общественной повестки дня [6]. Это, в частности, можно продемонстрировать на примере общественной деятельности Сорокина в годы Второй мировой войны [подробнее об этом см.: 1].

Во «Власти и морали» авторы призывают к изменениям в механизмах формирования и функционирования властных элит. Направление реформирования, по мнению Сорокина и Лундена, должно идти по пути устранения разрыва между моральным авторитетом, с одной стороны, и политической карьерой – с другой. Представитель властной элиты должен, прежде всего, обладать высоким моральным авторитетом, именно на такой критерий должны ориентироваться механизмы и институты формирования элит. Интернализация принципов универсального альтруизма, считают авторы, прививает иммунитет против коррупционного «вируса» власти. Одновременно с этим Сорокин и Лунден предлагают институционализацию морального образования в обществе, которое сформирует и объединит общество вокруг ясных морально-ценностных ориентиров, тем самым само общество станет эффективным средством контроля над элитами. В контексте образования Сорокин видит необходимость введения моральных норм и постулатов в сферу естественных законов и аксиом. По его утверждению, законы морали не менее объективны и универсальны, чем законы физики и математики. «Племенная» мораль с соответствующими нормами, распространяющимися и ограниченными группой (партией, классом, нацией), отходит в прошлое, более того, становится разрушительной в условиях глобальной интеграции и взаимозависимости.

Авторы отмечают: «Впервые в истории понятие «человечество» начинает приобретать смысл больший, чем просто арифметическая сумма индивидов. Оно обретает новую форму существования, как единое осязаемое тело, где отдельные части населения зависят от вида в целом и судьба вида зависит от его частей [...]. На данной универсалистской стадии взаимозависимости человечества позиции «племенной» морали («моя страна права», «моя страна неправа») становятся такими же неуместными, как и утверждения, что законы природы действуют по-разному в

разных группах [...]. Замена «племенного» мышления универсальным не благое пожелание, а самая насущная необходимость» [19, с. 172, 174].

Сорокин дает социологическую интерпретацию морали как сосуществования трех морально-этических систем, различающихся по базовому определению добродетели и способов ее достижения. В каждом конкретном социокультурном контексте преобладает одна из трех морально-этических систем. Первую половину XX в. Сорокин определял как «позднюю чувственную культуру». Данный этап в циклической смене чувственной и идеалистической культур означал, что доминирующая система социокультурных ценностей достигла своего предела и базирующаяся на ней доминантная чувственная морально-этическая система переходит в крайние формы своего проявления. Основным же признаком кризисности «позднего» периода состоял в том, что тотальное преобладание принципов чувственной морали входит в противоречие с природой глобальной интеграции, требующей иной культурной ментальности. Различные формы альтруизма универсалистского типа в этом контексте являются принципами зарождающейся морально-этической системы. Призыв и поиски Сорокина в области моральной трансформации, а также исследования созидательного альтруизма имели целью избежать разрушительность последствий перехода от одной системы к другой, когда конфликт между ценностными системами становится губительным для цивилизации.

Гарвардский центр по изучению созидательного альтруизма

Каковы факторы, воздействующие на проявления альтруистического поведения, можно ли выявить устойчивые закономерности в альтруизме для их последующего воспроизведения в социальных практиках, что способствует росту альтруистического поведения и каковы его главные ограничители? Данные вопросы стали центром повестки дня Гарвардского исследовательского центра в области созидательного альтруизма, основанного Сорокиным в 1946 г. Изучение альтруизма и альтруистической трансформации структурировалось в центре по уровням социального действия: уровень личности, первичной и вторичной групп, коллективного действия, локального действия, национальный уровень и международный уровень. Итогом работы центра стали публикации материалов, среди которых были книги (монографии и сборники): «Альтруистическая любовь: исследование американского добрососедства и христианских святых» (1950), «Изучение альтруистической любви и альтруистического поведения» (1950), «Социальные философии в эпоху кризиса» (1950), «SOS: О значении нашего кризиса» (1951), «Формы и методы альтруистической любви и духовного роста» (1954), «Пути и могущество любви» (1954), «Власть и мораль» (1959). Также компания «Кампус ворлд» издала в популярной серии аудиозаписей лекции Сорокина «Загадочная энергия любви» (1959).

Предметную область междисциплинарных исследований Сорокин определил как амитологию – прикладную дисциплину, изучающую возможности потенциала любви, дружбы и сотрудничества в межличностных и межгрупповых отношениях. Концептуальная и прикладная значимость исследований центра нашла отражение в современных работах Дж. Вайнштейн [21], Л. Николса [12], Э. Дель Посо [4], Б. Джонстона [9; 10], В. Джеффриса [5; 6; 7], У. Кинг [11], М. Оно [13]. В контексте амитологии соединяющим механизмом между личностью и альтруистическим актом является солидарность, или солидарные отношения.

Солидарные отношения как тип социального взаимодействия

Теоретическая модель социологии добродетели, по Сорокину, представляет взаимосвязанное единство трех частей. Мораль как набор социокультурных ценностей, создающий конфигурацию нормативной системы, в рамках которой происходит альтруистический акт и формируется альтруистический тип личности. В свою очередь, альтруистическое поведение способствует социальной интеграции, основанной на сходстве социокультурных ценностей и ведущей к формированию солидарных отношений универсального типа. Именно такой тип солидарности представляет собой вид социальных отношений, способный генерировать просоциальное поведение и создавать социальную организацию, лишенную пороков «племенной» солидарности.

Основные положения понимания солидарности и солидарных отношений Сорокин изложил в книге «Общество, культура, личность: их структура и динамика». В данной работе он концептуализировал природу и структуру социума, где «селективные социальные взаимодействия» создают «значимые социокультурные образования (социальные группы, культурные системы)» [17, с. 70]. Данный особый, или селективный, тип взаимодействий характеризуется: 1) структурированностью взаимодействий в отличие от неорганизованных взаимодействий; 2) солидарностью в противоположность антагонизму или нейтралитету; 3) интегрированностью в отличие от неинтегрированных взаимодействий [там же].

Солидарное взаимодействие определяется Сорокиным как тип, в котором «ожидания и действия взаимодействующих сторон совпадают, взаимно помогают в достижении своих целей» [там же]. Солидарные отношения описываются в следующих параметрах: направленность (прямая, косвенная); степень интенсивности; межличностный или межгрупповой характер; мотивация (основополагающая, обусловленная, нормативная, целевая); ценностный тип (общий, специфический).

Социальные отношения в конкретной среде Сорокин рассматривает как переплетение солидарных и антагонистических взаимодействий, опосредованное соотношением между нормами права и нормами морали, а также личностной оценкой взаимоинтегрированности ценностей. В зависимости от сочетания этих факторов складываются, в определении Сорокина, три типа взаимодействий: семейные (фамилистические), контрактные и принудительные.

Семейные отношения – это отношения преимущественно солидарные, несмотря на разнообразие форм проявления, их объединяют «взаимная привязанность, осознание взаимосвязи и единства разделяемых социокультурных ценностей и норм поведения» [17, с. 99]. Данный тип отношений регулируется, как правило, нормами морали, поскольку уровень доверия высок и необходимость норм права не столь важна. При данном типе взаимодействий проявления субординации, подчинения, доминирования лишены основы. Лидерство и управление в таком типе отношений, как правило, связаны с патернализмом или содружеством. Фамилистические отношения характеризуются ярко выраженным осознанием единства. Для фамилистического типа отношений нет характерной социальной организации, хотя семья является наиболее близкой аппроксимацией такого типа отношений.

В смешанном или контрактном типе отношений солидарные взаимодействия сосуществуют с антагонистическими. Солидарные взаимодействия возникают из разделяемых и интегрированных сторонами ценностей. Конкретные проявления

контрактного типа определяются интенсивностью и выраженностью солидарного или антагонистического компонента. Здесь Сорокин выделяет такие формы, как «вынужденный нейтралитет», где оба компонента умеренно выражены и сосуществуют без явного конфликта, и «конкурентную кооперацию», где стороны с антагонистическими ценностями вынуждены прибегать к временному альянсу, аналогично тому, когда стороны с солидарными ценностями оказываются в конкурентном окружении. Схожий тип смешанных отношений – отношения «любви и ненависти», когда «взаимодействующие стороны ненавидят друг друга в определенных оценках и действиях, в то же время уважают и признают друг друга по отношению к другим ценностям и действиям» [17, с. 104].

Солидарность в смешанных отношениях Сорокин определяет как эгоистическую, коль скоро стороны входят во взаимодействие настолько, насколько это совпадает с их личностными интересами. Связь по линии взаимовыгоды здесь заменяет осознание взаимоинтегрированности, характерной для фамилистических отношений.

В контрактных отношениях правовые нормы преобладают настолько, что не отделяются от норм моральных. Осознание морального неотделимо от понятия законного, т. е. от выполнения условий контракта. По этой причине контрактные отношения кратковременны и ограничены сроком контракта. Вместе с тем, как отмечает Сорокин, контрактные отношения могут перерасти в фамилистические, если регулирование от норм права перейдет к нормам морали. Понятие свободы в контрактных отношениях является предметом личного выбора, правом вступить или не вступить в контрактные отношения (в отличие от фамилистических отношений, где личная свобода неотделима от свободы группы).

Отношения, в которых антагонизм является доминирующей частью взаимодействия, Сорокин называет принудительными. В отличие от контрактных отношений, где принуждение выступает в качестве инструмента в случае нарушения контракта, в принудительных отношениях оно является неотъемлемым элементом. Стороны в принудительных отношениях разделены на «угнетаемых» и «угнетателей» при правовых нормах, дающих все права угнетателям, а все обязанности угнетаемым. Моральные нормы разделены на две антагонистические группы. Часто сторона угнетателя «прикрывает» свою власть формами контрактной или фамилистической риторики. Сорокин определяет их как псевдоконтрактные и псевдофамилистические [17, с. 108].

Заключение

Социологическое наследие Сорокина чрезвычайно богато и разнообразно. При этом стоит отметить, что характерной чертой Сорокина как ученого, выделяющей его из числа других классиков социологии, является его научная смелость, с которой он брался за переосмысление сложившихся дисциплинарных стереотипов и исследование малоизученных проблем. Теоретическое обоснование и прикладные исследования альтруистического поведения, безусловно, являются одной из таких малоизученных областей.

Изучение созидательного альтруизма стало последним и очень значимым научным проектом Сорокина. Даже автобиографию он представил в качестве социологического опыта амитологического исследования, в котором теория созидательного альтруизма и альтруистической трансформации была апробирована на конкретном объ-

екте исследования. Здесь исследователь и исследуемый соединились в стремлении понять значение личного выбора в рамках одной жизни и осмыслить уникальный опыт, полученный в ходе испытаний в период переломных событий XX в.

Литература

1. Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: У истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Вологда: Древности Севера, 2011. 400 с. (Krotov P.P., Dolgov A.YU. Ot vojny k miru: U istokov teorii sozidatel'nogo al'truizma Pitirima Sorokina. Vologda: Drevnosti Severa, 2011. 400 s.)
2. Burawoy M. For public sociology // American sociological review. 2005. Vol. 70. № 1. P. 4–28.
3. D'Ambrosio J.G., Paul A.C. Development and validation of the Sorokin psychosocial love inventory for divorced individuals // Research on social work practice. 2013. Vol. 23. № 4. P. 447–457.
4. Integralism, altruism and reconstruction: essays in honor of Pitirim A. Sorokin / Ed. by E. Del Pozo. Valencia: Universitat de València, 2006. 160 p.
5. Jeffries V. Establishing and building the study of altruism, morality, and social solidarity as a field of specialization // Altruism, morality & social solidarity forum: newsletter of the AMSS section of ASA. 2013. № 3. P. 450–460.
6. Jeffries V. Pitirim A. Sorokin's integralism and public sociology // The American sociologist. 2005. Vol. 36. № 3. P. 66–87.
7. Jeffries V. Redefining the nature and future of sociology: toward a holistic sociology // Handbook of Public Sociology / Ed. by V. Jeffries. Lanham (MD): Rowman & Littlefield. 2009. P. 1–23.
8. Jeffries V. The integral paradigm: the truth of faith and the social sciences // The American sociologist. 1999. Vol. 30. № 4. P. 36–55.
9. Johnston B.V. Integralism, altruism, and social emancipation: a Sorokinian model of prosocial behavior and social organization // Catholic social science review. 2001. Vol. 6. P. 41–55.
10. Johnston B.V. Pitirim A. Sorokin: an intellectual biography. Lawrence (KS): University press of Kansas. 1995. 380 p.
11. King U. Love – a higher form of human energy in the work of Teilhard de Chardin and Sorokin // Zygon. 2004. Vol. 39. № 1. P. 77–102.
12. Nichols L.T. Sorokin as lifelong Russian intellectual: the enactment of a historically rooted sensibility // The American sociologist. 2012. Vol. 43. № 4. P. 374–405.
13. Ohno M. Sorokin revisited: the fate of grand theory or the possibility of cultural sociology // Memoirs of Kyoto Tachibana university. 2013. Vol. 39. P. 1–18.
14. Pitirim A. Sorokin: on the practice of sociology / Ed. by B.V. Johnston. Chicago (IL): University of Chicago press. 1998. 328 p.
15. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: a study of change in major systems of art, truth, ethics, law, and social relationships. New Brunswick (NJ): Transaction books. 1985. 718 p.
16. Sorokin P.A. Reply to my critics // Pitirim A. Sorokin in review / Ed. by Ph.J. Allen. Durham (NC): Duke university press. 1963. P. 369–496.
17. Sorokin P.A. Society, culture, and personality : their structure and dynamics: a system of general sociology. New York: Cooper Square publishers. 1962. 742 p.
18. Sorokin P.A. The ways and power of love: types, factors, and techniques of moral transformation. Philadelphia: Templeton foundation press, 2002. 552 p.
19. Sorokin P.A., Lunden W. Power and morality: who shall guard the guardians? Boston (MA): Porter Sargent publisher. 1959. 202 p.
20. Tiryakian E.A. The significance of schools in the development of sociology // Contemporary issues in theory and research: a metasociological perspective / Ed. by W.E. Snizek, E.R. Fuhrman, M.K. Miller. Westport (CT): Greenwood press. 1979. P. 211–233.
21. Weinstein J. Creative altruism: restoring Sorokin's program of applied sociology // Journal of applied sociology. 2000. Vol. 17. № 1. P. 86–117.

Кризис как состояние социальной реальности в социологической интерпретации П.А. Сорокина

Статья тематически ориентирована на изучение богатейшего творческого наследия российско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина. В качестве конкретного направления исследовательского внимания определена теория кризисов в ее приложении к социальным явлениям и процессам. Рассмотрены методологические посылки понимания социальной реальности и сорокинской парадигмы интегрализма, раскрыты общетеоретические компоненты теории кризисов, показаны структурные и процессуальные характеристики этого явления в работах П.А. Сорокина. Конкретное проявление кризисных явлений, их глубина и разрушительная сила, переход в катастрофы и дальнейший выход социокультурной системы в новое состояние изучены на материале широкомасштабных теоретических построений и доказательных фактических данных в основополагающих научных работах П.А. Сорокина.

Ключевые слова: Питирим Александрович Сорокин, творческое наследие, социальная реальность, социальное время, интегрализм, теория социальных кризисов, социокультурная динамика, социология революции в России 1917 года.

Petrov V.N. (Krasnodar). Crisis as a condition of social reality in sociological interpretation of P.A. Sorokin

The paper is thematically focused on study of rich creative legacy of Russian-American sociologist Pitirim A. Sorokin. As the line of research is defined theory of crisis in the matter of social phenomena and processes. This paper presents methodological aspects of analysis of social reality and paradigm of integralism by P.A. Sorokin, general-theoretical elements of theory of social crisis, structural and processual characteristics of this phenomenon in research paper by P.A. Sorokin. Specific aspects of crisis phenomena, its deep and destructive, escalation in disasters and continued transformation sociocultural system into new state were investigated on the materials of large-scale theoretical model and meaningful empirical data on foundational research paper by P.A. Sorokin.

Keywords: Pitirim A. Sorokin, creative legacy, social reality, social time, integralism, theory of social crisis, sociocultural dynamics, sociology of revolution in Russia in 1917.

Для цитирования: Петров В.Н. Кризис как состояние социальной реальности в социологической интерпретации П.А. Сорокина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 97–110.

For citation: V.N. Petrov. Crisis as a condition of social reality in sociological interpretation of P.A. Sorokin // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 97–110.

Введение

П.А. Сорокин, наш знаменитый соотечественник, яркий публичный социолог, блестящий ученый и организатор науки, мыслитель и пророк XX века, оставил бо-

гательшее творческое наследие в виде оригинальных теоретических концептов. По отношению к его личности и творческой деятельности сложилось пристальное и уважительное исследовательское внимание со стороны научной общественности в США. В 1990-е годы стало возможным широкое распространение творческого наследия П.А. Сорокина в современной России, что вызвало несомненный научно-исследовательский интерес российских ученых. В проведенных ими разработках затронут очень широкий круг вопросов, имеющих концептуальное значение в творческом наследии П.А. Сорокина. По некоторым из них написаны монографии и статьи, защищены диссертации. В данной статье читателю предлагается исследование одного из направлений неисчерпаемого разнообразия творческих идей научной социологической мысли П.А. Сорокина – теория социальных кризисов. Источником изучения методологических обоснований этой теории стали его работы, обращенные к проблематике данного социального феномена: «Социальная и культурная динамика», «Социология революции», «Кризис нашего времени», «Человек и общество в условиях бедствий»; «СОС: значение нашего кризиса», «Листки из русского дневника», «Долгий путь» и другие.

Система и структура социальной реальности в теории П.А. Сорокина

В самом начале становления П.А. Сорокина как ученого им были сформулированы структурные основы как самой науки социологии, так и представления о том, что составляет ее объектно-предметное поле. В дальнейшем эти концептуальные взгляды уточнялись, дополнялись. Характерно, что методологический дуализм в разделении социальной реальности на объективное и субъективное в соответствии с философскими парадигмами номинализма и реализма – неизменный спутник исследовательской культуры П.А. Сорокина.

Понимание Сорокиным объектно-предметного содержания социальной реальности находит свое отражение в предложенной им структуре социологии. По его модели она состоит из четырех главных отделов: общее учение об обществе, социальная механика, социальная генетика, социальная политика. Последний отдел, по определению ученого, представляется чисто практическим, прикладным, образно говоря, является социальной медициной или учением о счастье [10, с. 21].

По убеждению П.А. Сорокина, все социальное – множественная совокупность явлений надорганического типа. В работе «Преступление и кара, подвиг и награда» Сорокиным предлагается рассматривать в качестве основной методологической посылки в понимании социальной реальности утверждение: «социальное явление – объект социологии – есть, прежде всего, взаимодействие тех или иных центров или взаимодействие, обладающее специфическими признаками» [7, с. 39].

Отвечая на вопрос, что же это за специфические признаки, он поясняет: «Все процессы взаимодействия, обладающие психической природой, совершенно независимо от того, между кем или чем они совершаются, представляют социальное взаимодействие и тем самым являются объектом социологии» [7, с. 46]. В свою очередь, «каждое психическое взаимодействие имеет две стороны: одну внутреннюю – чисто психическую; другую внешнюю – символическую» [7, с. 66].

25 лет спустя это разделение на внутреннюю и внешнюю составляющие социальных явлений, в несколько ином виде, находит свое продолжение в «Социальной и культурной динамике», где ученый методологически полагает, что интегриро-

ванную систему культуры можно рассматривать с двух сторон: внутренней и внешней. Первая относится к сфере внутреннего опыта. «Это – сфера разума, ценности и смысла» [8, с. 56]. Ее он определяет понятием «культурная ментальность». Внешняя сторона «состоит из неорганических и органических объектов чувственного восприятия: предметов, событий, процессов, в которых воплощается, организуется, реализуется или облекается внутренний опыт» [8, с. 56].

Выстраивая модель первоэлементов социальной реальности, П.А. Сорокин полагает в качестве таковых индивидов, их действия и взаимодействия. Взаимодействию в этой логической цепочке придается ключевое значение. Именно в нем действующие оказывают влияние друг на друга, образуется взаимозависимость. Во взаимодействии каждое действие актора нацелено на то, чтобы вызвать у партнера ответную, ожидаемую реакцию.

Особую роль в формировании и функционировании всех состояний и всего разнообразия проявлений социальной реальности П.А. Сорокин отводил действию проводников, обеспечивающих наличную и действительную социальную связь в общественных системах. К таковым он относит «проводники взаимодействия, передающие, подобно телеграфной проволоке, влияние или раздражение, идущее от одних людей другим. Под проводниками взаимодействия следует разуместь все те средства, при помощи которых раздражение, идущее от одних людей, доходит до других» [6, с. 23].

По мнению П.А. Сорокина, все человеческое население распадается на ряд более тесных групп, образующихся из взаимодействия одного с одним, одного с многими и одной группы с другой. «Какую бы социальную группу мы ни взяли – будет ли ею семья, или класс, или государство, или религиозная секта, или партия – все это представляет или взаимодействие двух, или одного со многими, или многих людей со многими. Все бесконечное море человеческого общения составляется из процессов взаимодействия: односторонних и двусторонних, временных и длительных, организованных и неорганизованных, солидарных и антагонистических, сознательных и бессознательных, идейных, чувственно-эмоциональных и волевых» [6, с. 29–38].

Методология и метод в научном познании П.А. Сорокина

Сорокинская система социологии как ни одна из теоретических конструкций проникнута духом непосредственного анализа реальной социальной действительности. Уже в самом начале своего пути как творческого ученого Сорокин уверенно встал на позиции естественно-научного подхода в познании социальной реальности, используя идеи и экспериментальные решения набирающего популярность в научном сообществе того времени метода, который связан с именами Павлова и Бехтерева. Такова, например, его трактовка социальной реальности, существующей в виде раздражителей, реакций, проводников [6]. Таковы его характеристики причин революции, кроющихся в ущемленных инстинктах [9]. Естественно-научным является его понимание социальных явлений и процессов, логические конструкции и лексика. Он часто прибегает к формулированию постулатов и алгоритмов. Его письменная речь пестрит такими понятиями, как мембраны, лифты, сита, кумулятивные социальные группы, общество как сложный социальный агрегат, ей свойственно сравнение его устройства с автомобилем, радио и другими

техническими устройствами. В работе «Преступление и кара, подвиг и награда» он формулирует основные теоремы мотивационного поведения [7, с. 170–174].

Огромное значение в творческом познании социальной реальности Сорокина приобрели исторические эмпирические факты, дух и логика историзма. Его историзм проникнут стремлением обрести в прошлом, в состоявшейся социальной реальности надежную опору при исследовании действительного и настоящего. Громадный массив исторических и эмпирических фактов позволяет ему добиться детальнейшего рассмотрения исторических и происходящих сейчас событий, выстроить безупречную логику и добиться высокой степени полноты в раскрытии свойств и характеристик изучаемых социальных явлений и процессов. Работая с этим массивом, он определяет свои методы как логико-смысловой и причинно-функциональный, указывает, что сам он «систематически использовал скорее количественно-числовой, чем вербально-качественный метод и откровенно выкладывал перед читателем все данные, на которых основаны мои выводы» [8, с. 27–28]. Тщательность, обстоятельность, скрупулезность в использовании эмпирических материалов для Сорокина – неизменные условия качественной науки.

Ранний позитивизм Сорокина в интерпретации изменений социального пространства и исторического времени существования социальной реальности ориентирует на понимание ее без однозначного представления о прогрессе как бесконечном восхождении ко всему все более совершенному. Сорокин различает изменения, происходящие в микро- и макромасштабном времени, и при этом отвергает вариант линейного развития, настаивает на конструировании моделей сложных состояний и форм: циклических, синусоидальных флуктуаций, спиралевидных. Он часто апеллирует к необходимости выявлять тенденции, присущие длительным историческим фазам и периодам [5, с. 3–14].

Социальное время – методологический инструмент в теориях П.А. Сорокина

Социальное время занимает особое место в методологическом арсенале сорокинских теоретических построений. Социологическое исследование этого феномена представлено в статье, опубликованной в 1937 году в соавторстве с Р.К. Мертоном, и здесь чувствуется преобладание стиля Учителя по отношению к своему молодому 27-летнему коллеге.

Логика рассуждений авторов понятна. Они считают, что «астрономическое время однообразно, однородно; оно чисто количественно, лишено качественных свойств. Можно ли такими же характеристиками наделить время социальное? Очевидно, нет. «Мы видим, – считают они, – что система обозначения времени отражает социальные действия группы. Источники ее возникновения – коллективы. Обычай их соблюдения – социальная необходимость. Они возникают из жизненного цикла групп и в целом детерминированы религиозными действиями и трудовым распорядком дня. Их подкрепляет потребность в социальной координации. В сущности своей они продукт социальной интеракции. Дюркгейм точно подметил в этой связи, что «календарь выражает ритм коллективных действий, и в то же время его функция – обеспечение их регулярности» [11, с. 115].

«Отсюда, – утверждают ученые, – не обязательно следует, что у социального времени нет количественных аспектов. Однако, как представляется, оно не чистое количество, однородное во всех своих частях, всегда сопоставимое с собой и точно

измеряемое. В суждениях о времени присутствуют соображения способности, возможности, преемственности, постоянства, сходства. Равенство ценностей, относимых к интервалам времени, не обязательно есть измеренное равенство.

Различия в качестве порождают зависимость относительных ценностей отрезков времени не только от их абсолютной протяженности, но и от природы и интенсивности их качеств.

«В целом, – констатируют П.А. Сорокин и Р.К. Мертон, – можно сказать, наше исследование обнаружило к настоящему времени следующие факты: социальное время, в отличие от времени в астрономии, обладает качествами, а не только количеством; эти качества производны от верований и обычаев группы, они также служат обнаружению ритмов, пульсаций, биений обществ, в которых найдены» [11, с. 116].

Даже сегодня, – продолжают они, – очевидна распространенность «окраски» астрономического времени соображениями социальными. Достаточно вспомнить недавно введенное «зимнее время», – экономия за счет светлого времени суток. Того же результата: увеличение числа часов светлого времени суток для отдыха и здоровья – можно достигнуть и просто переходом на рабочий день с 8 до 4-х часов. Но формула «с девяти до пяти» так укоренилась в нашей экономике, что сочли предпочтительным менее резко сменить числовое обозначение единиц двадцатичетырехчасового цикла. Тем самым вновь продемонстрирована конвенциональная природа обозначения времени [11, с. 117–118].

Религиозные церемонии, ритуалы, празднования времен года, охота, военные походы, торги, межплеменные сходы и т. п. требуют сложного взаимодействия множества людей в фиксированное время – источник четко определенной системы указания времени. Системы времени, принятые в малых, тесно сплоченных группах, участвующих в одном и том же социальном цикле, по мере расширения взаимодействия делаются недостаточными. Люди, собравшись вместе из разных социальных и культурных условий (background), нуждаются в некоей темпоральной схеме, равно понятной всем, если они намерены синхронизировать и координировать свои действия.

Так, утверждают исследователи, социальная функция отсчета и обозначения времени как необходимого средства координации социальной деятельности послужила импульсом к появлению систем астрономического времени. Введение их стало необходимым из-за непригодности локальных систем в обстановке растущего числа контактов и организованной интеракции с вытекающей отсюда недостаточной однородностью ритмов социальных действий. Астрономическое время, своего рода «эсперанто в делах времени», явление социальное. Этот процесс шел быстрее по мере урбанизации и социальной дифференциации, когда по мере роста многомерности социального пространства стимулировал организацию ранее хаотично варьировавших действий индивидов [11, с. 118–119].

Итоговые выводы научного анализа сущности, места и функций социального времени в системе социальной реальности выражены в следующих утверждениях. «Локальные системы времени качественны, пронизаны выраженными местными значениями. Система времени, предназначенная для преодоления этого качества разных локальных систем, по необходимости должна абстрагироваться от индивидуальных свойств различающихся систем. Отсюда важный для нас социальный элемент определения концепции чисто количественного, однообразного и одно-

родного времени; одномерное астрономическое время было, в сущности, заменено многомерным социальным временем» [11, с. 119].

«Если мы хотим, – заключают они, – расширить наше знание темпоральных аспектов социальных перемен и процессов, мы должны шире трактовать нашу категорию времени, включив в нее понятие социального времени» [11, с. 119].

Теория факторов – продолжение П.А. Сорокиным научной традиции своего учителя М.М. Ковалевского

Важное методологическое значение для исследований П.А. Сорокина имеет теория факторов. П. Сорокин отрицает доминирование и сакрализацию однофакторности, ведущих к монизму, будь то экономический или географический детерминизм [8, с. 54].

В отдельных исследованиях он концентрировался на ведущих факторах, определяющих социальное поведение. Например, так, как это представлено в его знаменитом исследовании «Голод как фактор».

Венцом теоретической и эмпирически инструментальной оснащенности исследовательского действия Сорокина стала методология интегрализма, которую в «чистой социологии» пытаются трактовать как абстракцию и эклектику и что на самом деле то, что сегодня мы понимаем как системность и полипарадигмальность.

В познании всего сущего П.А. Сорокиным определен собственный путь, в котором органично и по принципу взаимодополнения соединены рациональность, чувства и вера. Сорокин был убежден, что в познавательном процессе его результатом может быть открытие различных видов истин: иррациональная, рациональная и чувственная [8, с. 61–62]. Однако полное представление об объекте и предмете научного социального исследования может быть получено при соединении и сочетании способов и соответствующих им инструментов, характерных для иррационального (интуитивного), рационального (логического) и чувственного (эмпирического) познания. Именно это соединение позволило выработать его уникальную, парадигмального значения методологию интегрализма и осуществить с ее помощью глубокую теоретическую и эмпирическую проработку многих новаторских концептуальных идей.

Путь к этому был вовсе не прост. Он проходил через мировоззренческий кризис в теориях самого Сорокина, его «творческой эволюции» от позитивизма и биохевиоризма к интегрализму.

Общие положения теории кризисов П.А. Сорокина

Социальный кризис рассматривается П.А. Сорокиным как появление и развитие различных деформаций социальных явлений, их состояний и процессуальных изменений. Сами по себе деформации – искажение и утрата, частичная или полная, заданных социальных свойств и качеств. Они могут быть поняты как нарушение и отклонение от сложившегося и устоявшегося причинно обусловленного порядка. Деформации происходят на уровне личностей, групп и общностей людей, в социально-институциональном пространстве, экономике, политике, в социокультурной сфере. Деформации социальной реальности становятся характеристикой определенного социального времени.

Исследуя современную ему общественную ситуацию в региональном, страновом и глобальном масштабе, П.А. Сорокин указывает на бесконечное многообразие непрекращающихся больших и малых кризисов. Кризисы политические, аграрные, финансовые, промышленные. Кризисы производства и распределения. Кризисы моральные и религиозные. Кризисы в науке и искусстве. Кризисы собственности, государства, семьи, предпринимательства, республики и монархии, автократии и демократии, диктатуры и самоуправления, капитализма и социализма, фашизма и коммунизма, национализма и интернационализма, пацифизма и милитаризма, консерватизма и радикализма. Кризис всей системы ценностей нашей культуры. «Каждый из этих кризисов являл собой, так сказать, часть большой ужасающей симфонии, и каждый был замечателен своей силой и интенсивностью» [8, с. 787].

С присущей ему литературно-художественной образностью П.А. Сорокин вводит понятие «кризисные фестивали», указывает на их оркестры и хоры. Этот фестиваль, считал он, в XX веке начался с 400 млн китайского оркестра в 1911 г., затем продолжился кризисами режимов и стран в Европе, а с конца 1929 г. разразился в США. Оглушительный военный марш был исполнен духовым оркестром из многих сот наций в Первой мировой войне. Не успел еще закончиться этот фестиваль, как русский оркестр в составе почти 160 миллионов виртуозов разыграл свою собственную вариацию под названием «коммунистическая революция» [8, с. 787].

В кризисных гала-концертах мелодика и последовательность подчинены всем правилам исполнения музыкального произведения: начинаются они *pianissimo* и далее по нарастающей *moderato*, *staccato*, *fortissimo*.

Совокупность кризисных явлений, достигших пика своей разрушительной силы, квалифицируется П.А. Сорокиным как катастрофа. Говоря о политическом кризисе июля 1917 г. в России, он обращает внимание на его катастрофические последствия, predeterminedенные идеологией большевизма: довести революцию до конца, разрушая все до основания. Революция 1917 г. – это катастрофа, вызвавшая обрушение всего общественного здания. Она стала хирургическим разрешением социальных противоречий, в отличие от возможности терапевтического пути.

Вместе с тем общественные кризисы и происходящие в результате их разрушительной силы катастрофы не являют собой конец истории ни человечества в целом, ни его отдельных общностей и групп. Кризисы представляют собой особые переходные состояния социальной реальности, в которых резко проявляется острота противоречий между отжившим и уходящим, отмирающим старым и становящимся новым, а также противоречий в самом новом.

Общественный кризис в процессах флуктуации базовых ценностей культурных суперсистем

Одной из центральных проблем научного внимания П.А. Сорокина стала теоретическая разработка теории флуктуации определенных состояний культуры. На огромном историческом и современном фактическом материале он детальнейшим образом исследовал, типологизировал и классифицировал содержание и формы культурной ментальности. Отвергая линейный подход в исследовании социальных явлений и процессов, на множестве конкретных фактов и примеров он доказал, что флуктуация культур – это исторический процесс, в котором происходит утверждение, распространение и практическая реализация выделенных им типов культуры

(чувственная, идеациональная, идеалистическая). Каждая из культур в своих ареалах распространения образует суперсистемы с господствующей системой ценностей. Каждая из них во множестве разновидностей представляет собой комплекс ментальных особенностей в восприятии действительного и трансцендентного миров и его отображение в отношениях с ними. В каждом из них происходит акцентирование действий на соответствующем, специфическом виде и способах деятельности.

Смена состояний флуктуационной синусоиды, процессы перехода от одного к другому неизбежно находят свое выражение в совокупности явлений, свидетельствующих о кризисе уходящей культуры и трудностях становления и утверждения идущей на смену. Остановимся на нескольких аспектах теории общественного кризиса П.А. Сорокина: кризисе как необходимости разрешения противоречия между чувственной и идеациональной ценностными системами; социальной революции как кризисном явлении и процессе; революционном кризисе и катастрофе в России 1917 г.

Приоритетное положение в системе объяснений существа культуры П.А. Сорокин отводил «культурной ментальности» – сфере внутреннего опыта, включающей разум, ценности и смысл [8, с. 56]. Он постоянно напоминал, что определяющее влияние на формирование и существование базовых ценностей культурной ментальности идеационального и идеалистического вида оказывают религиозные учения. Связывая созидательный альтруизм (Любовь) с идеациональной культурой, ученый подчеркивал: «Если на один момент мы представим христианство устраненным из исторической жизни, социальных институтов и культуры Запада; конфуцианство, даосизм и буддизм – из жизни и культуры Китая; индуизм, буддизм и джайнизм из социокультурного универсума Индии – только хаотическая масса развалин останется от культуры, социальных институтов и исторической жизни этих стран. Без этико-религиозных систем вся история становится непонятной» [8, с. 251].

В теории П.А. Сорокина кризис, переживаемый в современную ему эпоху, практически глобального масштаба – это кризис чувственной культуры, которая господствовала в западном мире в течение последних пяти столетий и ныне достигла состояния перзрелости. Вместе с тем это кризис тесно связанного с ней договорного (капиталистического) общества [8, с. 786]. Обосновывая противоречия, порожденные чувственной культурой, как источник современного кризиса, П.А. Сорокин тем не менее подчеркивал, что его теория «не предрекает ни неизбежной смерти, ни упадка западной культуры и общества. Признавая закат нынешней чувственной фазы и вероятность мучительного перехода, она вместе с тем показывает и возможность рождения новой величественной идеациональной или идеалистической культуры, нового общества и человека» [8, с. 793]. «Возможность упадка, – заключал П.А. Сорокин, – нынешней культурной фазы не наполняет меня пессимизмом. Каким бы глубоким ни был современный кризис – а он значительно глубже, чем думают большинство людей, – после трудного переходного периода смутно видится не пучина смерти, а горная вершина жизни, с которой открываются новые горизонты созидания и обновленный вид вечных небес» [8, с. 29–30].

Указывая на перспективы выхода из кризиса, П.А. Сорокин обозначил их в названии одной из глав «Социальной и культурной динамики» так: «Сумерки

нашей чувственной культуры и ближайшие перспективы. Кризис... Катарсис... Харизма... И Воскресение» [8, с. 880–887]. Поскольку, по убеждению ученого, это способ, посредством которого была преодолена большая часть предыдущих великих кризисов, то увенчается этот путь благополучным исходом. Наступит время, когда «народы Запада войдут в конструктивный период новой, более интегралистской суперсистемы». Что касается сроков реализации своих прогнозов, то Сорокин был уклончив в их определении. Часто употребляемое им понятие «age» переводится как время, эпоха, век, но конкретного ответа на вопрос, сколько будет длиться эта переходная эпоха, эпоха кризиса, и какое время еще предстоит проявляться негативными кризисными последствиями, в работах ученого нет.

Социальная революция как самое яркое проявление общественного кризиса

П.А. Сорокин вскрыл глубокие имманентные причины напряжений в общественной системе, вызывающие возникновение малых и больших кризисов, как-то: социального беспокойства, волнений и революций. В самом общем виде – это специфическое состояние социокультурной структуры отношений и ценностей. «Поскольку рано или поздно, в силу изменения присущего во всякой социокультурной системе, любая система неизбежно приходит в расстройство, «увядает» и разрушается, социокультурный строй всякого общества должен переживать переходные периоды и заодно испытывать нарастающие волны беспорядков» [8, с. 762]. Теория социальной революции П.А. Сорокина, основанная на огромном историческом фактическом материале, подкреплена конкретными доказательными примерами, включает несколько ключевых положений. Основное место среди них занимает: а) указание на факторы, выступающие в качестве причин революции (ущемленные «инстинкты» – социальные потребности); в) трактовка субъекта революции (представители средних социальных слоев – «головастики»); с) представление о контрсубъекте революции (аристократия и власть).

Рассматривая в целом революцию как кризисный процесс, он выделяет в ней несколько фаз: предреволюционную, непосредственно революционную и постреволюционную. На каждом из указанных этапов действуют свои обуславливающие революционное движение факторы и условия, свои особенности развертывания кризиса.

Первым и основным комплексом признаков, свидетельствующих о надвигающемся революционном кризисе, по убеждению Сорокина, становится общественное состояние, в котором со все большей силой проявляются ущемленные «рефлексы» (они тождественны социальным потребностям). К таковым Сорокин относит: потребность питания (или пищевые рефлексы) значительной части населения; рефлексы индивидуального самосохранения; рефлексы группового самосохранения; потребность в жилище, одежде, тепле; рефлексы половые; инстинкты собственности; инстинкты самоуважения и собственного достоинства; инстинкты драчливости; борьбы и конкуренции; творческой работы, разнообразия и приключений и «рефлексы свободы» [9, с. 309–310].

Обострение лишений в виде ущемленных инстинктов составляет содержание преактивной фазы революции. Возросшее давление ущемленных рефлексов (инстинктов, социальных потребностей) переводит ее в фазу действий. «1) Рост ущемленных главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бес-

силе групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов – таковы необходимые и достаточные условия наступления революций» [9, с. 312].

Кризисное состояние в области удовлетворения потребностей может перейти в фазу активной революции при наличии ее субъекта, то есть сил, способных совершить решительные действия. Под таковыми Сорокин понимает достаточно развитый слой представителей среднего класса, у которых, по его мнению, сформировалась способность и готовность управлять. Однако в существующей системе власти, в силу искусственно закрытых каналов вертикальной социальной мобильности, путь наверх им закрыт заостреннейшей элитой. Сорокин именует таких представителей «головастиками» [9, с. 386].

Еще один комплекс факторов, создающих революционный кризис, – состояние правящей элиты и представляемой ею власти. «Предреволюционные эпохи, – констатировал П.А. Сорокин, – просто поражают бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев, не способных успешно выполнять ни функции власти, ни противопоставить силе силу, ни разделить и ослабить оппозицию, ни уменьшить ущемление, ни канализировать его в формах, отличных от революции» [9, с. 380].

Революционный кризис и социальная катастрофа в России 1917 г.

Революционный процесс в России 1917 г. П.А. Сорокин рассматривает как взаимосвязанную цепь кризисных состояний: предреволюционный (думская сессия и речь Милюкова), февральские события 1917 г. и падение самодержавия, апрельский (нота Милюкова), июльский, августовский, сентябрьский кризисы и, наконец, катастрофа, вызванная октябрьским большевистским переворотом. Предреволюционный кризис в российском обществе носил всеохватывающий характер. Его явным признаком стало катастрофическое падение авторитета, а значит, доверия и поддержки государственной власти в лице царской семьи и институтов самодержавия. Усталость от ее векового существования и раздражение от неспособности адекватно реагировать на изменившуюся действительность создала глубокие трещины в психологии и сознании масс.

Наблюдая за происходящими кризисными переменами, П. Сорокин замечает: «На вчерашнем заседании депутатов, политиков, ученых и писателей в доме Шубина-Поздеева даже самые убежденные консерваторы высказывались о приближающейся революции как о чем-то неизбежном. Графы и бароны, помещики и капиталисты – все шумно одобряли едкую критику, прозвучавшую в адрес правительства, и приветствовали начинающуюся революцию» [4, с. 51].

Кризисным стало состояние армии от ее поражений и накопления общей усталости от тягот бессмысленной и бесперспективной войны. В политической области – это кризис думской власти, не способной добиться от царизма уступок в вопросе реформирования органов управления государством посредством создания «ответственного правительства». Война до крайних пределов обострила продовольственный кризис.

В этой кризисной среде подобно пожару глубоко и масштабно распространились революционные настроения и произошли революционные действия. Царизм пал легко, как картонный домик. Устранение его из политической жизни было встречено с ликованием в самых различных слоях российского общества.

В 1917 году П.А. Сорокин, как и многие представители российской научной и общественно-политической интеллигенции, не мог остаться просто отстраненным наблюдателем происходящих событий. Вполне логичным выбором, вытекающим из его предшествующего жизненного пути, стало активное, непосредственное участие в революционном процессе, более того, он оказался в эпицентре революционного водоворота. Его неумная энергия, проникнутая чувствами тревоги и ответственности за настоящее и будущее любимой России, нашла свое применение в самых разнообразных формах: обсуждение со сторонниками, дискуссии с оппонентами по поводу происходящего и перспектив; выступления с речами и докладами, редактирование газеты «Воля народа», злободневные публикации в прессе, организационная работа по созыву Всероссийского крестьянского съезда, подготовка резолюций по итогам работы, участие в выборной кампании избрания делегатов Учредительного собрания. В этот необычайно насыщенный и по содержательному значению, и по интенсивности период жизни политическая деятельность всецело поглощала его. Повествуя о первых днях революционного подъема в феврале 1917 г., он намечает свой выбор в новой ситуации: «Я взглянул на свои книги и рукописи, подумал, что придется отложить их на время в сторону. Сейчас не до занятий. Надо действовать» [2, с. 86]. Внимание и интерес к научным занятиям уступили место политике. Даже знаменательнейшее событие личной жизни – заключение брака с Еленой Баратынской – произошло быстро и крайне скромно. «26 мая 1917 г. был днем моей свадьбы. Она представляла собой действительно революционное бракосочетание. После церемонии венчания в церкви, на которую я явился прямоком с какого-то важного митинга, мы с женой и друзьями имели только полчаса на обед, а затем мне уже надо было поторапливаться на другое окаянное мероприятие» [2, с. 97].

В накале политических страстей Сорокин-ученый вынужден уступить Сорокину-революционеру, однако эта уступка оказалась неполной и временной. Сорокин-социолог во всех обстоятельствах оставался исследователем. Уже через полгода революции он записывает в дневнике: «Я приступил к более глубокому изучению Великой французской революции. Как повторяется история! Кто мы, как не русские жирондисты? Какая ждет нас судьба? Такая же как у них? Что случится с Отечеством? Вероятно, тот же ужас, кровопролитие и разруха...» [4, с. 104].

В целом его отношение к революционным событиям можно определить как сдержанный оптимизм. Однако это отношение корректируется наблюдением и анализом конкретных ситуаций. Достаточно часто в нем присутствуют пессимистические нотки, драматизм, трагедийность. Временами же Сорокин-политик, оставаясь стойким приверженцем правого крыла партии эсеров, демонстрировал взгляды и высказывал предложения бескомпромиссно-радикального характера. Он очень резко осуждал провокационное выступление большевиков 5–6 июля 1917 г. в Петрограде и призывал к жесткой реакции на него. «Мы, умеренные, не кровожадны, тем не менее, чтобы предотвратить повторение таких бунтов, мы должны проявить большую твердость. Если необходимо казнить несколько тысяч бандитов, чтобы спасти миллионы жизней русских людей, мы должны быть готовы сделать это» [4, с. 92–93].

Тревоги и опасения П. Сорокина не беспочвенны. Всякий раз в изменяющейся действительности он стремится взглянуть на происходящее с максимально реалистичных позиций, прагматично видит расклад политических сил, трезво оценивает их исторический потенциал. Он хорошо понимает, что российское общество, не

успев толком выйти из катастрофического кризиса, вызванного падением царского самодержавия, сразу же погружается в пучину кризиса, создаваемого Двоевластием. Один за другим следуют кризисы, вызванные беспомощностью и бездействием Временного правительства, его откровенными просчетами и ошибками в политике и действиях. Эти кризисы углубляются и масштабируются: неопределенностью будущего государственного устройства России; разлагающейся и выходящей из повиновения армией, требующей мира; растущим напряжением в среде крестьянства, мечтающего получить землю; усугублением продовольственного снабжения; радикализацией требований и действий большевиков, подкрепленных созданием военно-революционных комитетов в воинских полках и вооруженных формирований в виде красногвардейских отрядов.

При всей приверженности Временному правительству Сорокин относится к нему очень скептически. «А что же правительство? Лучше, наверное, было бы вообще не говорить о нем. Благородные идеалисты, эти люди не знают азбуки государственного управления. Они сами не ведают, чего хотят, а если бы и знали, то все равно не смогли бы этого добиться» [2, с. 92].

Не более лестна его оценка государственной деятельности А.Ф. Керенского. Характеризуя его, он отмечает: «Керенский практически не занимается конструктивной работой... Как человек он честен, искренен и готов отдать свою жизнь ради блага страны. Но он некомпетентен, безволен, не имеет четкой позиции. Он ничего не знает об искусстве управления... Хороший человек, но слабый руководитель, типичный представитель русской интеллигенции» [4, с. 95].

В целом П. Сорокин оказался удивительно прозорливым публицистом, вполне реалистично оценивающим каждую конкретную социально-политическую ситуацию. Уже в самом начале существования двоевластия он предрекает победу Совета в противостоянии его с Временным («очень непрактичным») правительством.

При всем этом он последовательно и стойко остается непримиримым идеологическим противником большевизма и большевиков. Уже в условиях состоявшегося захвата и существования новой власти негибимый Сорокин бросает ей смелый вызов: «В редакции моей газеты я написал свою первую статью о победителях, клеймя их как убийц, насильников, бандитов и грабителей, и подписал ее полным именем, невзирая на протесты моих коллег и даже наборщиков. «Пусть стоит, сказал я, имея в виду подпись. Мы все, так или иначе, смотрим в лицо смерти» [2, с. 109]. (См.: статьи в газете «Воля народа»: «Победителям», «Во власти преторианцев» [3, с. 180, 182].).

В конце 1917 – начале 1918 г. в условиях большевистски-радикального этапа революции Сорокин остается верен своему революционному долгу, преданным и стойким приверженцем идеи мирного революционного преобразования Российского общества. Финалом этого этапа для него становится арест большевиками и отход от активной политической деятельности.

Заключение

Итак, П.А. Сорокин теоретически и на прочном фундаменте эмпирических фактов обосновал глобальной значимости вывод о кризисе, переживаемом современными ему модернизированными обществами: «Человечество должно быть благодарно чувственной культуре за ее замечательные достижения. Но теперь, когда она пребывает в агонии, когда ее продукт – это скорее отравляющий газ, чем све-

жий воздух, когда, благодаря своим достижениям, она вручила человеку ужасающую власть над природой, обществом и культурой, не обеспечив его при этом ни средствами самоконтроля, ни властью над своими стремлениями, чувствами, инстинктами, – теперь в руках такого человека со всеми достижениями ее науки и техники, она становится чрезвычайно опасной и для самого человека, и для всех его ценностей» [8, с. 793].

Ученый прогнозировал наступление царства умственной, моральной, эстетической и социальной анархии; нарастание атомизации чувственных ценностей; падение значения «общественного мнения» и «мирового сознания»; утрату в договорах и соглашениях остатков обязывающей власти; превращение грубой силы в право и как результат этого – масштабные социальные конфликты, потрясения и катастрофы; вырождение свободы и превращение ее в миф, лишение неотъемлемых прав; кратковременные правительства, которые создадут условия для замены: бомбы вместо хлеба, смерть вместо свободы, насилие вместо закона, разрушение вместо созидания; продолжение распада семьи; превращение чувственной суперсистемы культуры в базар, где она станет «местом культурного демпинга»; место настоящих мыслителей и ученых займут посредственности, одна вульгарнее другой; количественная гигантомания вытеснит качественную утонченность; мышление заменится «поиском информации»; величайшие культурные ценности прошлого подвергнутся унижению; творческие способности чувственной ментальности станут убывать; уменьшится безопасность жизни и имущества; произойдет раскол среди населения на гедонистов и аскетов и стойков [8, с. 880–883].

Выход же из кризиса, как полагал П.А. Сорокин, может произойти через катарсис. «Западному обществу, очищенному огнем пережитой катастрофы, будет ниспослана благодать (харизма), а вместе с ней – воскрешение и высвобождение новых творческих сил» [8, с. 884].

Надежду на выход из общественного кризиса П.А. Сорокин связывал с новым человеком, носителем идеациональной и идеалистической культур, которому «можно будет доверить то стоящее, что создано чувственной культурой. При современном уровне развития техники он сумел бы построить культуру и общество менее бедное и несчастное, не знающее ни личной ни сословной ненависти, более благородное, справедливое, человеческое и более благочестивое, чем наше чувственное общество в его нынешней фазе» [8, с. 794]. В записи (?) В.Ф. Булгакову от 19 апреля 1923 г. он формулирует основные принципы своего миропонимания и деятельности: «Жить и действовать при всех условиях, стремиться любить людей и мир... Жизнь, даже самая тяжелая – великое благо по сравнению со смертью, а любовь – душа жизни» [1, с. 40]. Завершая в этом же году полное душевного трагизма и драматических переживаний от случившегося в России «Листки из русского дневника», П.А. Сорокин с оптимизмом и светлыми надеждами был устремлен в будущее. Его жизненное кредо приобретает ясный и заверченный вид. «Чтобы не случилось со мной в будущем, я уверен, что три вещи останутся навсегда убеждениями моего сердца и ума. Жизнь, как бы ни была она тяжела, – это самая прекрасная, удивительная и чудесная вещь в мире. Только посвятив ее служению долгу, можно сделать ее счастливой и тем самым наполнить душу необоримыми силами, чтобы служить идеалам, – таково мое второе убеждение. И, наконец, в-третьих, я убежден, что жестокость, ненависть и несправедливость никогда не были и никогда не будут способны построить на земле Царство Божие» [4, с. 233–234].

Литература

1. Дойков Ю. Питирим Сорокин в Праге. 1922–1923. Архангельск, 2009. 146 с.
2. Сорокин П.А. Долгий путь: автобиографический роман: пер. с англ. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. 304 с.
3. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.
4. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с.
5. Сорокин П.А. Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 3–14.
6. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. М.: Наука, 1994. 560 с.
7. Сорокин П.А. Преступление и кара: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 496 с.
8. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин: пер. с англ., вст. статья и коммент. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
9. Сорокин П.А. Социология революции // Питирим Александрович Сорокин: вступ. статья Ю.В. Яковца; предисл. И.Ф. Курова, И.И. Лукинова, Т.И. Деревянкина; подгот. текста, сост. и коммент. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2008. 784 с.
10. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 349 с.
11. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.

References

1. Dojkov YU. Pitirim Sorokin v Prage. 1922–1923. Arhangel'sk, 2009. 146 s.
2. Sorokin P.A. Dolgij put': avtobiograficheskiy roman: Per. s angl. Syktyvkar: SZH Komi SSR, MP «SHypas», 1991. 304 s.
3. Sorokin P.A. Zаметki sociologa. Sociologicheskaya publicistika. SPb.: Aleteyja, 2000. 300 s.
4. Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologiya revolyucii / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: ООО «Anbur», 2015. 848 s.
5. Sorokin P.A. Obzor ciklicheskih koncepcij social'no-istoricheskogo processa // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. №12. S. 3–14.
6. Sorokin P.A. Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznyh let / In-t sociologii. M.: Nauka, 1994. 560 s.
7. Sorokin P.A. Prestuplenie i kara: Sociologicheskij ehtyud ob osnovnyh formah obshchestvennogo povedeniya i morali / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: ООО «Anbur», 2015. 496 s.
8. Sorokin P.A. Social'naya i kul'turnaya dinamika / Pitirim Aleksandrovich Sorokin: per. s angl., vst. stat'ya i kommentarii V.V. Sapova. M.: Astrel', 2006. 1176 s.
9. Sorokin P.A. Sociologiya revolyucii // Pitirim Aleksandrovich Sorokin: vstup. stat'ya YU.V. Yakovca; predislovie I.F. Kurosa, I.I. Lukinova, T.I. Derevyankina; podgotovka teksta, sostavlenie i kommentarii V.V. Sapova. M.: Astrel', 2008. 784 s.
10. Sorokin P.A. Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo / Obshch. red., sost. i predisl. A. YU. Sogomonov: Per. s angl. M.: Politizdat, 1992. 349 s.
11. Sorokin P.A., Merton R.K.. Social'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funkcional'nogo analiza // Sociologicheskie issledovaniya. 2004. № 6. S. 112–119.

Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в теории социокультурной динамики П.А. Сорокина

В статье на основе письменных источников прослеживается преемственность идей А.С. Лаппо-Данилевского в научном творчестве П.А. Сорокина. Дается небольшой экскурс в историю личных и профессиональных взаимоотношений мыслителей. Автор рассматривает две «когнитивные зоны совпадений» с точки зрения содержания и формы.

Ключевые слова: А.С. Лаппо-Данилевский, П.А. Сорокин, методология истории, культура, ценности, теория социокультурной динамики, социокультурная система, историко-культурный процесс.

Vasilenko V. (Stavropol). A.S. Lappo-Danilevskiy's ideas in the context of the P.A. Sorokin theory of social and cultural dynamics

This article is based on the written sources where we can see the ideas of Lappo-Danilevskiy taken in the scientific creation by P. Sorokin. There is an introduction which helps us to know the history of professional and personal relationships of these two philosophers. The author tells about the two «cognitive zones of matches» according to their contents and view.

Keywords: A. Lappo-Danilevskiy, P. Sorokin, the methodology of history, culture, values, the theory of social and cultural dynamics, sociocultural system, historical and cultural process.

Для цитирования: Василенко В.В. Идеи А.С. Лаппо-Данилевского в теории социокультурной динамики П.А. Сорокина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 111–123.

For citation: V.V. Vasilenko. A.S. Lappo-Danilevskiy's ideas in the context of the P.A. Sorokin theory of social and cultural dynamics // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 111–123.

О последних днях жизни А.С. Лаппо-Данилевского в начале 1919 г. П.А. Сорокин в своем дневнике писал: «Сегодня после обеда хоронили академика Лаппо-Данилевского. На прошлой неделе, когда я посещал его, он выглядел живым скелетом. Слабо улыбаясь, он рассказал, что несколькими днями ранее, по дороге в академию, упал и слегка повредил ногу. Три дня спустя я навестил его в больнице, где ему сделали хирургическую операцию. Лежа в больничной койке, этот умирающий человек читал «Феноменологию духа» Гегеля. «Никогда не было времени внимательно проштудировать её, – прошептал он. – Начну сейчас». На следующий день он скончался [23, с. 145].

Так уходил из жизни один из ярчайших представителей дореволюционной интеллектуальной традиции, один из основателей российской методологии истории и социологии.

Как справедливо отмечает А.В. Лубский, российской социогуманитарной мысли на рубеже XIX–XX вв. было свойственно «стремление к изучению природы познания, в том числе исторического», а «достижения отечественных ученых в области разработки проблем методологии истории выдвинули российскую науку на ведущие позиции в мире» [16, с.6]. Это было связано с изменениями, произошедшими во многих сферах исторического сознания. Целый ряд исследователей, обращаясь к методологической проблематике, начинают понимать историю и как объект исследования, и как метод познания этого объекта, а теорию и философию истории отождествлять с методологией истории (Н.М. Бубнов, Е.Н. Щепкин и др.).

Особую роль в становлении отечественной методологии истории как «дисциплины научно-исторического мышления» [15, с. 16] сыграл А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919). С его именем прежде всего связано распространение в России некантианской методологии, ее «номотетического направления». Эта сторона научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского достаточно хорошо изучена [19; 20; 35; 36], а вот изучение его вклада в продвижение отечественной социологии пока еще только начинается. Публикаций по этому вопросу немного, выделяются работы В.В. Козловского [8] и А.В. Малинова [18]. В.В. Козловский отметил «творческие интуиции» А.С. Лаппо-Данилевского как «историка, социолога, философа» [8, с. 5–7]. А.В. Малинов определил во втором десятилетии XX в. окончательно сформировавшийся «более широкий теоретический подход Лаппо-Данилевского к проблемам историографии, что позволило ему, опираясь на историю, перейти к формулированию обобщающей науки о социальных явлениях, теоретическому обществензнанию, отождествляемому им с новой в то время дисциплиной – социологией» [18].

В отечественной литературе существует мнение о том, что А.С. Лаппо-Данилевский не принадлежал ни к какой научной школе и не создал собственной, в связи с чем его научные идеи не получили продолжения в отечественной науке. В.В. Козловский подчеркивает самостоятельный характер теоретических построений ученого. С точки зрения А.В. Малинова, «ближайшие ученики по разным причинам отошли от занятий методологией только, и вскоре эта традиция прервалась, сохранившись лишь как, быть может, один из наиболее «чистых» опытов академической философии истории» [19, с. 229]. Отчасти подобное суждение, возможно, строится на основе закрепившейся за А.С. Лаппо-Данилевским репутации одинокого и замкнутого человека. Составитель исторической биографии ученого Ю.В. Дойков так характеризует личность академика: «...Лаппо-Данилевский даже на фоне ученых начала века, которыми блистала российская столица, был «белой вороной». Ни в каких партиях и кланах не состоял» [3, с. 251]. Данная точка зрения не совсем соответствует действительности. А.В. Малинов упоминает о членстве А.С. Лаппо-Данилевского в партии кадетов. Также известно, что с 1904 г. А.С. Лаппо-Данилевский руководил студенческим научно-литературным кружком, связываемым некоторыми исследователями с деятельностью В.И. Вернадского, Д.И. Шаховского, И.М. Гревса и др.

А.С. Лаппо-Данилевский проводил различие в отношении предмета и методов социологии и истории. В своей научной деятельности он в большей степени работал над проблемами теории или методологии истории. В образовательной деятельности на основе широкого эмпирического материала выстраивал социологическую теорию, читал лекции не только по истории, но и социологии, вел семинар по методологии общественных наук.

Ряд исследователей [8; 17; 18] сходятся во мнении, что в последние годы жизни исследовательский интерес ученого был обращен в сторону социологии. На это указывает А.В. Малинов, утверждая, что посмертное переработанное издание «Методологии истории» в большей степени было пронизано теоретическими идеями обществознания, нежели предыдущие.

Не случайно после смерти М.М. Ковалевского в 1916 г. А.С. Лаппо-Данилевский вместе с П.А. Сорокиным взял на себя непростую научно-организационную функцию объединения социологов. В ноябре 1916 г. он был избран первым председателем Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского, а в 1918 г. возглавил комиссию Академии наук по созданию Института социальных наук.

Как известно, идея создания социологического общества изначально была высказана К.М. Тахтаревым в 1906 г., а в 1912 г. поддержана М.М. Ковалевским, когда и была осуществлена первая попытка по его организации. После смерти М.М. Ковалевского удалось воплотить идею в жизнь.

Увлечение П.А. Сорокина социологией состоялось еще в годы обучения в Психоневрологическом институте (1909–1910 гг.). В институте существовала единственная на тот момент в стране кафедра социологии, на которой преподавали М.М. Ковалевский, Е.В. Де Роберти, А.С. Лаппо-Данилевский. В общении с преподавателями преобладал «особый тон и сердечность», в институте царила демократическая атмосфера. [23, с. 51–52]. Как вспоминал сам П.А. Сорокин, его активность на семинарах и заинтересованность в личном общении с преподавателями способствовали установлению теплых отношений, что в дальнейшем привело к тесному научному сотрудничеству.

П.А. Сорокин был не только любознательным учеником. Со временем он стал секретарем М.М. Ковалевского, а впоследствии и его другом [4; 5]. Именно поэтому после смерти выдающегося учителя создание социологического общества он считал своим долгом. С этой инициативой П.А. Сорокин вместе со своими единомышленниками Я.М. Магазинером, Н.Д. Кондратьевым, П.И. Люблинским, С.И. Солнцевым и др. обратились к наиболее авторитетным петербургским представителям обществознания.

С А.С. Лаппо-Данилевским П.А. Сорокин был знаком еще с Психоневрологического института. Близкий друг П.А. Сорокина Н.Д. Кондратьев в университете слушал лекции А.С. Лаппо-Данилевского по истории древнерусского хозяйства. В 1915 г. к 25-летию научной деятельности академика он даже написал статью [9]. Личность академика была привлекательной, с одной стороны, в связи с его международным авторитетом. Он участвовал в международных исторических съездах в Берлине (1908 г.), в Лондоне (1913 г.), поддерживал научные связи с представителями международного научного сообщества, являлся членом Международной ассоциации академий, членом Международного социологического института. С другой стороны, ориентируясь не на позитивистский идеал, а на неокантианский подход, он выработал собственный вектор теоретико-методологического познания общества в прошлом и настоящем. Его «номотетический ход мысли» многим современникам казался не историческим, а скорее гносеологическим, философским. В этой связи его основной труд, в котором было изложено собственное видение «Методологии истории», впервые изданный в 1909 г., затем доработанный в 1910 и 1913 гг., вызывал интерес и порождал дискуссию. О значимости данного труда

свидетельствует тот факт, что начиная с 1918 г. материалы из книги публиковались в «Известиях Академии наук» [10; 11; 12; 13; 14; 15].

К тому же, как отмечалось выше, А.С. Лаппо-Данилевский находился вне научного сообщества университетских историков, а общество задумывалось как самостоятельная структура вне всяких учреждений и научных школ. В этом отношении кандидатура А.С. Лаппо-Данилевского в качестве председателя вполне соответствовала поставленным перед научным обществом задачам.

О том, что П.А. Сорокин взаимодействовал с выдающимся ученым, особенно в последние годы его жизни, свидетельствуют письменные источники личного происхождения, воспоминания П.А. Сорокина [23]. Анализ же теоретических источников, научных трудов, принадлежащих перу А.С. Лаппо-Данилевского и П.А. Сорокина, дает возможность проследить, каким образом и в какой части идеи А.С. Лаппо-Данилевского повлияли на становление научного мировоззрения П.А. Сорокина, и выявить общность «творческих интуиций» [8], так называемые когнитивные зоны совпадений [16, с. 165].

На преемственность идей впервые обратил внимание советский исследователь И.А. Голосенко, отметивший, что П.А. Сорокин явился «завершающей фигурой «русской традиции», в которой он играл весьма значительную роль» [2, с. 116]. Помимо П.А. Сорокина в «русской традиции» И.А. Голосенко выделял Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, В.М. Хвостова, К.М. Тахтарева, Н.С. Тимашева.

Позже «черты русской соборности, перетолкованной на американский лад», в интегральной методологии П.А. Сорокина обнаружил В.В. Сапов, высказав точку зрения о том, что «на создание концепции социокультурной динамики Сорокина оказали влияние идеи Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева [...] будучи западником в России, Сорокин после переезда в США, после отказа от идей «умеренного бихевиоризма» закончил свой творческий путь как бы духовным возвращением на родину» [21, с. 39–40].

О прямом влиянии научных идей и положений теории А.С. Лаппо-Данилевского на формирование научного мировоззрения П.А. Сорокина, его интегральную методологию более десяти лет тому назад впервые обратила внимание автор данной статьи [6, с. 278].

И если позитивистские взгляды П.А. Сорокина, особенно в ранний период его научного творчества, были унаследованы от не менее выдающегося мыслителя той эпохи М.М. Ковалевского [4; 5], то с именем А.С. Лаппо-Данилевского связано влияние неокантианской методологии.

Исходя из поставленной задачи выявления «когнитивных зон совпадений» в теоретических подходах А.С. Лаппо-Данилевского и П.А. Сорокина, остановимся лишь на двух аспектах – когнитивных зонах. Первый аспект – объяснение прошлого и настоящего через культурный компонент и ценности. Второй – понимание исторического процесса.

В рассматриваемый период развития отечественной социогуманитарной мысли междисциплинарный синтез прежде всего был интересен в целях новой научной дисциплины социологии. Идеалом А.С. Лаппо-Данилевского было цельное знание, соединяющее в себе понимание и объяснение. Не случайно в 1916 г. на одном из первых заседаний Социологического общества А.С. Лаппо-Данилевского просили выступить с докладом о значении истории для социологии [18].

То, что данная проблема была в центре внимания, подтверждают и ранние труды П.А. Сорокина. В обнаруженных рукописях и черновиках работ «Эволюция и прогресс», «Историческая необходимость» П.А. Сорокин, размышляя о дисциплинарном союзе истории и социологии, писал: «Исторические явления – это внутренняя сторона социальной жизни» [1, с. 1–2]. Социологии он отводил генерализирующую роль, истории – индивидуализирующую. С точки зрения П.А. Сорокина, основные направления и подходы истории оказывают влияние на социологию, и наоборот, а каждый специалист узкой области знания «есть всегда социолог, и должен им быть» [30, с. 98].

В 1912 г. в своей речи по поводу основания социологической секции Исторического общества при Петербургском университете, которой руководил А.С. Лаппо-Данилевский, П.А. Сорокин подчеркивал необходимость фундаментальных социальных теорий для всех общественных наук [26, с. 279]. В 1913 г. П.А. Сорокин писал о том, что «положение социологии по отношению к частным дисциплинам то же самое, что и положение общей биологии по отношению к анатомии, физиологии, морфологии, систематике и другим специальным биологическим отраслям знания». Задачу и предмет социологии П.А. Сорокин видел в «созидательном и планомерном установлении и формулировке отношений между различными социальными явлениями» [30, с. 98].

Теперь приступим к раскрытию культурного компонента и ценностного подхода в методологии А.С. Лаппо-Данилевского. Основную задачу методологии истории А.С. Лаппо-Данилевский видел в установлении принципов, положенных в основу науки, в силу которых она получает свое значение, производную в выработке учения о методах изучения исторического явления. Одним из центральных понятий его концепции было понятие «эволюционного целого». Он отмечал, что «...построение эволюционного целого: факт, постоянно повторяющийся во времени... не может быть помещен в эволюционную серию, в которой факты следуют один за другим именно во времени же (а не пространстве)» [14, с. 298].

Исторический процесс А.С. Лаппо-Данилевским мыслился в первую очередь как процесс культурный. «Культуры-истории» – так он определял объект исторического познания. Историческое целое должно отвечать историческому климату эпохи, цельному видению мира.

Указывая на необходимость различия «реальной» стороны исторического факта и способов, которыми исторический факт представлен и благодаря которым он входит в систему исторического знания, обращая внимание на «действительную» и «познавательную» стороны исторического факта, А.С. Лаппо-Данилевский, отмечал важность отношений, в которых это понятие состоит с понятиями индивидуальности и ценности. «Под фактом он (историк) преимущественно понимает воздействие индивидуальности на окружающую среду, мертвую и в особенности, живую», – пишет А.С. Лаппо-Данилевский [14, с. 322]. Он подчеркивает, что речь идет не о механическом, а о психическом (посредством воли) воздействии индивидуальности на среду [14, с. 322]. Собственно, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, эти факты и являются предметом изучения историка.

О культурной доминанте говорят и убеждения А.С. Лаппо-Данилевского в отношении признания исторического значения явлений и событий. С его точки зрения, следует выявлять не столько само воздействие индивидуальности на среду, сколько

последствия, результаты такого воздействия, т. е. культурное бытие. Он полагал, что факт приобретает всеобщее историческое значение тогда, когда его важность и действительное влияние на развитие человечества и признается всеми [14, с. 338].

Размышляя над проблемой реальности фактов, критериев их достоверности и вероятности, А.С. Лаппо-Данилевский также указывал на необходимость их соответствия культуре. Способом данности исторического факта, по А.С. Лаппо-Данилевскому, является мысль, связанная с опытом, носителем которого выступает свидетель, т. е. «тот, кто имеет ценное для сознания основание дать фактически истинное показание о факте, т. к. он испытал его в данных своего собственного чувственного восприятия» [14, с. 637].

В методологии истории важное место отводится «аксиологическому анализу», под которым понимается процесс выбора ценности и придания факту значения посредством отнесения его к ценности. Он подразделял ценности на обоснованные и общепризнанные. По сути, отнесение к культурной ценности и есть критерий выбора фактов. По мнению А.С. Лаппо-Данилевского, именно путем аксиологического анализа определяется, какие именно объекты подлежат научно-историческому объяснению и построению [15, с. 7]. Вместе с тем А.С. Лаппо-Данилевский подчеркивал всю сложность познавательной процедуры отнесения к ценности и считал необходимым отличать отнесение к ценности от субъективности оценки факта, осуществляемую историком в процессе познания. Историк, по мнению А.С. Лаппо-Данилевского, «лишь относит к ценностям индивидуальные объекты для выяснения того, какое значение приписать им, в силу именно их индивидуальности» [15, с. 240]. Придание факту значения посредством отнесения его к ценности является необходимой предпосылкой построения исторического объяснения.

Несмотря на то что в плане человеческого общения П.А. Сорокин в большей степени тяготел к личности М.М. Ковалевского, а А.С. Лаппо-Данилевский выступал с критикой классического позитивизма, по всей видимости, общее дело, связанное с продвижением социологии в России, создало уникальную ситуацию идейного взаимодействия и обмена.

В самых ранних работах П.А. Сорокина прослеживается внимание исследователя к факту и культурному компоненту общества, который осмысливается по примеру А.С. Лаппо-Данилевского через ценности. Так, в работе «Символы в общественной жизни» (1913 г.) П.А. Сорокин, размышляя над вопросом о том, «что придает ... всю важность и все значение» символам [28, с. 474], пишет: «...какой-нибудь предмет, будучи вначале простым знаком, при продолжительном функционировании становится самодовлеющим началом, которое уважают и ценят уже как такое, как какую-то ценность» [28, с. 489].

Рассматривая область социологии через анализ психологического взаимодействия, в статье «Границы и предмет социологии» (1913 г.) П.А. Сорокин подчеркивал, что «ввиду того, что это взаимодействие по своему существу образует «станцию» того, что известно под терминами «сознание», «дух», «разум», и что, объективировавшись, дает то, что носит название культуры, цивилизации, то в этом смысле с полным правом можно социологию определить как науку о духе, о ценностях, о культуре и цивилизации» [29, с. 390].

В «Системе социологии» (1922 г.) П.А. Сорокин выходит на трактовку культуры как всего, что создано или модифицировано в сознательной или бессознатель-

ной деятельности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением.

После эмиграции, в американский период деятельности, П.А. Сорокин продолжал вести разработки в том же направлении. В «Социальной мобильности» (1927 г.) он вводит понятие культурного комплекса или социально-культурного облика как уникальной комбинации многих социальных и культурных характеристик. Оно очень близко к понятию культурного типа А. С. Лаппо-Данилевского, которое он понимал как общее для данной социальной группы состояние сознания, отмечая, что «...можно установить некое психическое отношение между состоянием сознания, а также характером данной группы и однородностью соответствующих продуктов культуры» [14]. Тогда же П.А. Сорокин задумывается о совокупности характеристик в особой конфигурации, он пишет: «Когда мы говорим о греческой, римской или индийской культуре, мы думаем не о какой-то особой черте каждой из них, а о совокупности всех наиболее существенных характеристик, которые находятся в особенной комбинации друг с другом» [24, с. 495].

В 1929–1932 гг. в ряде работ по сельской социологии П.А. Сорокин активно использует понятие ценностей. Организационные, функциональные и культурные особенности сельского мира он определяет через ценностно-смысловой компонент [36, с. 345–353].

Как известно, свое окончательное оформление теория социокультурной динамики получила в «Социальной и культурной динамике» (1937–1941 гг.). В предисловии автор фундаментального труда указал на две исследовательские проблемы, стоящие перед ним: «...первое, показать, что... типы ментальности на самом деле существовали в истории; второе, показать, что в этих исторических комплексах сочетание элементов и сопутствующих свойств (сателлитов) в каждом типе было именно таким, как описано» [25, с. 81].

Понятие социокультурной системы, вводимое П.А. Сорокиным, является ключевым. Социокультурную систему он трактует как предельно широкое, общее понимание культуры через систему ценностей, значений, норм. Определяя в социокультурной системе ряд аспектов (социальный, культурный и личностный), П.А. Сорокин предлагает любой акт человеческой деятельности-взаимодействия рассматривать через систему ценностей и значений, которые определяют социокультурный смысл явлений и событий. Именно ценность, с точки зрения П.А. Сорокина, служит основой и фундаментом всякой культуры [25]. Он различает интегрированные на основе ценностей – значений – норм социокультурные системы и «простые социокультурные скопления». Интеграция, по П.А. Сорокину, обладает собственной логикой функционирования и изменения, которые являются результатом не столько внешних условий, сколько внутренних. Внутренне интегрированную систему он характеризует как автономное, саморегулирующееся, самоуправляемое, «сбалансированное единство» [25].

В «Социальной и культурной динамике» П.А. Сорокин демонстрирует оригинальную методологию, включающую причинно-функциональный (каузально-функциональный) метод, с помощью которого устанавливается единообразие между рассматриваемыми переменными и «калейдоскоп отдельных событий, форм, объектов и связей превращается в рационально постижимое целое» и логико-смысловой (логико-значимый) метод, когда упорядочивающим элементом вы-

ступает «не однообразие и схожесть между отдельными переменными, а тождество смысла или логическое соединение» [25, с. 43]. Сущность логико-смыслового метода познания, по П.А. Сорокину, состоит в нахождении основного принципа или основания, который пронизывает все компоненты и придает смысл, значение каждому из них. Именно тождество смысла, с точки зрения П.А. Сорокина, превращает эмпирически разрозненные фрагменты культуры в устойчивые стили. С помощью этого метода П.А. Сорокин пытается набросить «сеть логических связей на громадное количество разрозненных явлений культуры, которые зачастую весьма далеки друг от друга, и установить надлежащее место и подлинный смысл каждого фрагмента системы» [25, с. 96].

Не останавливаясь подробно на эмпирических характеристиках социокультурных суперсистем и различных типах интеграции, отметим главное. А.С. Лаппо-Данилевский придавал существенное значение типологическим обобщениям, осуществляемым посредством качественной интерпретации отдельных феноменов, обладающих определенным единообразием внешних или внутренних признаков. Всякий тип, по А.С. Лаппо-Данилевскому, есть построение, т. е. относительное обобщение. И, похоже, П.А. Сорокин хорошо усвоил урок учителя. В «Социальной и культурной динамике» он дает масштабную типологию суперкультур. Помимо этого, П.А. Сорокин вслед за А.С. Лаппо-Данилевским выводит культуру в ранг содержательного аспекта социальных процессов, а ценностям придает основополагающую роль, возвышая их над чисто физиологическими и биологическими свойствами. Они так же, как и у А.С. Лаппо-Данилевского, носят идеальный характер, имеют суть долженствования.

Переходя к рассмотрению другого аспекта – зоны когнитивных совпадений, связанной с осмыслением историко-культурного процесса, напомним, что А.С. Лаппо-Данилевский в отличие от позитивистов исторический процесс связывал с изменением, а не развитием. Распространено мнение, что в решении данного вопроса на П.А. Сорокина в ранний, российский, период творчества в большей степени оказал влияние прогрессист М.М. Ковалевский. Однако более пристальный анализ ранних трудов П.А. Сорокина выявил постановку «проблемы динамизма в истории». Причины изменений уже тогда П.А. Сорокин видел в культурных силах. Так, в «Преступлении и каре, подвиге и награде» (1914 г.) П.А. Сорокин указывал на «непрямолinéйные исторические тенденции» [31].

Позже, в 1922 г., накануне высылки из России, в рецензии на популярный учебник марксистской социологии Н.И. Бухарина П.А. Сорокин делился мыслями в отношении исторического процесса: «Формальные по существу возражения вызывает и проблема динамизма в истории в трактовке гр. Бухарина. Из его изложения получается впечатление, что будто бы динамический принцип: «все изменяется» и «все стоит в связи со всем» есть черта, специально присущая «диалектическому методу»... гр. Бухарин... знать ничего не хочет о повторениях в истории, с одной стороны, с другой – рисует весь исторический процесс подобием какого-то плац-парада, где общества переходят смиреннько из одной стадии в другую, пока не придут к вечной пристани коммунистического рая, приуроченного им автором и долженствующего наступить «неизбежно». Такие концепции приходится признать метафизическими. Если бы никаких повторений в истории не было и если бы неповторяющийся в целом исторический процесс не состоял из повторяющихся эле-

ментов, то нужно было бы проститься с возможностью формулировки законов общественной жизни, в том числе и законов развития. Последние возможны только тогда, когда в сериальном ряду... есть повторения. Без него... никакие «тенденции» не сформулируешь. Как неповторяющаяся в целом история земли, или солнечной системы, или организма не мешает существованию повторяющихся явлений (например, смены дня и ночи, времен года...), так в историческом процессе есть множество повторяющихся явлений, что и дает возможность открытия и формулировки закономерности» [32, с. 210].

Уже российский период творчества, накануне высылки из страны, П.А. Сорокин отказывается от понятий «эволюция», «развитие» и других производных от них. На отрицание формулы прогресса и линейной эволюции в «Системе социологии» П.А. Сорокина указывал В. Невский¹.

В американский период научного творчества в упоминаемой выше «Социальной и культурной динамике» уже самим названием П.А. Сорокин заявлял об отказе от позитивистской методологии. Аксиологический метод А.С. Лаппо-Данилевского был существенно дополнен и реализован в полной мере.

В этом труде П.А. Сорокин указывал на две ключевые исследовательские проблемы: «...первое, показать, что... типы ментальности на самом деле существовали в истории; второе, показать, что в этих исторических комплексах сочетание элементов и сопутствующих свойств (сателлитов) в каждом типе было именно таким, как описано» [25, с. 81].

Типологию социокультурных суперсистем (чувственной (сенситивной), умозрительной (идеациональной) и идеалистической (интегральной) П.А. Сорокин выстраивает на основе понимания философских ценностей, обусловленных способами познания мира. Исторический процесс рассматривается через деятельность людей по объективации и социализации абсолютных ценностей.

Под динамикой П.А. Сорокин понимает изменение в самом широком смысле. Социокультурную динамику он описывает на основе принципов прерывности и пульсации, выявляет различные процессы – линейные, нелинейные, циклические, вариативно (творчески) повторяющиеся. Он выдвигает принцип имманентной причинности, или саморегуляции, социокультурных процессов, согласно которому «если единица интегрирована, то изменение в направлении процесса обусловлено не только и не столько вмешательством внешних сил, сколько внутренними силами самого процесса и характером самой единицы» [25, с. 11]. Так же, как и у А.С. Лаппо-Данилевского, в теории П.А. Сорокина социальные и исторические процессы не имеют изначально заданного единого направления движения.

Помимо содержательного аспекта «когнитивных совпадений» нельзя не заметить их в письменной вербальной форме, в том, каким образом фиксируется мысль, во что облакаются идеи. На «общезначимые условия» познания, в том числе «форму», в которую закладывается «материя содержания», указывал в свое время А.С. Лаппо-Данилевский [14]. Удивительно, но по своей громоздкости и сложности построения теории, понятийного аппарата А.С. Лаппо-Данилевский и П.А. Сорокин также очень близки. На терминологическую сложность «Методологию истории» А.С. Лаппо-Данилевского обращал внимание Н.И. Кареев [7]. О сложности для усвоения понятий П.А. Сорокина писал А. Тойнби [34, с. 17]. В.В. Сапов, осуществивший

¹ См.: Невский В.И. Взаимодействие или монизм // Красная новь. 1921. № 2. С. 335–340.

перевод на русский язык «Социальной и культурной динамики», в одном из своих интервью также отмечал причудливость понятий П.А. Сорокина.

Таким образом, можно заключить, что идеи А.С. Лаппо-Данилевского не только расширили границы социального познания П.А. Сорокина, но и обусловили направление познавательного процесса в траектории от прошлого к настоящему через культуру.

Пример идейного взаимодействия А.С. Лаппо-Данилевский – П.А. Сорокин, пожалуй, как и в случае с М.М. Ковалевским, в очередной раз подтверждает высокую степень преемственности проблем отечественной дореволюционной традиции в научном творчестве российско-американского мыслителя, в том числе и в американский период его деятельности. Развивая методологию истории, А.С. Лаппо-Данилевский полагал, что она окажет влияние не только на социологию, но и на другие социогуманитарные науки. П.А. Сорокин, создавая свою интегральную концепцию и методологию, в некоторой степени на практике реализовал познавательную программу академика А.С. Лаппо-Данилевского.

Вместе с тем, несмотря на признание самим П.А. Сорокиным себя как воспитанника и продолжателя российской социогуманитарной традиции, об особой роли А.С. Лаппо-Данилевского в его научном становлении он никогда не упоминал. Возможно, даже и не задумывался над тем, что в определенном смысле являл собой продолжение его идей, быть может, даже в большей степени, чем взглядов признаваемого главным учителем М.М. Ковалевского.

В предложенной вниманию читателя статье рассмотрены только некоторые планы так называемых когнитивных совпадений, позволившие выявить процесс преемственности в российской традиции социогуманитарных исследований. Вне рассмотрения остались не менее интересные и довольно сложные аспекты, в том числе проблема соотношения идиографического и номотетического методов с причинно-функциональным и логико-смысловым методами. И хотя презентация сорокинских методов как «средств, с помощью которых бесконечное множество бесконечно сложных явлений социально-культурного мира превращается в рационально постижимые системы» [25, с. 27] неминуемо отсылает нас к методологии А.С. Лаппо-Данилевского, детальная сверка методов познания может открыть новые зоны когнитивных совпадений. Помимо этого стоит обратить внимание на метод интуитивного познания, понимание типа и, конечно, цельное интегративное знание как идеал познавательной деятельности.

Литература

1. ГАРФ. Ф. 636. Оп.1. Д.3.
2. Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина: русский период деятельности. Самара, 1992.
3. Дойков Ю.В. Самые знаменитые историки России. М., 2004.
4. Василенко В.В. М.М. Ковалевский и его выдающийся ученик П.А. Сорокин о духовном построении общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2016. Вып. 11.
5. Василенко В.В. «Любите истину и никогда и ни за что не уступайте её...». Роль М.М. Ковалевского в становлении научного мировоззрения П.А. Сорокина // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь: СКФУ, 2015. Вып. 4.
6. Василенко В.В. Исторический факт и ценность в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь, 2005. Вып. 8 (специальный).

7. Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского //Русский исторический журнал. 1920. Кн. 20.
8. Козловский В.В. От методологии истории к исторической метасоциологии: уроки А.С. Лаппо-Данилевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3.
9. Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского. К 25-летию его научно-литературной деятельности // Историческое обучение. 1915. Т. XX.
10. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории // Известия Академии наук. 1918. Серия VI. Том XII. № 5–7.
11. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории // Известия Академии наук. 1918. Серия VI. Том XII. № 9.
12. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории // Известия Академии наук. 1918. Серия VI. Том XII. № 11.
13. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории // Известия Академии наук. 1918. Серия VI. Том XII. № 13.
14. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1923. Вып. II.
15. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1923. Вып. I.
16. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005.
17. Малинов А.В. Очередные задачи собственно социологического познания (Из лекций академика А.С. Лаппо-Данилевского // Вестник Санкт-петербургского университета. 2016. Серия 12. Социология.
18. Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский – первый председатель русского социологического общества им. М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 3. С. 8–16.
19. Малинов А.В. «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского в контексте русской философии истории // Историческая наука и методология истории в России XX в. СПб., 2003.
20. Малинов А., Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001.
21. Сапов В.В. Жизнь и творчество П.А. Сорокина // Питирим Сорокин. Ранние сочинения. 1910–1914. СПб., 2014.
22. Сапов В.В. Магический кристалл // Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М., 2006.
23. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.
24. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М., 2005.
25. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006.
26. Сорокин П.А. Социологические теории современности. М., 1992.
27. Сорокин П.А. К основанию социологической секции Исторического общества при СПб. университете // Запросы жизни. 1912. № 48.
28. Сорокин П.А. Символы в общественной жизни // П. Сорокин. Ранние сочинения. 1910–1914. СПб., 2014.
29. Сорокин П.А. Границы и предмет социологии // П. Сорокин. Ранние сочинения. 1910–1914. СПб., 2014.
30. Сорокин П.А. Границы и предмет социологии. Новые идеи в социологии. СПб., 1913.
31. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914.
32. Сорокин П.А. Бухарин Н.И. (1888–1938). Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии // Экономист. 1922. № 4.
33. СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 87:27.
34. Трапш Н.А. Эволюция научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского и актуальные проблемы отечественной истории XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2001.

35. Тойнби А. Дж. Диалог из 1960-х. Философия истории Сорокина // Социологические исследования. 2004. № 10.
36. Трапш Н.А. Теоретико-методологическая концепция А.С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов н/Д., 2006.
37. Sorokin P. Social and cultural dynamics. N.Y. 1962. Vol. 4.
38. Sorokin P. Zimmerman C. Principles of rural-urban sociology. N.Y., 1929.

References

1. GARF. F. 636. Op. 1. D. 3.
2. Golosenko I.A. Sotsiologiya Pitirima Sorokina: russkiy period deyatel'nosti. Samara, 1992.
3. Doykov YU.V. Samyye znamenityye istoriki Rossii. M. 2004.
4. Vasilenko V.V. M.M. Kovalevskiy i yego vydayushchiysya uchenik P.A. Sorokin o dukhovnom postroyenii obshchestva /Problemy teoreticheskoy sotsiologii. SPb, 2016. Vyp. 11.
5. Vasilenko V.V. «Lyubite istinu i nikogda i ni za chto ne ustupayte yeyo...». Rol' M.M. Kovalevskogo v stanovlenii nauchnogo mirovozzreniya P.A. Sorokina // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. Stavropol': SKFU, 2015. Vyp. 4.
6. Vasilenko V.V. Istoricheskiy fakt i tsennost' v metodologii istorii A.S. Lappo-Danilevskogo // Stavropol'skiy al'manakh Rossiyskogo obshchestva intellektual'noy istorii. Stavropol', 2005. Vyp. 8 (spetsial'nyy).
7. Kareyev N.I. Istoriko-teoreticheskiye trudy A.S. Lappo-Danilevskogo //Russkiy istoricheskiy zhurnal. 1920. Kn. 20.
8. Kozlovskiy V.V. Ot metodologii istorii k istoricheskoy metasotsiologii: uroki A.S. Lappo-Danilevskogo // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2013. T. XVI. № 3.
9. Kondrat'yev N.D. Teoriya istorii A.S. Lappo-Danilevskogo. K 25-letiyu yego nauchno-literaturnoy deyatel'nosti // Istoricheskoye obucheniye. 1915. T. XX.
10. Lappo-Danilevskiy A.S. Metodologiya istorii // Izvestiya Akademii nauk. 1918. Seriya VI. Tom XII. № 5–7.
11. Lappo-Danilevskiy A.S. Metodologiya istorii // Izvestiya Akademii nauk. 1918. Seriya VI. Tom XII. № 9.
12. Lappo-Danilevskiy A.S. Metodologiya istorii // Izvestiya Akademii nauk. 1918. Seriya VI. Tom XII. № 11.
13. Lappo-Danilevskiy A.S. Metodologiya istorii // Izvestiya Akademii nauk. 1918. Seriya VI. Tom XII. № 13.
14. Lappo-Danilevskiy A.S. Metodologiya istorii. SPb., 1923. Vyp. II.
15. Lappo-Danilevskiy A.S. Metodologiya istorii. SPb., 1923. Vyp. I.
16. Lubskiy A.V. Al'ternativnyye modeli istoricheskogo issledovaniya. M., 2005.
17. Malinov A.V. «Ocherednyye zadachi sobstvenno sotsiologicheskogo poznaniya» (Iz lektsiy akademika A.S. Lappo-Danilevskogo //Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. 2016. Seriya 12. Sotsiologiya.
18. Malinov A.V. A.S. Lappo-Danilevskiy – pervyy predsedatel' russkogo sotsiologicheskogo obshchestva im. M.M. Kovalevskogo // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2013. T. XVI. № 3. S. 8–16.
19. Malinov A.V. «Metodologiya istorii» A.S. Lappo-Danilevskogo v kontekste russkoy filosofii istorii // Istoricheskaya nauka i metodologiya istorii v Rossii XX v. SPb., 2003.
20. Malinov A., Pogodin S. Aleksandr Lappo-Danilevskiy: istorik i filosof. SPb., 2001.
21. Sapov V.V. Zhizn' i tvorchestvo P.A. Sorokina / Pitirim Sorokin. Ranniye sochineniya. 1910–1914. SPb., 2014.
22. Sapov V.V. Magicheskoy kristall / Sorokin P. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. M., 2006.
23. Sorokin P.A. Dolgiy put'. Syktyvkar, 1991.
24. Sorokin P.A. Sotsial'naya mobil'nost'. M., 2005.
25. Sorokin P.A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. M., 2006.

26. Sorokin P.A. Sotsiologicheskiye teorii sovremennosti. M., 1992.
27. Sorokin P.A. K osnovaniyu sotsiologicheskoy sekszii Istoricheskogo obshchestva pri SPb. universitete // Zaprosy zhizni. 1912. № 48.
28. Sorokin P.A. Simvoly v obshchestvennoy zhizni / P. Sorokin. Ranniye sochineniya. 1910–1914 . SPb., 2014.
29. Sorokin P.A. Granitsy i predmet sotsiologii // P. Sorokin. Ranniye sochineniya. 1910–1914. SPb., 2014.
30. Sorokin P.A. Granitsy i predmet sotsiologii. Novyye idei v sotsiologii. SPb., 1913.
31. Sorokin P.A. Prestupleniye i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskiy etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali. SPb., 1914.
32. Sorokin P.A. Bukharin N.I. (1888–1938). Teoriya istoricheskogo materializma. Populyarnyy uchebnyk marksistskoy sotsiologii // Ekonomist. 1922. № 4.
33. SPbFA RAN. F. 113.Op.2. Yed. khr. 87:27
34. Trapsh N.A. Evolyutsiya nauchnykh vzglyadov A.S. Lappo-Danilevskogo i aktual'nyye problemy otechestvennoy istorii XVII–XVIII vv.: fvtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Rostov-na-Donu, 2001.
35. Toynbi A. Dzh. Dialog iz 1960-kh. Filosofiya istorii Sorokina // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2004. № 10.
36. Trapsh N.A. Teoretiko-metodologicheskaya kontseptsiya A.S. Lappo-Danilevskogo: opyt evolyutsionnoy rekonstruktsii. Rostov-na-Donu, 2006.
37. Sorokin P. Social and cultural dynamics. N.Y. 1962. Vol. 4.
38. Sorokin P. Zimmerman C. Principles of rural-urban sociology. N.Y., 1929.

Из сорокинского научно-публицистического и эпистолярного наследия

УДК 316.334.3

М.В. Ломоносова (Санкт-Петербург)

О книге Питирима Сорокина «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?»

Социологическая публицистика как жанр научного творчества всегда занимала в профессиональной деятельности П.А. Сорокина важное место. Многие работы американского периода творчества пронизаны духом публицистики. Книга Питирима Сорокина «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» (1959) требует своего осмысления российскими учеными не только по причине научной любознательности, но и в связи с политическими вызовами XXI века.

Ключевые слова: социологическая публицистика, революция, история социологии, Питирим Сорокин.

M.V. Lomonosova (St-Petersburg). About Sorokin's book «Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians?»

Sociological journalism as a genre of scientific creativity has always occupied in the professional activity of P.A. Sorokin. Many books and scientific articles in the American period of his work written in the style of journalism. Sorokin's book «Power and Morality. Who should guard the guards?» (1959) requires its comprehension by Russian scientists. It becomes relevant in connection with the political challenges of the 21st century.

Keywords: sociological journalism, revolution, history of sociology, Pitirim Sorokin.

Для цитирования: Ломоносова М.В. О книге Питирима Сорокина «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 124–128.

For citation: M.V. Lomonosova. On the book «Power and morality: Who shall guard the guardians?» by Pitirim Sorokin and Walter A. Lunden // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 124–128.

Книга Питирима Сорокина «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» была издана в разгар «холодной войны» в 1959 г. в США и практически сразу была переведена и издана в Японии, Индии, Франции, Норвегии, Швеции и Германии, но не в России. Во второй половине XX века по идеологическим причинам перевод и издание этой книги в нашей стране был невозможен. Несколько экземпляров книги находились в так называемых спецхранах крупнейших библиотек Советского Союза, доступ в который имели лишь отдельные специалисты, а пропуском для них являлась их «партийная пригодность» и желание написать работу на тему «Критика буржуазных концепций...». Но, как известно, запретный плод сладок, когда он запретный, поэтому, как только появилась возможность изучать

наследие таких «буржуазных» ученых, как П.А. Сорокин, не опасаясь идеологических ограничений и запретов, то произошла парадоксальная ситуация. Изначально на фоне огромного всплеска интереса к его трудам специалисты многих областей гуманитарного знания стали обращаться к его работам, некоторые работы были переведены на русский язык, и именно эти работы были прочитаны студентами и учеными, что нашло отражение в научных публикациях и учебном процессе, но ряд очень интересных работ так и остались не включенными в корпус научного знания. К их числу и относится книга П.А. Сорокина «Власть и нравственность», являющаяся одной из последних его работ в области исследований политических проблем и явлений. В 1962 году, обсуждая проблемы современной политики с Александром Феклисовым¹, Сорокин на утверждение Феклисова о том, что в Советском Союзе с культом личности руководителей покончено, категорично заявил: «Молодой человек, Вы глубоко заблуждаетесь. Вы ещё мало жили, мало видели, да, очевидно, мало читали. У меня же более бурная и долгая жизнь, чем у Вас. Я видел больше Вас, а главное, глубоко изучил эту проблему, начиная с древнейших времен. *Культе личности проистекает от такого людского порока, как властолюбие, и расцветает особенно пышно в условиях ограниченной демократии. Властолюбие самый опасный порок. Он более вредный, чем пьянство и разврат. Властолюбие и культ личности главы государства сковывает творчество, унижает миллионы людей и тем самым наносит обществу огромный вред*» [3, с. 329].

Возникновение социологии политики обычно связывают с научным наследием М. Вебера, а также с именами М. Острогорского, В. Парето и Р. Михельса. Но в истории любой научной дисциплины есть «белые пятна», связанные с господствующей идеологической ситуацией в отдельных странах и геополитической ситуацией в мире. Причем политические и социальные дисциплины наиболее зависимы от этих факторов и подвержены их влиянию. Политическая и научная деятельность Питирима Александровича Сорокина является ярким тому подтверждением. Его научное наследие, охватывающее многие области социологии политики, сегодня является незаслуженно забытым, несмотря на свою значимость и актуальность в свете политических реалий XXI века. Но гораздо ярче Питирим Сорокин проявил себя не в области социологии политики, а в сфере политической социологии, в которой социолог является прежде всего участником политического процесса, ставит перед собой конкретные политические цели. И в этом случае социолог может быть членом политической партии, может разрабатывать политические программы, писать публицистические статьи на политические темы и формировать тем самым общественное мнение.

Российский период научного творчества Питирима Сорокина во многом был связан с Русской революцией 1917 года, в водоворот которой он был активно вовлечен и как ученый, и как политик. И именно это обстоятельство выделяет фигуру Питирима Сорокина среди других классиков социологической мысли. Кроме этого, он обладал талантом писателя, и это позволяло ему не только облекать результаты своих многочисленных исследований в научные статьи и монографии, доступные для понимания профессионалам, но и доносить свои идеи до современ-

¹ Феклисов Александр Семенович (1914–2007) – советский разведчик (Первое главное управление КГБ СССР (внешняя разведка). Полковник, кандидат исторических наук, Герой Российской Федерации (1996). Встречался с П.А. Сорокиным в 1942, 1962 и 1963 гг.

ников посредством научно-популярных работ и социологической публицистики. При этом социологическая публицистика как жанр научного творчества занимала в профессиональной деятельности Питирима Сорокина важное место. Это прежде всего его знаменитая российская публицистика революционного периода – «Заметки социолога». Особо следует отметить, что именно личная вовлеченность в российские события 1905–1917 гг. позволила ему создать серию публицистических работ, в которых он впервые предпринял попытки социологического анализа политических проблем. Еще в октябре 1917 г. П. А. Сорокин писал: «Когда видишь, как ничем не одаренные, ничего не давшие человечеству люди надевают на себя тогу спасителей мира, когда свихнувшиеся российские интеллигенты Луначарские и Троцкие, Ленины и Зиновьевы... выступают в роли чуть ли не Спартаков... вождей мира, когда видишь, как темный, до 80 % своих членов безграмотный, а в остальной части – едва умеющий читать и писать российский пролетариат, не имеющий опыта борьбы, под гипнозом революционной фразеологии всерьез начинает думать, что он и впрямь «передовой, самый просвещенный и самый лучший отряд Интернационала», ... когда Россия гибнет от темноты, невежества, дикости, неумения жить и неумения созидать, когда жизнь наносит удары за ударом и показывает всю нашу отсталость, невольно становится досадно, становится неловко...» [2]. Именно этот мотив, мотив манипулирования общественным мнением, потребностями населения в интересах «политического меньшинства», красной нитью проходит в исследовании «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?», в котором он вновь обращается к проблемам политической власти. Только на этот раз в качестве материала для исследования выступает не опыт политического участия в революционных событиях в России начала XX в., а исторические данные, результаты исследований и факты из современной ему политической жизни Соединенных Штатов Америки. Работу над этой книгой он вел вместе со своим бывшим студентом, а к тому времени уже состоявшимся специалистом в области отклоняющегося поведения Уолтером Ланденом, автором более чем 50 научных работ по криминологии и девиантному поведению [4]. И здесь важно отметить, что эта работа была вызвана не только научными интересами авторов исследования, но и угрозами и политическими вызовами середины двадцатого века. Можно упомянуть только некоторые политические события 1959 года – года выхода книги в свет. Вот только некоторые политические события этого года. Произошла революция на Кубе, в результате которой к власти пришла Освободительная армия, возглавляемая Ф. Кастро, а режим президента Батисты был свергнут. В Тибете вспыхивает восстание местного населения против китайского гарнизона. СССР направляет Японии ноту, в которой настаивает на выводе с ее территории американских военных баз. Со своей стороны, СССР гарантирует постоянный нейтралитет в отношении Японии, а Канада и США подписывают Соглашение о сотрудничестве в области применения атомного оружия для совместной обороны. И в этом же году в Москве Н.С. Хрущёв пообещал вице-президенту США Ричарду Никсону показать «кузькину мать». Таким образом, эта работа Питирима Сорокина не только была актуальной с научно-исследовательской точки зрения, но и содержала прямые практические выводы. Этому практическому аспекту исследования он придавал особое значение, но именно этот аспект был удостоен меньшего внимания его коллег и общественности [1, с. 237–238].

В своих воспоминаниях Пителим Сорокин писал о том, что когда он отправил экземпляры книги с дарственными надписями президенту Эйзенхауэру, Н.С. Хрущеву и нескольким сенаторам и конгрессменам США, то, к своему удивлению, получил благодарственные письма от многих из них, что свидетельствовало о том, что они и их секретари не читали книгу и отреагировали на ее получение с «автоматической вежливостью», не осознавая и не представляя ее весьма «подрывной», эпатажирующий характер. Так, например, книга содержит убедительные доказательства того, что поведение правящих групп более преступно и безнравственно, чем поведение других слоев общества. При этом чем более абсолютной и жесткой является власть правителей, политических лидеров и высших чиновников бизнеса, профсоюзов и прочих организаций, тем более коррумпированными и преступными оказываются эти группы людей. В то же время, чем более ограничивается власть политиков и чиновников, тем менее преступными становятся их деяния – качественно (уменьшается количество тяжких преступлений) и количественно (снижается сам уровень преступности среди них). Кроме этого, Пителим Сорокин поднимает и пытается найти ответы на такие «вечные» вопросы, как, например:

1. От кого зависит и должно зависеть процветание и выживание как отдельного человека, так и человечества в целом?

2. Кому общество должно доверять судьбоносные решения о войне и мире?

3. Необходимо ли всеобщее и полное разоружение?

4. Нужна ли замена устаревших политических идеологий на новые ценности и нормы?

Все выводы Пителима Сорокина опираются на конкретный исторический материал и результаты социологических исследований, тем не менее работа «Власть и нравственность» вряд ли полностью соответствует «эталону научного исследования», поскольку в ней отчетливо выступают черты публицистики. А этим жанром творчества Пителим Сорокин владел блестяще.

К сожалению, в начале XXI века российская социология практически не обращается к жанру социологической публицистики и, возможно, именно в этом заключается одна из главных причин утраты ее востребованности обществом и государством. Несмотря на то что в наши дни книга «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» не только не устарела, но и приобрела особую актуальность в современном российском обществе, на русский язык она пока не переведена и не издана.

Вниманию читателей журнала представляем перевод фрагмента книги, осуществленный В.Н. Шикаловым и снабженный комментариями переводчика.

Литература

1. Ломоносова М.В. Историческая обусловленность и эвристический потенциал теорий и концепций П.А. Сорокина в современных исследованиях политики и власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология, социология, педагогика. 2011. №3. С. 229–239.

2. Сорокин П.А. Славянофильство наизнанку. Опыление от слов // Воля народа. № 116, 120. Сентябрь. 1917.

3. Феклисов А. Признание разведчика. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. 368 с.

4. Sorokin P.A. Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? / with W. A. Lunden. Boston, Mass: P. Sargent, 1959.

References

1. Lomonosova M.V. Istoricheskaya obuslovlennost' i ehvristicheskij potencial teorij i koncepcij P.A. Sorokina v sovremennyh issledovaniyah politiki i vlasti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12: Psihologiya, sociologiya, pedagogika. 2011. № 3. S. 229–239.
2. Sorokin P. A. Slavyanofil'stvo naiznanku. Op'yanenie ot slov // Volya naroda. № 116, 120, sentyabr'.1917.
3. Feklisov A. Priznanie razvedchika. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2016. 368 s.
4. Sorokin P. A. Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? / with W. A. Lunden. Boston, Mass: P. Sargent, 1959.

П.А. Сорокин, У.А. Ланден

Власть и Нравственность. Кто должен сторожить стражей?¹
(главы из книги)

Глава I. Идеологии правящих групп: три взгляда на мораль

Правительства должны обладать такими моральными качествами, которые могли бы им позволить обеспечить реализацию прав миллионов простых граждан на жизнь, свободу и стремление к счастью. В первую очередь, нас будет интересовать следующий вопрос, рассмотренный в разрезе морали: каково поведение правителей в целом и «магнатов власти» в частности? Данный вопрос, один из ключевых, поднимался ещё со времён античности, и на него существует три различных ответа:

- 1) безоговорочное восхваление правительств;
- 2) одобрение с точки зрения двойных стандартов;
- 3) обнаружение дуализма в моральном поведении и более высокого уровня преступности среди правителей, по сравнению с управляемыми.

1. Идеологии, восхваляющие правящую элиту

Основополагающей идеей различных «восхваляющих» идеологий² является представление о превосходящих моральных качествах правителей и правящей элиты над простыми смертными. Во многих империях – Египет, Вавилон, Иран, ранняя Греция, Рим, Византия, империя Майя, Средневековая Европа и прочих – подобная идеология была основана на вере в сверхъестественное происхождение фараонов, монархов и прочих правителей. Их обожествляли, поклонялись как богам или их заместителям на земле, облакая это в соответствующие религиозные культы. Божественная власть правителей и их сила выразительно запечатлялась в напыщенных титулах, легализовалась законами и правилами морали, доказывалась различными философами и идеологами. Их восхваляла мифология, славили героические саги, поэмы и эпосы; их память была увековечена в величественных пирамидах, дворцах, храмах, замках и прочих бесконечных архитектурных, скульптурных, нумизматических памятниках и живописных произведениях. Их история излагалась в песнях, церковных и светских гимнах, молитвах, ораториях и операх; превращалась в целые представления пышными церемониями и ритуалами. Правители знали и активно эксплуатировали все формы пропаганды и способы внушения, чтобы оставить неизгладимый отпечаток в памяти подвластного населения о божественности и превосходстве правящей элиты. Поскольку правители провозглашались богами или их заместителями, то они, естественно, сразу же ставились выше закона и моральных норм. Юридические формулы римлян: *princeps legibus solutus est, et quod principi placuit*

¹ По изданию: Pitirim A. Sorokin, Walter A. Lunden, *Power And Morality. Who Shall Guard The Guardians? An Extending Horizons Book*, Porter, Sargent Publisher, Boston & Massachusetts, 1959. Pp. 83–98.

² Сорокин использует собственный термин «glorifying ideologies», поэтому при переводе на русский было решено использовать выражение «восхваляющие идеологии» – прим. пер.

legis habet vigorem («правитель превыше закона» и «слово правителя – закон») наглядно демонстрируют непоколебимую веру в сверхъестественную честность правителей. Более привычные для нас высказывания вроде: «король не может навредить своему народу»¹ или «правительство, милостью Божией»² – являются вариацией на ту же тему. Чрезмерно напыщенные титулы и звания правителей, в которых те провозглашают себя богами, правителями небесными и земными, всемогущими, всеведущими, неизмеримо справедливыми и столь же идеальными как сами боги, выражают саму суть этой идеологии.

В современных политических системах данный миф о моральном и ментальном превосходстве правящей элиты в меньшей степени основывается на религии, в большей – на так называемых метафизических, мистических, рациональных, позитивистских³, утилитарных⁴ и даже научных принципах. Эти «восхваляющие» философы и политические теории учат нас тому, что нравственность правящей элиты непогрешима, так как правители – это «герои, обладающие сверхъестественными способностями», загадочным образом выбранные и помазанные на правление, представляющие правление «народа, волей народа, для народа»⁵. Правители благословенны мудростью и добродетелями, так

¹ «the king can do no wrong» (англ.) – также рассматривается и как юридический термин: король не несёт ответственности (за политику кабинета при конституционной монархии).

² «by the grace of God» (англ.) – Божьей милостью – ставится после имени короля или королевы; ранее ставилось также после имени духовных лиц, занимавших высокий церковный пост. Берёт начало от латинской формулы – *dei gratia*.

³ Позитивизм – направление в философии XIX – первой половины XX вв. Возник во Франции в 30-е гг. Своими идейными корнями восходит к Д'Аламберу, Кондильяку, Тюрго и Кондорсе, его теоретические предпосылки были сформулированы Сен-Симоном, а непосредственная разработка и пропаганда позитивистских концепций была осуществлена О. Конттом, которого принято считать основоположником позитивизма. «Позитивная философия» Конта нашла во Франции многих сторонников (П. Лафитт, Э. Литтре, Г.Н. Вырубов, Ж.Э. Ренан, И. Тэн и др.). Влияние позитивизма вышло за пределы Франции и затронуло Италию (Р. Ардиго и др.), Россию (В. Лесевич, Н.К. Михайловский, М.М. Троицкий и др.), Германию (Э. Лаас, Е. Дюринг). В Англии, где почва для позитивизма была подготовлена утилитаризмом, уже в 40-е гг. с идеями, созвучными Конту, выступил Д.С. Милль, а позднее – Г. Спенсер, а в 1867 г. уже начало свою работу Лондонское позитивистское общество. Хотя позитивизм никогда не представлял собой единой школы, его многочисленных сторонников в разных странах всегда объединяла некоторая общая платформа. Во-первых, неприятие «метафизики» (спекулятивная философия), традиционных вопросов философии о бытии, о сущем, о свободе и т. п., признание бессмысленными философских споров, стремление подняться над материализмом и идеализмом, найти «третий путь». Во-вторых, сведение философии к науке, подчинение философии задачам научного познания. В-третьих, отождествление познания с наукой. В-четвертых, эмпиризм и феноменализм в гносеологии. История позитивизма насчитывает три «волны». «Первый» этап позитивизма начал оформляться в 30-х гг. XIX в. Он основан на работах О. Конта. Его последователями были Д.С. Милль и Г. Спенсер. «Второй» этап возникает в 70–90-х гг. XIX в. в Австрии и Швейцарии (Р. Авенариус, Э. Мах, Й. Петцольд, Ф. Карстаньен и др.). Третий этап позитивизма (неопозитивизм) возник в 20-е гг. XX в. (Б. Рассел, Р. Карнап, М. Шлик, О. Нейрат, Г. Рейхенбах и др.).

⁴ Утилитаризм (от лат. *utilitas* – польза, выгода) – жизненная ориентация и этическое учение, в соответствии с которым высшей ценностью признается индивидуальная польза, выступающая мерой добродетельности человека. Как этическое учение утилитаризм разрабатывался главным образом в Англии (Гоббс, Локк, Бентам, Милль) и в США, наиболее полно – в философии прагматизма. Утилитаристы склонны объяснять стремление к личной выгоде и пользе естественным желанием людей получать удовольствия и избегать страданий. Мораль утилитаризма предписывает выбирать линию поведения, ведущую к достижению наибольшего блага с наименьшими потерями. Этика утилитаризма продолжает традицию гедонизма и эвдемонизма.

⁵ Геттисбергское послание – самая знаменитая речь президента США Линкольна (Abraham Lincoln, 1809–1865), которую он произнес 19 ноября 1863 г. на открытии национального кладбища в Геттисберге (Gettysburg National Cemetery). Речь начиналась словами: «Восемь десятков и семь

как сам процесс избрания каким-то образом дарует им качества морального превосходства, одновременно являясь доказательством этого превосходства, кому-то превосходство даровано по наследству, кому-то по жребию, предназначенному самой судьбой, биологическим и социальным отбором или всего лишь счастливым случаем. А может быть, высокое положение уже само является достаточным доказательством превосходства, так как иначе правители не были бы правителями, и т. п. Многие до сих пор считают глав государств и влиятельных групп настоящими моральными лидерами, поборниками справедливости, защитниками божественных и людских законов, исключительными примерами для подражания и вечными столпами, подпирающими высшую моральную добродетель.

В современных идеологиях эти аргументы получили огромное развитие, продолжая прославлять ныне существующие правительства и прочие влиятельные религиозные, рабочие и коммерческие организации. В нашей повседневной жизни современного общества мы продолжаем использовать различные титулы вроде: «Ваше высочество», «Ваше величество», «Ваше святейшество», «Высокопреосвященство», «Ваша честь», «Ваше высокопревосходительство», «Ваше высокоблагородие» и т. д., которые различным образом – и в соответствии с официальными протоколами и понятиями о рангах и статусах – кратко выражают саму суть восхваляющих идеологий. Сами правители и их чиновники заявляют о научной аргументированности данных догм, однако отстаиваемая ими точка зрения может быть с лёгкостью опровергнута и решительно отклонена. Безоговорочное восхваление правителей как богов и их наместников на земле основано либо на ложном, либо на не поддающемся проверке посыле. Ни одно из заявлений элиты о себе никогда не подвергалось сомнению, а большинство – в принципе не может быть обосновано. То же самое справедливо и для современных разновидностей восхваляющих идеологий, облечённых в форму чётко выстроенных метафизических, мистических, рациональных, утилитарных и псевдонаучных идеологий, провозглашающих моральное превосходство правителей. Ни одна из этих теорий не предоставляет и минимума эмпирических или логических доказательств для правомерного обоснования её положений. Важная роль правителя в истории и социальной жизни общества сама по себе не может считаться научным обоснованием, поэтому подобные теории скорее относятся к разделу мифов и фантазий, чем к научному знанию.

2. Идеологии двойных стандартов

Идеологии, пропагандирующие двойные стандарты морали, охотно допускают тот факт, что моральное поведение правителей часто неэтично, безнравственно и криминально, если судить с точки зрения законов и норм морали, применимых к простому населению. Однако, согласно этим теориям, моральные качества правящей элиты должны оцениваться с позиции особого свода норм политической морали, совсем не схожего с духовным кодексом обычных людей. Этот особый свод моральных законов продиктован самой природой правительственной деятельности. Успешное исполнение властных функций и обязанностей требует от правителей систематического выполнения такого рода действий, которые, если применять к обычному населению, расценивались бы как

лет минуло с того дня, как отцы наши создали на этой земле новую нацию, основанную на идеалах Свободы и свято верящую, что все люди созданы равными ...», а заканчивалась знаменитыми словами о том, что демократия представляет собой «власть народа, волей народа, для народа» («... government of the people, by the people, for the people ...»). Эта речь полностью высечена на пьедестале памятника Линкольну (Lincoln Memorial) в г. Вашингтоне.

аморальные и криминальные с точки зрения текущих законов этого государства. Однако ради насущных интересов национальной безопасности, правосудия, процветания, стабильности и прогресса нации правительства обязаны игнорировать и нарушать все законы и правила поведения, обязательные для подданных, если, конечно, того требуют государственные интересы.

По тем же причинам поведение и политика правителей должны быть свободны от строгой критики и контроля со стороны существующего свода моральных и правовых законов. Следует всегда различать действия на политические и моральные. Политические действия нельзя судить с точки зрения морали. Невозможно участвовать в политической деятельности и не запачкать руки. В интересах государства политик обязан, если требуется, нарушить своё обещание или даже совершить убийство. Государственная мораль находится вне общественной, а любое зло, даже убийства и преступления, дозволены правителям, когда совершаются во благо государству¹.

В политике всё подчиняется политическому результату, будь то мораль, религия или закон. Правители обязаны реализовать любую стратегию, необходимую для достижения их политических целей. Сама реализация аморальной политики является достаточным оправданием её морали, тогда как провал «духовной политики» – доказательство её политической несостоятельности. По-настоящему великие политические деятели никогда не стеснялись использовать криминальные способы проведения своей успешной политики, в то время как глупые правители часто проигрывали, оставаясь заложниками своей «чистой» морали. Как правило, аморальная и даже криминальная политика великих правителей оборачивается выгодой для народа, по сравнению с политикой, основанной на морали.

Таковы основные принципы идеологий двойных стандартов. Как и «идеологии святости», они возникли ещё в древности и часто использовались вплоть до нашего времени. Например, их прекрасно иллюстрируют Поучения фараона Аменемхета I² (из двенадцатой династии) своему сыну:

«Прислушайся к тому, что тебе говорю, ибо предстоит тебе стать царём мира, правителем земель... Берегись подданных, не приближайся к ним и не оставайся один. Не доверяй брату, не знай друга, да не будет у тебя доверенного, ибо это бессмысленно. Когда ты спишь, охраняй сам свое сердце. Ибо в день несчастья не имеет человек поддержки...»

Впоследствии эти и подобные наставления ещё много раз повторялись и самими правителями, и армией идеологов двойных стандартов. «Государства управляются не молитвенниками», замечает Козимо Медичи³. Преступления правящей элиты – это часть «божественного провидения», выгодного для простых людей (Цуккола⁴). «Сильные люди – лучшие правители, и под их жёстким правлением появляются цивилизованные и

¹ Развитие этой идеи см.: в Benedetto Croce, *Politics and Morals*, tr. S. J. Castiglione, New York, 1945, pp. 3, 4, 60, 65, et passim.

² Аменемхет I – фараон Древнего Египта, правивший в 1976–1947 годах до н. э., основатель XII династии Среднего царства. Одним из важнейших нововведений Аменемхета стала практика соправительства. Он попытался передать сыну навыки искусства быть царём в так называемом Поучении царя (фараона) Аменемхета, благодаря чему его сын, Сенусерта I, стал одним из величайших правителей Египта, легендарным фараоном.

³ Козимо Медичи Старый (итал. Cosimo di Giovanni de' Medici, Cosimo il vecchio, 1389–1464) – активный флорентийский политический деятель, один из выдающихся государственных людей своего времени. Купец и банкир, владелец крупнейшего в Европе состояния.

⁴ Фулькерио ди Цуккола (1269–1293) – францисканец, епископ Конкордии (Италия).

совершенные общества... Посредством жестокости правители обновляют свою силу, и из их преступлений произрастают цивилизованные общества» (Вико Джамбаттиста¹). «*Qui nescit dissimulare nescit regnare*» (тот, кто не знает как уничтожать, не знает и как управлять)», – говорит Людовик XI², король Франции. Его совет повторяет Луи XIV³ в своём наставлении: «*N'ayez jamais d'attachement pour personne* (Никогда ни к кому не привязывайся)» и Наполеон⁴: «Если люди говорят, что король добр, это значит, что он плохой правитель». Подобные же высказывания делались многими правителями Египта и Вавилона, Китая и Индии, Ирана и Рима, России, Европы и других стран.

Наиболее подробно идеологии двойных стандартов были разработаны философами древности, средневековья и нашего времени, такими как «индийский Макиавелли», Каутилья⁵, в своей Артхашастре⁶, Ян Чжу¹ из Китая, Фрасимах², Калликл³, Фукидид⁴,

¹ Джамбаттиста Вико (итал. Giambattista Vico, 1668–1744) – итальянский философ, основоположник философии истории и этнической психологии. Автор труда «Основания новой науки об общей природе наций». Одна из основных идей Вико – своеобразная связь формалистической жёсткости с первобытной красочностью, свойственной правовым понятиям древности, значение классовой борьбы между патрициями и плебеями, преобразующей государство, и тем самым значение классовой борьбы вообще. Карл Маркс ценил у Вико мысль об изначальной и неискоренимой враждебности общественных классов.

² Людовик XI (фр. Louis XI, 1423–1483) – король Франции с 1461 по 1483 г. из династии Валуа. Людовик XI был набожным, жестоким и осторожным королём. Его правление ознаменовано политическими интригами сомнительного морального характера, целью которых было объединение раздробленной Франции и ликвидация самостоятельности крупных феодалов. Впрочем, Людовик в этом преуспел и считается основателем абсолютной монархии во Франции.

³ Людовик XIV де Бурбон (фр. Louis le Grand, 1638–1715) – король Франции и Наварры с 14 мая 1643 г., царствовал 72 года – дольше, чем какой-либо другой европейский король в истории. Также известный как «король-солнце» (фр. Louis XIV Le Roi Soleil). Людовик XIV был убеждённым сторонником абсолютной монархии и божественного права королей (ему приписывают выражение «Государство – это я!»). Царствование Людовика – время значительной консолидации единства Франции, её военной мощи, политического веса и интеллектуального престижа, расцвета культуры, вошло в историю как Великий век.

⁴ Наполеон I Бонапарт (фр. Napoléon Bonaparte, 1769–1821) – император французов (фр. Empereur des Français) в 1804–1815 годах, выдающийся полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства.

⁵ Чанакья (санскр. चाणक्य Cāṅkya; ок. 370 – 283 гг. до н. э.), известный также под именами Каутилья, Вишнугупта и Ватсьяяна – знаменитый индийский брахман, игравший главную роль в возведении нового правителя Чандрагупты на престол царства Магадха (321 до н. э.) и в уничтожении прежней династии. Он был известен своей небывалой хитростью и тонким политическим умом, часто сравнивается историками Индии с итальянцем Макиавелли, который жил 1800 лет спустя. Под именем Каутилья и Вишнугупта является автором политического трактата «Артхашастра», что в переводе с санскрита значит «Наука о пользе». Данная работа является первой в мире книгой, в которой были сформулированы основные принципы деятельности спецслужб. Чанакья считается пионером в области экономики и политической науки, его основной труд рассматривают как предшественник классической экономики.

⁶ «Артхашастра» – древнеиндийский политический и экономический трактат, составителем которого считается Каутилья – главный советник императора Чандрагупты Маурьи (321–297 года до н.э.). «Артхашастра» – это наставления царю для правильного управления страной. Это наиболее полный свод прикладных знаний о политике, энциклопедия индийского политического искусства. Трактат содержит положения брахманизма о кастовых предписаниях, о необходимости обеспечения закона дхармы суровыми наказаниями, о превосходстве жречества над другими сословиями, его монополии на отправление религиозного культа. В тексте чётко прослеживается идея господства наследственной знати и подчинения светских правителей жрецам. Царь должен следовать дворцовому жрецу, говорится в трактате, «как ученик учителю, как сын отцу, как слуга господину». Однако авторы трактата главную роль в законодательной деятельности отводили государю и рекомендовали царям руководствоваться в первую очередь интересами укрепления государства,

Карнеад⁵, Секст Эмпирик⁶, и Лукиан⁷ в древней Греции и Риме; Пьер Дюбуа⁸, Марсилий Падуанский⁹, Макиавелли¹⁰, Вико, Жан Боден¹¹, Томас Гоббс¹², Бенедетто Кроче¹, Со-

соображениями государственной пользы и не останавливаться, если того требуют обстоятельства, перед нарушением религиозного долга.

¹ Ян Чжу (пиньинь: Yáng Zhū, Ян-цзы, Ян Цзыцзюй, Ян Шэн, (примерно 2-я половина 5-го века до н.э.) – древнекитайский философ, противник конфуцианства. Обычно взгляды Ян Чжу характеризуют как атеизм, материализм и крайний гедонизм. Ян Чжу отвергал существование целенаправленной «воли Неба». Проповедывал наслаждение жизнью. Считал бесполезной деятельность совершенномудрых властителей древности и самого Конфуция.

² Фрасимах (греч. Φρασμάχος, ок. 459–400 гг. до н. э.) – древнегреческий софист, наибольшую известность получил как персонаж диалога Платона «Государство».

³ Калликл (др.-греч. Καλλικλῆς; V в. до н.э.) – древнегреческий софист, ученик Горгия, действующее лицо платоновского диалога Горгий.

⁴ Фукидид (др.-греч. Φουκιδίδης, ок. 460 – ок. 400 до н. э.) – крупнейший древнегреческий историк, основатель исторической науки, автор «Истории Пелопоннесской войны».

⁵ Карнеад (214–129 до н. э.) – древнегреческий философ, развивал крайний скепсис и отрицал знание и возможность окончательного доказательства. В составе знаменитого афинского посольства вместе со стоиком Диогеном Вавилонским и перипатетиком Критолаем посетил Рим в 155 году до н.э.

⁶ Секст Эмпирик (примерно 2-я половина 2-го века н. э.) – древнегреческий врач и философ, представитель классического античного скептицизма. Его произведения «Пирроновы положения» (Πυρρόνεια ὑποτάξεις) и «Против учёных» (Adversus Mathematicos) являются основными источниками по философии античного скептицизма. В них упомянуто много свидетельств и фрагментов из учений философов, чьи произведения не сохранились.

⁷ Лукиан из Самосаты (лат. Lucianus Samosatensis, около 120 – после 180 гг. н. э.) – древнегреческий писатель. В сатирических сочинениях Лукиан высмеивает общественные, религиозные и философские предрассудки, а также другие пороки современного ему общества.

⁸ Пьер Дюбуа (фр. Pierre Dubois; примерно 1250 – после 1321) – французский правовед и политический публицист, более всего известный как автор ряда политических памфлетов, в которых высказывались оригинальные и смелые для его времени идеи. Дюбуа высказывал антиклерикальные взгляды и утверждал, что мир внутри французского королевства может быть достигнут только путём уменьшения прав католического духовенства и расширения власти короля; он также предложил собирать некое подобие «арбитражного совета» из наиболее влиятельных правителей европейских государств для решения спорных вопросов.

⁹ Марсилий Падуанский (родился около 1270 г.) – средневековый схоласт (представитель европейской средневековой философии, сконцентрированной вокруг университетов и представляющей собой синтез христианского (католического) богословия и логики Аристотеля). Написал в 1324 г. знаменитую книгу «Defensor Pacis» («Защитник мира»). Марсилий утверждал, что в делах, зависящих от всех, у каждого должно быть право влиять на ситуацию, однако подобный подход не означает популизма и демократии, поскольку, в глазах Марсилия, именно король представляет народ.

¹⁰ Никколо Макиавелли (итал. Niccolò di Bernardo dei Machiavelli; 1469–1527) – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель, автор военно-теоретических трудов. Выступал сторонником сильной государственной власти, для укрепления которой допускал применение любых средств, что выразил в своём труде «Государь» (1532 г.).

¹¹ Жан Боден (фр. Jean Bodin; примерно 1529–1596) – французский политик, философ, экономист, юрист, член парламента Парижа. В понимании Бодена суверенная власть государства – абсолютная власть, не ограниченная никакими условиями, носитель же этой власти может её передать другому лицу как собственник; это власть единая, то есть неделимая – она не может принадлежать одновременно монарху, аристократии и народу, её нельзя разделить на трети. Поэтому лучшая форма власти – монархия.

¹² Томас Гоббс (англ. Thomas Hobbes; 1588–1679) – английский философ-материалист, один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета. Гоббс выделяет всего три формы государства: демократию, аристократию и монархию. Демократию он не одобряет, так как она ведёт к возникновению партий, а это, в свою очередь, приводит к гражданской войне. Аристократия лучше, но она тем совершеннее, чем меньше походит на народное прав-

рель², Вильфредо Парето³, Ленин⁴, Сталин⁵, Гитлер⁶, Муссолини⁷ и прочими поборниками свободы правителей от правил морали, независимости политики от этики, сторонниками оправдания аморального поведения только за счёт успешности проведённой политики, сведения всех ценностей к уровню простых средств политической борьбы.

Из всех вышеперечисленных Макиавелли удалось сформулировать теорию двойных моральных стандартов в наиболее чистом и кристаллизованном, если так можно сказать, виде в своём «Государе»: Тот, кто... желает исповедовать добро во всех случаях жизни... неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением, смотря по надобности.

Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же – воздерживаться по мере сил, но не более. И пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех

ление и чем больше сближается с монархией. Лучшая форма государства – монархия, она более всех других соответствует идеалу абсолютной и неразделенной власти.

¹ Бенедетто Кроче (итал. Benedetto Croce; 25 февраля 1866 – 20 ноября 1952) – итальянский интеллектуал, атеист, критик, философ, политик, историк. Представитель неогегельянства (философское течение, его последователи, ссылаясь на Гегеля, склонялись к методу диалектики, к метафизике, а особенно к метафизическому толкованию культуры и истории, к защите идеи абстрактного государства силы и к выдвиганию на первый план наук о духе в противоположность естественным наукам).

² Жорж Эжен Сорель (фр. Georges Eugène Sorel; 1847–1922) – французский философ и публицист. Выражал своё восхищение идеологам монархизма и национализма. После Октябрьской революции 1917 г. в России Сорель стал поклонником большевизма и, в частности, Ленина, а незадолго до своей смерти высказал одобрение лидеру итальянских фашистов Бенито Муссолини. К либеральной демократии Жорж Сорель относился с крайним презрением. В своей самой известной книге «Размышления о насилии» (1906 г.) он писал: «Опыт показывает, что во всех странах, где демократия может спокойно развиваться сообразно своей природе, господствует подкуп в самом бессовестном виде, причём никто не считает нужным скрывать своих мошеннических подделок».

³ Вильфредо Парето (1848–1923) – итальянский инженер, экономист и социолог. Один из основоположников теории элит. По мысли Парето, общество имеет пирамидальную структуру, на вершине которой находится элита – руководящий социальный слой, направляющий жизнь всего общества. В своих работах Парето скептически относился к демократическим режимам, называя их «плутодемократическими» или «демагогической плутократией», полагая, что в политической жизни есть универсальный закон, при котором элита всегда обманывает массы.

⁴ Владимир Ильич Ульянов (псевдоним Ленин; 1870–1924) – российский революционер, советский политический и государственный деятель, публицист, основоположник марксизма-ленинизма, основатель СССР, первый председатель СНК СССР.

⁵ Иосиф Виссарионович Сталин (настоящая фамилия – Джугашвили, 1879–1953) – российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель, Генералиссимус Советского Союза.

⁶ Адольф Гитлер (1889–1945) – основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего рейха. Экспансионистская политика Гитлера стала одной из главных причин развязывания Второй мировой войны. С его именем связаны многочисленные преступления против человечества, совершённые нацистским режимом как в самой Германии, так и на оккупированных ею территориях, включая Холокост.

⁷ Бенито Амилькаре Андреа Муссолини (1883–1945) – итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922–1943 годах. Муссолини был одним из основателей итальянского фашизма, включавшего в себя элементы корпоративизма, экспансионизма и антикоммунизма в сочетании с цензурой и государственной пропагандой.

пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность.

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не шадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но, когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности... Любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Когда государь ведет многотысячное войско, он тем более должен пренебречь опасностью прослыть жестоким, ибо, не прославив жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска... Итак, возвращаясь к спору о том, что же лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись, скажу, что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого.

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямоту и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдерживать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность.

Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум – льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и, если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру. Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить.

Один из нынешних государей, которого воздержусь называть, только и делает, что проповедует мир и верность, на деле же тому и другому злейший враг; но если бы он последовал тому, что проповедует, то давно лишился бы либо могущества, либо государства.

Добрými делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными, поэтому государь, как я уже говорил, нередко вынужден отступать от добра ради того, чтобы сохранить государство, ибо если та часть подданных, чьего расположения ищет

государь, – будь то народ, знать или войско, – развращена, то и государю, чтобы ей угождать, придется действовать соответственно, и в этом случае добрые дела могут ему повредить¹.

Таков ответ идеологов двойных стандартов на наш вопрос.

Однако данный ответ сразу же порождает очередной вопрос, является ли принцип двойной морали дозвольтельным и правомерным? Если принцип служит когнитивным целям в том смысле, что даёт нам фактическое знание о моральном поведении правящих групп (в сравнении с подчинёнными), то он действительно имеет научную ценность и подтверждает своё право на существование. Принцип двойных стандартов имеет моральные и правовые причины считаться состоявшимся, если он служит духовным целям морального и легального облагораживания правителей и подданных, либо даёт правомерную моральную и легальную основу для узаконивания нарушений моральных законов и правовых обязательств правителей. Если же принцип двойных стандартов не служит этим – научным и этическим – задачам, то он подрывает все существующие духовные ценности и ведёт к деморализации как правителей, так и населения в целом.

Вместо того чтобы увеличивать наше эмпирическое знание о моральном поведении правителей, принцип двойных стандартов лишь затуманивает его. При внимательном прочтении вышеизложенных выдержек из «Государя» и прочих цитат можно понять, что они не являются ни научными утверждениями о реальном моральном поведении правителей, ни выдающимися моральными и юридическими формулами, в соответствии с которыми должны действовать правители. Идеологи двойных стандартов сами заявляют, что поистине добродетельное правление будет подчиняться моральным и легальным императивам, провозглашённым в своде законов общества. В терминах Макиавелли, добродетельный правитель должен быть «само милосердие, честность, человечность и вера». Совершенно абсурдно настаивать на том, что нарушение этих добродетелей само по себе может стать добродетелью, а аморальные и незаконные поступки – превратиться в справедливое и честное правление. Это всё признак дуализма идеологии двойных стандартов: противоречащие сами себе положения, не являющиеся ни фактическим описанием реального поведения правителей, ни моральными и правовыми предписаниями.

Есть и другие причины отвергнуть позицию двойных стандартов в отношении морали. Во-первых, планомерное развитие ядра идеологии приводит к формулированию уже знакомой заповеди: «правитель не может навредить своему народу» – что ставит правителей выше законов и всех моральных и этических норм. В итоге мы приходим к полной абсолюции² правителей и их освобождению от любых преступлений и последствий аморальных действий. Данный подход стирает саму границу между добром и злом, преступлением и законным поступком, что неминуемо приводит к полному моральному нигилизму. Вместо ответа на наш вопрос о сравнении моральных качеств правителей и их подданных, подобный нигилизм упраздняет любые различия между моралью и аморальностью и вместе с этим выводит вопрос как таковой из поля исследования.

Во-вторых, если мы примем на веру постулат о полном оправдании всех грехов и преступлений правителей, то любое исследование уровня преступности среди правителей станет невозможным, так как они по определению не могут быть преступниками, и нам останется лишь изучать уровень преступности простого населения.

¹ N. Machiavelli, *The Prince*, A Mentor Book, New York, The New American Library of World Literature, 1957, pp. 92–93, 98–103.

² Абсолюция – прощение; освобождение от ответственности, долгов, наказания.

В-третьих, вводя различные шкалы для измерения морали, идеологи двойных стандартов делают невозможным само измерение, так как какие бы величины ни сравнивались, шкала должна быть всегда единой.

В-четвёртых, принцип двойных стандартов морали означает полную релятивизацию¹ моральных норм и законов. На практике один и тот же закон или заповедь, например, «не убий», становится обязательным для одних (простолюдинов) и необязательным для других (правителей). В этом случае наступает атомизация² моральных и правовых принципов: их влияние на общество становится условным и зависит от объекта применения. Когда же не только второстепенные, но и основные моральные принципы провозглашаются относительными, это неизбежно ведёт к всеобщей атомизации ценностей, продолжающейся до тех пор, пока последние не превратятся в пыль и лишатся всякой силы мотивации³.

Подобного рода атомизация моральных ценностей порождает конфликты внутри общества. Это, в свою очередь, вызывает ненависть, а та ведёт к применению грубой силы и кровопролитию. В хаосе конфликтов и произвольных норм морали сильный неизбежно становится правым, а результатом всего этого будет *helium omnium contra omnes* («Война всех против всех»⁴). Далее следует неизбежный коллапс всей системы моральных и правовых ценностей, что опять-таки ведёт к нигилизму и правовой анархии.

В-пятых, все заповеди и основополагающие законы созданы как нормы, связывающие и руководящие всеми членами общества, как правителями, так и подданными. Десять заповедей, Нагорная проповедь⁵, Бхагвад-Гита¹, моральные принципы даосиз-

¹ Релятивизм (от лат. *relativus* – относительный) – методологический принцип, состоящий в метафизической абсолютизации относительности и условности содержания познания. Релятивизм происходит из одностороннего подчёркивания постоянной изменчивости действительности и отрицания относительной устойчивости вещей и явлений.

² Атомизация – данный термин Сорокин развивает в «Системе социологии», изданной в России в 1922 г. В общем виде атомизацию можно определить как процесс разложения целого на неделимые элементы.

³ Сравни P. Sorokin, *Crisis of Our Age*, New York, E. P. Dutton & Co., 1957, ch. IV; P. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, Boston, Porter Sargent, 1957, ch. 24, 25.

⁴ Война всех против всех – понятие, получившее развитие в работах английского философа Т. Гоббса (1588–1679). Изучая природу человека, Гоббс считал, что в самой природе людей заложены причины для соперничества, недоверия и страха, которые приводят к враждебным столкновениям и насильственным действиям, направленным на то, чтобы погубить или покорить других. К этому присоединяется жажда славы и разногласия во мнениях, которые также заставляют людей прибегать к насилию. Словом, «возникает война всех против всех». В ходе такой войны люди употребляют насилие, чтобы подчинить себе других или же в целях самозащиты. Но так или иначе каждый является врагом каждого, полагаясь только на собственную силу и ловкость, находчивость и изобретательность. О подобном состоянии всеобщей войны и сопротивления Гоббс пишет, как о «естественном состоянии человеческого рода» и трактует его как отсутствие гражданского общества, то есть государственной организации, государственно-правового регулирования жизни людей. В естественном состоянии, отмечал философ, действует лишь естественное право, позволяющее человеку «делать все, что ему угодно и против кого угодно». Мерилом права в естественном состоянии является польза, ибо каждый человек, действуя на свой страх и риск, добивается того, что ему выгодно, что служит его интересам.

⁵ Нагорная проповедь – проповедь Иисуса Христа о «блаженствах», в которой выражена сущность новозаветного закона, в отличие от ветхозаветного. Она произнесена была на горе, которую исследователи отождествляют с горой Курн-Хаттин. Содержание проповеди излагается в Евангелии от Матфея гл. V–VII и Луки гл. VI, 17–49. Она начинается прямо с определения тех, кто мог сделаться членами новозаветного общества и воспользоваться его правами. В Ветхом Завете принадлежность к избранному обществу обуславливалась внешними свойствами и признаками людей –

ма², конфуцианства³, буддизма⁴, индуизма⁵, ислама¹ и любой другой истинно духовной системы адресованы всем без исключения. Они не делают никаких оговорок для правителей.

их происхождением от Авраама и обрезанием; в Новом Завете, напротив, все зависит от внутренних достоинств человека, и это внутреннее достоинство определяется десятью «блаженствами», то есть качествами душевного настроения. Господствующая черта блаженств – полнейшее духовное смирение и самоуничижение. Так, например, заповедь «не убий» в Новом Завете получает более широкий и глубокий смысл и распространяет свое действие даже на внезапный и напрасный гнев с его гибельными последствиями, и на всякие презрительные и унижительные для человека выражения. В Новом Завете закон карает уже не только руку, совершающую убийство, но и самое сердце, питающее вражду: отвергается даже дар, приносимый Богу, пока сердце приносящего питает в себе какое-нибудь злое чувство. Греховность прелюбодеяния усматривается даже во взгляде на женщину «с вожделием». Вопреки древнему закону: «Око за око», как крайнему выражению эгоизма, проповедуется правило: «Не противься злему» и, как высшее выражение любви, заповедуется «любить врагов своих, благословлять проклинающих нас, благотворить ненавидящим нас, молиться за обижающих и гонящих нас». Люди враждуют между собой вследствие забвения великой истины, что все они – «сыны одного Отца Небесного»; когда эта истина войдет в общее сознание, то люди перестанут разделять себя на ближних и врагов и все человечество станет единым нераздельным братством.

¹ Бхагавад-Гита – (санскр. – песнь богов) – трактат, излагающий основы брахманизма (брахман – представитель высшей касты в Индии, профессиональный жрец) и индуизма (индуизм – религия распространенная в современной Индии). Каждый человек, требует Бхагавад-Гита, должен выполнять свой долг (дхарму) в соответствии с той варной (кастой), к которой он принадлежит. Главной добродетелью является смирение и покорность, терпение и самоотверженность, ахимса (непричинение боли и зла живым существам), однако в обязанности кшатриев (воинов) может входить насилие и даже убийство. Борьба со злом – удел бога, временами являющегося с этой целью на землю (аватара). Лишь служение богу – Брахме – может привести к слиянию с ним, т. е. к спасению.

² Даосизм – философское учение в Китае в IV–III вв. до н. э., на основе которого во II в. н. э. складывается религия, получившая то же название. Принципы философии даосизма изложены в книге «Дао дэ цзин». Главное понятие в ней, «дао», объявляется сущностью и первопричиной мира, источником его многообразия, «матерью всех вещей». Это некий естественный «путь», по которому должен следовать окружающий мир и все люди. Для религии даосизма характерно эклектическое сочетание элементов буддизма, конфуцианства, бытовых суеверий, других мистических представлений.

³ Конфуцианство – философско-этическое учение мыслителя др. Китая Конфуция и его последователей, превратившееся на рубеже н. э. в религию. Целью конфуцианства являлось воспитание народа в духе уважения существующих порядков. Согласно Конфуцию, в обществе действует закон «жень», ниспосланный небом. Для усвоения этого закона человек должен соблюдать «ли» – нормы общественного поведения, традиционные обряды, поступать согласно своему общественному положению. Конфуцианство отличается от мировых религий отсутствием жречества, мистических элементов и сводится к строгому выполнению предписанных обрядов.

⁴ Буддизм – одна из трёх (наряду с христианством и исламом) мировых религий, религиозно-философское учение (дхарма) о духовном пробуждении (бодхи), возникшее около VI века до н. э. в Древней Индии. Основателем учения считается Сиддхартха Гаутама, впоследствии получивший имя Будда Шакьямуни. В центре буддизма – учение о «четырёх благородных истинах»: существуют страдание, его причина, состояние освобождения и путь к нему. Страдание и освобождение – субъективные состояния и одновременно некая космическая реальность: страдание – состояние беспокойства, напряжённости, эквивалентное желанию, и одновременно пульсация дхарм; освобождение (нирвана) – состояние несвязанности личности внешним миром и одновременно прекращение волнения дхарм. Буддизм отрицает потусторонность освобождения; в буддизме нет души как неизменной субстанции – человеческое «я» отождествляется с совокупным функционированием определенного набора дхарм, нет противопоставления субъекта и объекта, духа и материи, нет Бога как творца и безусловно высшего существа. В ходе развития буддизма в нём постепенно сложились культ Будды и бодхисатв, ритуал, появились сангхи (монашеские общины) и т. д.

⁵ Индуизм – одна из индийских религий, которую часто описывают как совокупность религиозных традиций и философских школ, возникших на Индийском субконтиненте и имеющих общие чер-

Столь однозначная позиция подлинного свода моральных принципов ведущих религий не даёт ни малейших оснований для оправдания аморального поведения правителей.

Исходя из вышесказанного, сложно не согласиться с точкой зрения лорда Актона², который говорил, что «этика истории никак не может быть связана с религией». В своей переписке с Крейтоном³, он говорит, что не может применять двойные моральные стандарты к королям и прочим правителям «с тем «удобным» допущением, что они не могут навредить [своему народу]». Критикуя политику двойных стандартов Крейтона, он продолжает: «Вы повесите простолюдина, такого как Равальяк⁴ (убийца короля Франции Генриха IV), но если скажут правду о Елизавете, приказавшей тюремщику убить Марию Стюарт, или Вильгельме III, велевшем своему шотландскому министру истребить целый клан, то вы это не только назовёте примерами великих имён, которые сопровождают страшные преступления. Но и по какой-то непонятной причине пожалеете этих преступников. А я бы их повесил, хотя всё же чуть выше, чем Амана⁵, по причине вполне очевидной справедливости: ради исторической науки»¹.

ты. По числу приверженцев он является одной из самых распространенных религий мира. Исторически термин «индуизм» означает верования, которые зародились в Индии в глубокой древности и, видоизменяясь в некоторых чертах, сохранились до наших дней. Сформировалась в I-м тыс. н. э. Индуизм является результатом развития ведической религии и брахманизма и процесса дальнейшей ассимиляции народных верований. Основа индуизма – учение о перевоплощении душ (сансара), происходящем в соответствии с законом воздаяния (карма) за добродетельное или дурное поведение, определяемое почитанием верховных богов (Вишну или Шивы) или их воплощений, и соблюдением кастовых бытовых правил (см. Касты). Культовые обряды совершаются в храмах, у местных и домашних алтарей, в священных местах. В качестве священных почитаются животные (корова, змея), реки (Ганг), растения (лотос) и др. Для индуизма характерно представление об универсальности и всеобщности верховного божества, что особенно проявилось в учении бхакти. Современный индуизм существует в виде 2 течений: вишнуизма и шиваизма.

¹ Ислам – одна из мировых религий, возникшая в начале VII в. Приверженцы ислама называются мусульманами. Вероучение включает представление о единобожии, посредничестве между Богом и людьми, загробном воздаянии, страшном суде и догматы: признание единым Богом Аллаха; основателя И. пророка Мухаммеда – его «посланником»; учение о полной зависимости всего существующего от воли Бога, который предопределяет судьбу человека.

² Джон Актон, лорд Актон (John Emerich Edward Dalberg-Acton, 1st Baron Acton, 1834–1902) – видный английский историк и политик. Ему принадлежит афоризм: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Великие мужи почти всегда оказываются злодеями» (англ. «Power tends to corrupt, and absolute power corrupts absolutely. Great men are almost always bad men.» – см. Acton, Letter on historical integrity, 1887).

³ Манделль Крейтон (Mandell Creighton, 1843–1901) – английский историк и священнослужитель, занимавшийся изучением института папства эпохи Возрождения. Работы Крейтона получили неоднозначные оценки от современников. С одной стороны, все признавали его скрупулёзный и беспристрастный подход в описании исторической действительности, с другой стороны, он часто подвергался критике за апологетику власть имущих. После длительных научных дискуссий с лордом Актоном, профессором Кембриджского университета, составлявшим рецензии на его книги, Крейтон меняет свою точку зрения и в 1895 году пишет, что папство, «создававшееся для главной цели – продвижения моральных ценностей», на самом деле «лишь способствовало развитию величайшей аморальности».

⁴ Франсуа Равальяк (François Ravallac, 1578–1610) – убийца короля Франции Генриха IV. 14 мая 1610 года Равальяк вскочил на подножку королевской кареты, остановившейся на улице Парижа, и нанес два удара кинжалом в грудь. После казни Равальяка его родителей изгнали из страны, а его имя стало нарицательным для цареубийц.

⁵ Аман (также Гаман, Haman the Agagite) – персонаж Ветхого Завета. Аман, царедворец персидского царя Агасвера (Артахсеркса), задумавший из зависти к своему сопернику Мардохею истре-

Аргументы идеологов двойных стандартов, оправдывающих аморальное поведение правителей, столь же неубедительны: «во благо государства», «ради процветания народа», «во имя спасения и безопасности страны» – они как будто бы узаконивают преступную деятельность правящей элиты и переводят её в разряд правомерной. Действительно, большинство сводов законов упоминают ряд подобных случаев и недвусмысленно освобождают правителей от ответственности за преступления, совершённые во благо государства или народа. Однако количество подобных исключений сильно ограничено, а большинство тяжких преступлений в их число не входит. В сущности, любой свод законов² обязывает правителей нести моральную и правовую ответственность за свою преступную деятельность. И ни один из этих сводов не наделяет правителей правом совершать убийства. То же относится к предательству и прочим тяжким преступлениям против индивидов, государства, частной собственности, религии и т. п. Так как закон обязывает каждого, в том числе правителей, нести ответственность за свои преступления, то у апологетов политики двойных моральных стандартов нет почвы для сверхтерпимого отношения к преступлениям правителей.

Более того, в большинстве случаев остаётся непонятным, какова была действительная мотивация правителей при совершении того или иного преступления. Подобно большинству людей, правители склонны рационализировать, приукрашивать и оправдывать все свои преступные деяния, прикрываясь якобы неэгоистичными причинами: *salus populi suprema lex*³, *raison d'etat*⁴ (на благо государства, в интересах народа) и т. п. На самом же деле, почти во всех случаях их личные, чаще всего эгоистические мотивы играют главную роль, в то время как всё остальное лишь прикрытие для достижения собственных целей.

Даже когда правитель руководствуется действительно бескорыстными мотивами, остаётся открытым вопрос, могут ли они изменить саму суть преступления, превратить его в правомерный поступок. Вполне возможно, что недопущение гражданской войны или подобные аргументы стали основой для «легализации» убийства своих сыновей Петром I⁵ и Аббасом Великим⁶. Или когда Генрих VIII¹ «узаконивал» убийства своих

бить всех евреев Персии, до исполнения замысла заплатил своей собственной жизнью после жалобы царицы Есфири: он был повешен на виселице, приговоренной им для еврея Мардохея.

¹ См. Lord Acton, *Essays on Freedom and Power*, Boston, Beacon Press, 1948, pp. 364, 370.

² Более подробно исследование уголовных кодексов см.: P. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, издание в 4-х томах, New York, American Book Co., 1937–41, vol. III, ch. 13–15.

³ *Salus populi suprema lex esto* (с лат. – «Да будет благо народа высшим законом») – латинская фраза, впервые высказанная Цицероном в сочинении «О законах» (*De Legibus*).

⁴ Национальные интересы – русское выражение является переводом с английского (англ. *national interest*), в то время как в других европейских языках это понятие выражено в словах, восходящих к итал. *ragion di Stato* (формулировке Макиавелли), в том числе фр. *raison d'Etat*

⁵ Пётр I Алексеевич, прозванный Великим (1672–1725) – последний царь всея Руси (с 1682 года) и первый Император Всероссийский (с 1721 года). Представитель династии Романовых. В российской историографии считается одним из наиболее выдающихся государственных деятелей, определившим направление развития России в XVIII веке.

⁶ Аббас I, Шах-Аббас (I Abbas, 1571–1629) – шах Персии из династии Сефевидов, правивший в 1587–1629 годах. Крупный реформатор и полководец, Аббас провел административные, политические, военные и экономические реформы, в корне изменив государственное устройство, создал регулярную армию, восстановил фактически развалившуюся Сефевидскую державу, превратив её в централизованную абсолютистскую монархию. При Аббасе Сефевидское государство достигло наибольшего расцвета и могущества. Хотя Аббас был жестоким и деспотичным правителем, ещё при жизни подданные стали именовать его Великим, а современные иранцы считают его своим величайшим государем.

жён, при личном убийстве собственного сына Иваном Грозным², когда Стефан Душан³ душил своего отца, императрица Ирина⁴ ослепила собственного сына; или же другая императрица – Феофано⁵ – убила своего мужа; когда Святополк⁶ убил двоих братьев; или же когда Кромвель⁷, Робеспьер⁸, Ленин, Троцкий¹, Сталин и Гитлер проводили «за-

¹ Генрих VIII Тюдор (Henry VIII, 1491–1547) – король Англии с 22 апреля 1509, второй английский монарх из династии Тюдоров. Образованный и одарённый, Генрих правил как представитель европейского абсолютизма, к концу царствования жёстко преследовал своих действительных и мнимых политических оппонентов. В поздние годы страдал от лишнего веса и других проблем со здоровьем. Развод Генриха VIII с его первой супругой, Екатериной Арагонской, повлек за собой отлучение короля от католической церкви и ряд церковных реформ в Англии, когда англиканская церковь отделилась от римской католической, так называемая Английская Реформация. Всего у короля было шесть жён, из которых с двумя он развёлся, а двух казнил по обвинению в измене.

² Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (1530–1584) – государь, великий князь московский и всея Руси с 1533 года, первый царь всея Руси (с 1547 года).

³ Стефан Урош IV Душан (Душан IV Силни, 1308–1355) – сербский король (с 1331 года) из рода Неманичей, создатель Сербского царства. Под его руководством Сербское королевство превратилось в самую сильную державу региона, составив реальную конкуренцию Византийской империи. В правление царя Стефана в стране была проведена кодификация сербского права, создан «Законник» (свод юридических норм средневековой Сербии), получила распространение византийская культура. По канонической версии, ради того, чтобы взойти на престол, Стефан задушил своего отца (Стефан Урош III) в крепости Звечан в 1331 году.

⁴ Ирина (752–803) – византийская императрица из Исаврийской династии. Стала первой женщиной в истории Византии, правившей самодержавно в 797–802 годах. Стала женой императора Льва IV Хазара в 768 году, после его смерти в 780 начала править как регент при своём малолетнем сыне Константине VI. Когда сын повзрослел и стал претендовать на самостоятельное правление, Ирина ослепила его, захватив самодержавную власть в Империи.

⁵ Феофано (примерно X век) – византийская императрица, супруга двух императоров Романа II Молодого (959–963) и Никифора II Фоки (963–969). Будущая царица родилась в семье простого константинопольского шинкаря (владельца таверны), где затем стала работать проституткой. Встретив молодого наследника престола, Романа, ослабленного горем по покойной малолетней супруге Берте, Феофано овладела его сердцем и вскоре стала царицей. После скорой кончины Романа II Феофано становится регентом за своих сыновей и приводит на престол своего любовника, полководца Никифора. Однако он был слишком закрыт и суров, что приводит к заговору, во главе которого стоит Феофано и её новый любовник, племянник Никифора, Иоанн Цимисхий. Однако после зверского убийства своего дяди Иоанн перекладывает всю вину на Феофано и отправляет её в монастырь.

⁶ Святополк Владимирович «Окаянный» (ок. 979–1019) – князь туровский (с 988, первый из рода Рюриковичей), великий князь киевский в 1015–1016 и 1018–1019. По приказу своего отца, князя Владимира, был заключён под стражу, но после смерти князя в 1015 году выходит на свободу и при поддержке бояр захватывает престол. В этом же года были убиты три его брата: князь Ростовский Борис, муромский князь Глеб и древлянский Святослав. Повесть временных лет обвиняет Святополка в организации убийства Бориса и Глеба, которые при Ярославе были прославлены как святые мученики. Согласно летописи, Святополк послал вышгородских мужей убить Бориса, узнав же, что брат ещё жив, велел варягам добыть его. Глеба он, согласно летописи, призвал именем отца в Киев и послал людей убить его по дороге. Святослав погиб, пытаясь бежать от убийц в Венгрию.

⁷ Оливер Кромвель (Oliver Cromwell, 1599–1658) – английский государственный деятель и полководец, вождь индепендентов, руководитель Английской революции XVII века. Революция шла с 1640 по 1645 гг., когда Кромвель создал «Армию нового образца», одержавшую решающую победу, и завершилась полной победой парламента. Получив определённые полномочия, Кромвель упразднил верхнюю палату парламента и назначил совет из своих боевых соратников-протестантов. Однако, взяв власть в свои руки (получив новый титул лорд-протектора), он начал наводить поистине «железный» порядок, фактически установив личную диктатуру – протекторат Кромвеля, длившийся вплоть до его смерти в 1658 году.

⁸ Максимилиан Франсуа Мари Исидор де Робеспьер (Maximilien François Marie Isidore de Robespierre, 1758–1794) – французский революционер, один из наиболее известных и влиятельных по-

чистки» среди собственных друзей и убивали тысячи невинных людей, и в сотнях подобных убийств, совершённых или санкционированных правителями. Может ли подобный мотив узаконить эти действия с моральной точки зрения? Может ли он сделать их легальными? И наконец, может ли подобного рода правление служить универсальным примером исключительного морального поведения, достойным подражания каждым?

Отрицательный ответ на все эти вопросы просто очевиден. Гипотетически вымышленный благородный мотив ни в коей мере не может служить моральным оправданием безнравственности, равно как и не легализует преступления, и уж тем более не сделает из правителей героев, достойных всеобщего подражания. Что действительно обнаруживают подобные действия, так это полную «моральную дикость» правителей и неспособность контролировать свою животную сущность. Если подобного рода аморальное поведение правителей станет примером для подражания, тогда неизбежно наступит полная – моральная, ментальная и социальная – анархия уже в кратчайшие сроки. Так что рассмотренные аргументы критикуемых нами идеологов всего лишь вариация уже знакомого девиза: «Цель оправдывает средства»². Мы прекрасно знаем, что почти всегда подобного рода преступные действия становятся реальной целью власть имущих, а любые их позитивные последствия меркнут на фоне отрицательных результатов.

Уже не столь убедительно звучит постулат о меньшем зле, причиняемым институтом правления, в сравнении со свойственными человеческой расе смертными грехами, наполняющими всё общество. Нам неустанно твердят, что именно по этой причине преступления правителей не только оправданы, но и полезны как для всего человечества, так и для отдельных подвластных этим правителям наций. Например, вавилонские мифы о грехопадении изначально невинного человека – прекрасная иллюстрация подобного рода идеологии:

«Во времена, когда смертные были вынуждены выполнять свои обязанности по одиночке и на совесть, не существовало ни правительств, ни судебных тяжб, ни ненависти, ни эгоизма. Однако затем во многих умерла совесть, тогда и появились судебные разбирательства, а королей назначили, чтобы решать споры, наделив их властью карать виновных.

В былые времена люди были исключительно добродетельны и лишены вредных привычек, пристрастий. Теперь же, когда алчность и злоба овладели людьми, понадобились судебные процедуры [и правительства]»³.

литических деятелей Великой французской революции. После начала революции 13 месячный период известен, как Эпоха Террора – период насилия в ходе конфликта между соперничающими политическими группировками (жирондисты и якобинцы), в течение которого якобинцами были осуществлены массовые казни «врагов революции». Количество убитых насчитывалось от 16 000 до 40 000, во многих случаях записи не сохранились или имелись неточные данные. Посредством Революционного Трибунала лидеры Террора, обладая широкими диктаторскими полномочиями, использовали их для применения массовых казней и политических репрессий. Их деятельность закончилась в результате переворота 27 июля 1794 года («термидорианская реакция»), после которого несколько лидеров Эпохи Террора были казнены, в том числе и Робеспьер.

¹ Лев Давидович Троцкий (Лейба Давидович Бронштейн, 1879–1940) – революционный деятель XX века, идеолог троцкизма – одного из течений марксизма. Именно Троцкий формулирует понятие «красный террор» в работе «Терроризм и коммунизм», как «орудие, применяемое против обречённого на гибель класса, который не хочет погибать».

² «Цель оправдывает средства» (*Finis sanctificat media*) – крылатая фраза, часто приписываемая авторству Никколо Макиавелли, итальянскому мыслителю, историку и государственному деятелю. Но это ошибочное мнение. На самом деле это изречение является девизом ордена иезуитов и соответственно основой их морали, авторство принадлежит иезуиту Эскобару (Antonio Escobar у Mendoza, 1589–1669).

³ См. Narada, 1:1, 2; Brihaspati, 1:1, в *The Sacred Books of the East*, vol. XXXIII, Oxford, 1889.

После грехопадения человека и образования правительств «В помощь королям Создатель сотворил Наказание – защитника всех созданий, воплощение закона... Под страхом Наказания все существа... перестали уклоняться от своих обязанностей... Лишь Оно правит всеми божими тварями... Без Него сильный обидит слабого, ворон польститься на жертвенного агнца... ни у кого не будет собственного имущества, нищие захватят трон. Весь мир сохраняет равновесие за счёт Наказания, ибо невинны лишь дети... Если бы не было страха перед Наказанием, люди бросались бы друг на друга, обуеваемые яростью, вследствие бесконечных своих и чужих ошибок. Но где, карая грешников, величавой поступью проходит само Наказание, там ничьи права не нарушаются, так как все знают, что правосудие всегда отличит виновных от правых»¹.

Главная идея выше обозначенных идеологий вполне ясна: общество идеальных и безгрешных людей вряд ли нуждается в каком-либо насильственном управлении со сводом законов и наказаний. Отсюда вытекает следующая мысль – в обществе порочных и диких людей любое правительство с его законами, пусть даже не самыми справедливыми, будет меньшим злом, по сравнению с безвластьем и анархией. Плохие законы лучше, чем полное беззаконие, умеренное насилие со стороны правительства предпочтительней жестокости войны всех против всех.

Однако подобные соображения не могут узаконить преступления правителей, так же как и само существование правительств, способствующих деморализации собственного общества, и уж тем более они не способны перевести аморальные поступки в разряд благородных и достойных похвал. Древние мифы о грехопадении человека гораздо чётче и понятней, чем байки идеологов двойной морали: древние верования и мифы решительно осуждают нарушения правителей и всегда делают поправку: «если правитель, карающий от имени закона, может справедливо рассудить стороны» (Законы Ману²), «если король свят в своих действиях и помыслах, полностью осведомлён, свободен от своих личных переживаний и беспристрастен по отношению к подсудимым»³, «если король не хвастает своими добродетелями»⁴, «что король, который не занят своими прямыми обязанностями, должен выполнять судопроизводство», и «что преступники должны быть наказаны как в этом, так и в ином мире»⁵.

Похожие предостережения можно найти в большинстве сводов духовных и мирских законов: древнекитайском, египетском, исламском и т. д.

Вышеперечисленного вполне достаточно, чтобы проиллюстрировать научную, равно как и моральную несостоятельность «макиавеллиевских идеологий» двойных моральных стандартов.

3. Критические идеологии: худшее правление лучшее

Третий тип идеологий, описывающий мораль правителей и институтов управления, – критические и осуждающие идеологии. Этот подход, так же как и два предыдущих,

¹ См. The Laws of Manu, VII: 14–22, Ibid., vol. XXV, Oxford, 1886.

² Законы Ману (древнеиндийск. между II в. до христ. эры и IV в. после христ. эры) – знаменитый памятник дидактической литературы древней Индии, излагающий в эпических двуступициях (шьяока) космогонические мифы (отдел I), культово мотивированные канонизированные нормы быта и общежития различных каст, мирян и аскетов (отд. I, VI, X), политические учения (отд. VII), гражданское и уголовное право (отд. VIII–XI) и философское учение о переселении душ, созревании плода злых и добрых деяний в последующих воплощениях (карма) и об освобождении (мокша) от цепи непрерывных воплощений (отд. XII).

³ Gautama, XI: 1–7; Apastamba, 11:10, 25; Sacred Books of the East, vol. II, Oxford, 1879.

⁴ The Sacred Books of the Hindus, vol. XVI, Allahabad, 1914, pp. 40.

⁵ The Sacred Books of the Hindus, vol. XVI, Allahabad, 1914, pp. 40.

зародился ещё в древности, и к нему обращаются и по сей день. Даосизм является классическим примером подобного рода интерпретации и оценки деятельности правительственных институтов и правителей в частности. По своей сути даосизм – это философия бытия в сравнении со становлением. Он противопоставляет вечный, все распространяющийся, неизменный Дао постоянно меняющемуся внешнему началу, бездействие – вечному движению, контроль и сведение на нет желаний – их максимизации и разнуданному удовлетворению; бесполезность, всеобъемлющий вред суетных правительств – прославлению сильных правителей и реформаторов.

Следующая цитата из учения даосизма¹ хорошо иллюстрирует эти положения: «До того, как были сотворены небеса и земля, существовало нечто, единое и всё же совершенное, столь неподвижное и нематериальное! Лишь оно одно остаётся неизменным и наполняет собой всё. Его можно рассматривать как мать всего сущего. Я не знаю его имени: но раз уж мне надо его обозначить, то назову его Дао. Человек черпает законы на земле, земля на небесах, небеса берут их у Дао, Дао – у самого себя»².

Разум человека предпочитает постоянство, но желания влекут его прочь... Когда же человек освобождается от своих желаний, он познаёт истинный покой и отдых. В вечном постоянстве заключена бесконечная безупречность и покой³.

¹ Цитата приведена из трактата «Дао дэ цзин» (в переводе «Книга пути и достоинства») – основополагающий источник учения даосизма. Авторство книги приписывается Лао-цзы (VI–V вв. до н.э.).

² Перевод фрагмента выполнен с английского языка, приведённого Сорокиным, ссылающимся на текст: Tao-Teh-King, 6; в The Sacred Books of the East, vol. XL, Oxford, 1891. Альтернативный перевод на русский язык с языка оригинала текста, китайского, выполненный Ян Хиншуном (Ян Синшунь, 1904–1989) – советским китаистом, историком философии, китайцем по происхождению:

«О возникшее в хаосе, рожденное раньше Неба и Земли!

О беззвучное!

О бесформенное!

Одинокое, неизменное!

Вездесущее, безграничное!

Рождающее чрево Поднебесной!

Не знаю имени его – обозначу его ДАО

Назову Великим

Великое, оно движется вечно

Вечно в движении, предела не находит

Не найдя предела, возвращается

Великое ДАО, великое Небо, великая Земля

Великий царь!

Четыре великих столпа вселенной, один из них – царь

Человек в пределах Земли, Земля в пределах Неба

Небо в пределах ДАО

ДАО беспредельно»

³ Tao-Teh-King; в The Sacred Books of the East, vol. XL, Oxford, 1891. Pp. 251–52.

25 стих, альтернативный перевод с языка оригинала текста, китайского, выполненный Ян Хиншуном:

«Начало Поднебесной – мать Поднебесной

Постигнув мать, узнаешь и детей

Зная детей, снова вспомни мать

Тогда жизнь проживешь безопасно

Оставив желания, избегая страстей

Всю жизнь не узнаешь усталости

Предаваясь страстям, погрязнув в делах

Спасения не обретешь

Видеть мельчайшее – зоркость

Оставаться слабым – могущество

Созерцать свет, постигать его глубинный смысл

Не навлекать беды – верность подлинному»

Бездействие лучше, чем суета по бездействию. Небеса ничего не делают – отсюда их спокойствие. Земля ничего не делает – отсюда её покой. Все сущее в его многообразии произошло из этого бездействия¹.

У мудреца не будет никаких желаний и амбиций, никаких целей, он не будет совершать никаких целенаправленных и активных действий: тогда всё станет причиной самого себя.

Чем больше запретов и законов в империи, тем беднее становятся люди. Чем больше у людей оружия, тем беспокойней ситуация в государстве. Чем больше знаний и умений, тем более удивительные происходят происшествия. Чем больше приговоров приводится в исполнение, тем больше становится воров и разбойников. Поэтому святые говорят: я пользуюсь не осуждением, и люди сами себя изменяют, я не использую наущений, и люди сами становятся богатыми, я люблю покой и тишину, и люди сами становятся благочестивыми, у меня нет никаких желаний, и люди сами остаются честными².

В чётком соответствии с этими принципами даосизм сформулировал радикальную политику невмешательства по отношению к правительству и его деятельности. Некоторые из этих формул даосизма (например, «Лучшее правительство то, которое хуже всего правит» или «реформаторы – самые непрактичные из людей») постоянно использовались различными философами, такими как Форо и Лев Толстой, в последующие века. Даосисты воспринимают за аксиому постулат о власти имущих: любой правитель или король ничем не отличается от бандита, и оба они как глупы, так и бесчестны³.

Такие критики, как Годвин⁴, Спенсер¹, Гумплович² и Оппенгеймер³, высказывались против образования правительств посредством войны и агрессии. Ввиду этих причин

¹ Там же, pp. 3–4.

7 стих, альтернативный перевод с языка оригинала текста, китайского, выполненный Ян Хиншуном:

«Небо и Земля – долговечны
Небо и Земля долговечны, ведь существуют не для себя
Вот и существуют долго
Мудрый всем уступает, вот и оказывается впереди всех
Не заботится о своей жизни, вот и живет
Все оттого, что не думает о своих делах –
Вот они и улаживаются сами»

² См. Lao-Tse's Canon of Reason and Virtue, 9, в W. S. A. Pott, tr., Chinese Political Philosophy, New York, 1925, pp. 106.

³ Так или иначе, но многие философы осуждали все формы правительств, например Платон (высказывал недоверие по поводу тимократии, олигархии, тирании, демократии, за исключением лишь правительства мудрецов-философов), Аристотель (в отношении олигархии, демократии и охлократии), Полибий, Цицерон, некоторые циники, стоики и эпикурейцы, несколько отцов церкви и средневековых идеологов, многие индуистские, джайнистские, буддистские, суфистские и западные мыслители всех времён. Философы, начиная с У. Годвина, заканчивая Бакуниным и Кропоткиным, постоянно критиковали как правительства, так и отдельных правителей, в частности обвиняя их в аморальности, идеологии анархизма.

⁴ Уильям Годвин (William Godwin, 1756–1836) – английский журналист, политический философ и романист, предшественник анархизма. Отвергает существующий общественный порядок как источник зла. Государство с его законами – орган угнетения одной части человечества ради благоденствия другой. Собственность – источник роскоши и пресыщения, нищеты и истощения. Пороков и преступлений – ведет человечество к вырождению. Религия – средство порабощения. Причина зол – незнание истины; узнав ее, человечество станет свободным. Монархи и аристократия падут. Исчезнут собственность и неравенство. Не будет войн. Однако путь к этому светлому будущему не есть путь революции, насилия. Годвин – просветитель верит в способность человечества к безграничному самосовершенствованию. «Разумно» организованный быт перевоспитает человека морально и физически.

само государство и правительство являются централизованным механизмом, системой организованного насилия, индифферентной к моральным ценностям общества, и вынуждены использовать силовую политику. Другие же критики указывают на мошенничество, враньё, лицемерие, экономическую эксплуатацию, безжалостность, жажду власти, жадность и прочие достойные порицания черты основателей империй и правителей разного рода. Основные идеи подобных идеологий хорошо иллюстрирует следующая цитата:

«Военный тип [общества] тот, в котором армия – это всё население страны, мобилизуемое в военное время, и которое, соответственно, приобретает структуру, характерную для армии... Централизованный контроль, необходимый в военное время, характеризует правительство также и в мирное... Безграничность контроля главнокомандующего [обычно являющегося главой правительства в подобного рода обществах] неразрывно связана с полным контролем его генералов над подчинёнными: каждый – раб своего господина и тиран для своих рабов... [Религия также становится воинствующим культом вражды]... [Промышленность и труд подчинённого населения] существуют исключительно для удовлетворения потребностей военных структур... Не только промышленность, но и жизнь в широком понимании слова подчиняется [жесткой] дисциплине [и полной регламентации]... Свобода и требования индивида ничего не значат... Безогово-

¹ Герберт Спенсер (Herbert Spencer, 1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма, идеи которого пользовались большой популярностью в конце XIX века, основатель органической школы в социологии; идеолог либерализма. Классовое строение общества и возникновение в его рамках различных институтов Спенсер истолковывал по аналогии с живым организмом, для которого характерно разделение функций между органами. Основным законом социального развития Спенсер считал закон выживания наиболее приспособленных обществ, а из своей концепции эволюции выводил наибольшую приспособленность «дифференцированного» (разделённого на классы) общества. Являлся противником социализма, считая революцию «болезнью» общественного организма.

² Людвиг Гумплович (Ludwig Gumplowicz, 1838–1909) – польский социолог, экономист и юрист, представитель социального дарвинизма, основоположник теории «социального конфликта», «этноцентризма», оригинальных теорий происхождения государства, рас и законов социального развития. Основные сочинения: «Раса и государство» (1875), «Расовая борьба» (1883). Согласно Гумпловичу, общество развивается строго закономерно под действием социальных законов. Его движущей силой является стремление социальных групп к самосохранению и постоянному повышению его благополучия. Это, в свою очередь, «приводит к стремлению властвовать над другими социальными группами и их порабощению». Вся история человеческого развития – сплошная борьба социальных групп. Соответственно, происхождение государства Гумплович объясняет порабощением одного племени другим, одной социальной группы другой, в организации господства над порабощёнными, для чего создаются соответствующие учреждения. «Каждое государство является совокупностью учреждений, имеющих целью господство одних над другими, и именно меньшинства над большинством. Поэтому государство есть организация господства меньшинства над большинством».

³ Франц Оппенгеймер (Franz Oppenheimer, 1864–1943) – немецкий экономист и социолог. Оппенгеймер был сторонником правовой интерпретации экономических явлений. В объяснении происхождения государства он придерживался теории насилия. Согласно Оппенгеймеру, государство, которое изначально явилось результатом завоевания кочевниками-скотоводами земледельческих племен и превращения последних в рабов, всё ещё во многом остается орудием эксплуатации меньшинством большинства. Условие преодоления неравенства Оппенгеймер видел в ликвидации охраняемой государством монополии на средства производства и, в особенности, на землю и предоставлении каждому человеку возможности стать собственником земли и орудий труда. Таким образом, из предложенного им главного принципа экономической и социальной жизни – стремления путём минимальных затрат достичь максимальных результатов – вытекала его приверженность к кооперации, особенно земледельческой, как лучшего способа объединения усилий в условиях усложняющегося производства.

рочное подчинение властям является главной добродетелью, а сопротивление – преступлением... Воля людей в любом деле, будь то общественное или личное, должна подчиняться воле правительства. Взаимодействие, на котором строится вся жизнь данного типа общества, – это принуждение»¹.

Таким образом, правители военных, тоталитарных, социалистических и обычных государств подчиняют «жизнь, свободу и стремление к счастью»² простых граждан своим собственным интересам. Присваивая абсолютную власть, они позволяют себе делать всё, что им заблагорассудится, со своими подданными-рабами... Пока европейские правительства делят между собой страны третьего мира с циничной безразличностью к интересам коренного населения, нет никаких причин ожидать, что они обратят внимание на интересы собственных народов. Так называемые христианские правительства продолжают восхвалять военный разбой как наивысшую степень храбрости, а великих завоевателей вроде Александра Македонского³, Петра I, Фридриха Великого⁴ и Наполеона как величайших героев человечества⁵.

В любой стране и регионе какой-нибудь ленный лорд, подлый и беспринципный, всегда преуспевал в присвоении себе больших богатств, крестьян с землями, сокровищ и привлечении на свою сторону рыцарей, чем его добропорядочный сосед... Так зарождалась основа будущего государства. Это государство и этот лорд, в конце концов, поработили всё свободное население и заменили его добровольную взаимопомощь принуждением и эксплуатацией⁶.

Однако власть [правительства] была получена, и те, кто ей владеет, не более склонны, чем другие, подчинять свои собственные интересы интересам общества. Наоборот, имея власть в своём распоряжении, правители склонны подчинять общественные интересы собственным. Более того, истинно христианское учение, провозглашающее закон любви ко всем без исключения,... исключило для себя любую возможность применения силы и не может ничего реально изменить, ему остаётся лишь осуждать государства, основанные на насилии⁷.

Оставьте нас одних... Если у вас, о, императоры, генералы, судьи, священники, профессора есть необходимость в армиях, флоте, судах, тюрьмах, виселицах, то делайте их сами; сами облагайте себя налогами, судите себя сами, убивайте на войне, только оставьте нас в покое, так как нам не нужно всё это, и мы не желаем участвовать в том, что столь бесполезно и к тому же безнравственно.

¹ См. Н. Spencer, *Principles of Sociology*, vol. I, London, 1885, pp. 545–52.

² «жизнь, свобода и стремление к счастью» – цитата из Декларации независимости США (*United States Declaration of Independence*) – исторический документ, в котором британские колонии в Северной Америке объявили независимость от Великобритании, принят единогласно Вторым Контиентальным конгрессом 4 июля 1776 года в Филадельфии, штат Пенсильвания.

³ Александр Македонский III Великий (*Alexander III Magnus*, 356–323 гг. до н.э.) – македонский царь с 336 до н. э. из династии Аргеадов, полководец, создатель одной из крупнейших мировых империй. Известен, как один из величайших полководцев в истории. После его смерти империя распалась.

⁴ Фридрих II Великий (*Friedrich II*, 1712–1786) – король Пруссии с 1740 года, известный также по прозвищу «Старый Фриц». Яркий представитель просвещённого абсолютизма, основоположник прусско-германской государственности. За годы правления Фридриха Великого территория Пруссии увеличилась вдвое.

⁵ Сравни Н. Spencer, *The Principles of Ethics*, параграф 364. Особое внимание обратите на *The Man vs. State*

⁶ См. Р. Kropotkin, *Mutual Aid*, Boston, Extending Horizons Press, 1955, pp. 216.

⁷ См. Leo Tolstoy, *The Kingdom of God is Within You*, Cassel Co.. 1894, pp. 102, 167.

Если и есть дьявол, то он – принцип власти [сконцентрированный в самом государстве и правительстве]. Вместе с глупостью и невежеством масс, на котором этот принцип всегда основывался, он один стал причиной всех бед, преступлений и самым позорным фактом истории. [Поэтому государство и его правители есть зло, которое должно быть уничтожено даже насильственными методами, если в том будет нужда.] (М. Бакунин)¹.

Власть склонна развращать, а абсолютная власть тем более... Великие [государственные] мужи почти всегда совершают злодеяния... Если бы люди знали, что на самом деле представляют из себя политики, они бы поднялись и попереवेशали бы их всех до единого². Таков вкратце третий ответ на наш вопрос. Как и две предшествующие идеологии, осуждающая идеология по большей своей части спекулятивна и не даёт удовлетворительных, неопровержимых доказательств своей правомерности.

В следующей главе мы постараемся дать ответ, который, надеемся, будет основан на более систематическом применении релевантных эмпирических данных, по сравнению с большинством вышеперечисленных идеологий.

Перевод с англ. В.Н. Шикалова

¹ См. G. Maximoff, ed., *The Political Philosophy of Bakunin*, Glencoe, Free Press, 1953, pp. 248.

² См. Lord Acton, *Essays on Freedom and Power*, op.cit., pp. 364, 370.

Из США в Харбин (1929–1933) Пять писем Питирима Сорокина евразийцу Н. Сетницкому

(Публикация Ю.В. Дойкова)¹

Ищем и ищем ... Архивные поиски продолжаются без остановок. Летом 2012 года, работая в Литературном архиве Музея национальной литературы Праги, мне удалось найти и сделать копии дюжины его писем к Николаю Сетницкому². Эти письма, как и многие другие, разбросанные по архивам государственным и семейным, представляют особый исторический интерес и ценность для всех, кто интересуется историей нашей страны в XX веке, и являются уникальным свидетельством уже безвозвратно ушедшей эпохи. Впервые письма были опубликованы Юрием Дойковым 24 января 2013 года в личном блоге «Livejournal.com» <http://dojkov.livejournal.com/42312.html>. Учитывая их важность с точки зрения включения в корпус академического знания, редколлегией было принято решение опубликовать их в научном журнале.

Of the United States in Harbin (1929–1933). Five letters Pitirim Sorokin N. Setnickiy (J.V. Dojkov)

Looking and looking ... Archival search continues without interruption. In the summer of 2012 years working in the literary Archive of the Museum of national literature in Prague I managed to find and make copies of dozens of his letters by Nicholas Setnickomu. These letters, like many other letters scattered throughout the State and family archives, are of particular historical interest and value for all who are interested in the history of our country in the 20th century, as a unique testament already irrevocably a bygone era. For the first time letters were published by Yuri Dojkovym January 24, 2013 year in personal blog «Livejournal.com» <http://dojkov.livejournal.com/42312.html>. Given their importance in terms of inclusion in the corpus of academic knowledge, Editorial Board it was decided to publish them in a scientific journal.

¹ Ю.В. Дойков благодарит за помощь в работе сотрудников literarniho archivu «Pamatnik Narodniho (Прага).

² Николай Александрович Сетницкий (1888–1937) – ученый с мировым именем, экономист, статистик, философ и эстетик. Так же, как и П.А.Сорокин во время учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, находился под сильным влиянием Л.И. Петражицкого. В 1919–1922 гг. он был оставлен при кафедре политической экономии и статистики Одесского университета, работал заместителем заведующего, затем заведующим Одесским губстатбюро. В 1922 г. – секретарь Концессионного комитета СССР, работал в Министерстве промышленности и торговли в Петербурге, с 1925 г. служил на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), читал лекции на юридическом факультете (Харбин). В 1923–1924 гг. Сетницкий – чиновник в отделе торговли ВСНХ (Высший совет народного хозяйства). В марте 1935 г. уволен со службы в связи с продажей и передачей КВЖД японцам. Занимался в Харбине научной и преподавательской работой: изучал проблемы торговли и экономики Маньчжурии, читал лекции на Юридическом факультете и в Политехническом институте в Харбине. В 1935 г. вернулся в Москву. В 1937 г. Сетницкому было предъявлено обвинение в измене Родине. Расстрелян по решению Военной Коллегии Верховного Суда СССР.

Письмо № 1. От 12 июля 1929.
Университет Миннесоты, Миннеаполис

Многоуважаемый Николай Александрович, очень приятно было получить Ваше письмо. Как будто ветка прилетела с наших старых университетских дней. Тем приятнее было вспомнить их.

Я буду рад – если смогу – быть полезным В.С. Малицкому¹. Чикагский университет – если иметь в виду социологию – не ахти как (кроме Одвига'а) хорош.

Во всяком случае, я веду довольно упорную борьбу – теоретически-научную с чикагскими социологами. Если иметь в виду другие «факультеты», дело обстоит благополучно.

Ваши рукописи – которых я ещё не получил – вероятно придут. Благодарю Вас за них. Рад, что Вы работаете и печатаете. Судя по газетам, там у Вас сейчас большая кутерма идёт в связи с советско-китайским конфликтом.

У нас здесь тишина и мир. Даже, пожалуй, слишком тихо и спокойно для русского, прошедшего через революцию.

Я уже пять лет профессором этого университета (один из лучших в Америке). Жаловаться не на что. Ученье и в университете занятия идут своим чередом.

За эти пять лет я опубликовал здесь пять больших томов (Leaves from a Russian Diary, Sociology of Revolution, Social Mobility, Contemporary Sociol. Theories, Principles of Rural-Urban Sociology) и уйму научных статей в амер., итал., немец., франц., японских социологических журналах.

Из томов «Социологии революции» вышла в немецком переводе также: «Contemp. Sociol. Theories» скоро выходят в японск. и немецк. переводах и переводятся также на чешский (профессорами Yokio и Nakugava, Berlin Univ – Thornwarld etc).

Сейчас по поручению Министерства Землед. Соед. Штатов работаю над трёхтомной работой по Rural Sociology (*1 слово неразб – Ю.Д.*). Штатом переводчиков и переписчиков (для чего деньги дало министерство) эту работу надеюсь кончить через год, т. к. 1930–31 уч. год я получаю на год отпуск от ун-та (с сохранением содержания) и хочу провести год в Европе и отдохнуть.

В общем, с личной точки зрения и т.зр. научной работы моё пребывание здесь вероятно продуктивней и «выгодней», чем пребывание даже в нормальной России. Как-никак за эти пять лет благодаря моим работам я попал в «великие князья» междунар. социологии.

Совсем неожиданно для меня мои работы привлекли большое внимание от Индии и до Америки, от Европы до Австралии. Пишут о них. Литература растёт. Даже виднейшие немецкие социологи переводят их и т. д.

И всё же нет, нет, да и вспоминаешь Россию – и часто. И работа и всё это кажется совсем ни к чему и совсем пустым занятием.

¹ Малицкий В. С. – автор статей в журнале «Вестник Маньчжурии» (Периодический журнал, издаваемый Экономическим бюро КВЖД. Являлся одним из ведущих журналов по экономическим исследованиям не только в Маньчжурском крае, но и в Восточной Азии. Статьи выходили на русском языке с аннотациями на английском. Издавался в Харбине. С 1925 по 1934 гг. вышло 106 номеров, в них было опубликовано более 5 тысяч статей). Напр.: Малицкий В.С. Кустарная промышленность Харбина // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1929. № 2. С. 12–16; Малицкий В.С. Присшествия на КВЖД в 1926 г. // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1927. № 11. С. 11–17. О Малицком есть упоминание в книге: Трегубов Ю.А. Восемь лет во власти Лубянки; Пережитое : Записки члена НТС / предисл. В. Казака. Frankfurt/M: Посев, 2001. IX, 286 с.

Через неделю summer session кончится. И как всякое лето мы с женой поедим цыганить месяца на полтора в дебри природы: в этот раз в горы Colorado и в пустыни Arizona. Автомобиль, палатка и прочая утварь – (2 слова неразб. – Ю.Д.), чашки, ложки etc. – таковы условия нашего цыгания. Не зависим от ж.д., от отелей, от всего, стоишь где нравится и как долго нравится, всё это делает этот род отдыха для меня наилучшим.

Ну будьте здоровы пока. Если увидите, привет И.А. Михайлову¹ и Т.К. Гинсу² (хотя его я, кажется, не встречал).

Ваш П. Сорокин

P.S. Посылаю Вам сохранившиеся оттиски небольшого числа моих статей. Книги свои не шлю: не знаю, читаете ли вы по-английски и интересны ли Вам темы книг. Да и стоят они дорого, т. к. автор здесь должен покупать их у издателя. Если, однако, интересуетесь, черкните, вышлем.

Письмо № 2. От 30 марта 1930. Университет Миннесоты, Миннеаполис

Дорогой Николай Александрович,

Спасибо за «Масличные семена и Бобы»³. Из работы я вижу, что Вы одновременно работаете и над широкими философскими и специально-практическими темами. И в общих областях работаете, по-видимому, неплохо (пишу «по-видимому», т. к. в бобах и семенах понимаю, как «свинья в апельсинах»).

Малицкий здесь. Он произвёл на меня хорошее впечатление. Чем мог быть полезен ему – я помог и буду помогать. С его энергией он преодолет трудности языка и вероятно будет работать успешно, пока он остался – до осени – здесь: на весенний и два летних «terms». А там видно будет, лучше ли оставаться ему здесь или перейти в Harvard.

¹ Михайлов, Иван Андрианович (1890–1946). Сын известного народовольца – Михайлова Адриана Федоровича. Окончил одесскую гимназию, юридический факультет Петербургского университета (1913). Оставлен на кафедре политэкономии (до 01.01.1919). После Февральской революции эсер, секретарь А.И. Шингарева. В начале 1918 г. переехал в Омск. В Сибири эсеры прозвали его «Ванькой-Каином», обвиняя в реакционных тенденциях, а также в причастности к убийству министра Сибирского правительства А. Е. Новосёлова. В 1918 г. – министр финансов Временного Сибирского правительства, а затем в правительстве адмирала Колчака. В августе 1919 г. отстранен от должности. Бежал в Харбин, где работал до октября 1924 г. в правлении Восточно-китайской железной дороги (КВЖД) В 1945 г. после вступления советских войск на территорию Маньчжурии, арестован СМЕРШем, предан суду в Москве, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

² Гинс Георгий Константинович (1887–1971) – российский учёный-юрист, политический деятель. Член правительства А. В. Колчака. В 1920–1937 – экстраординарный профессор по кафедре римского права и торгового права Юридического факультета в Харбине. В 1944–1945 работал в Вашингтоне в качестве сотрудника информационного агентства объединенных наций (UNNRA). В 1945–1954 преподавал русскую историю и советское право в Калифорнийском университете в Беркли (1945–1954). В 1955–1964 работал в русской редакции радиостанции «Голос Америки».

³ По всей видимости Сорокин имеет в виду следующие статьи Сетницкого: Внешняя торговля Китая зерновыми хлебами, масличными семенами и продуктами их переработки // Вестник Маньчжурии. 1928. № 11/12. С. 1–11; Районы торговли Китая зерновыми хлебами, масличными семенами и продуктами их переработки // Там же. 1929. № 1. С. 8–15; Маньчжурия и мировой рынок соевых бобов // Там же. 1930. № 1. С. 70–75; Библиография по вопросам о масличных рынках и рынках соевых бобов // Там же. С. 110–112; Перевозки соевых бобов на КВЖД по компаниям в 1911–1930 гг. // Там же. № 10. С. 38–42.

За зиму я работал много. И слава Богу, трёхтомный «Source Book in Rural Sociology» подходит к концу. В апреле 3-й том кончу, 1-й уже в печати. Эта работа давила меня очень сильно. Теперь стало легче. Через месяц-два – с плеч долой, и я буду в состоянии думать о новых – и более (*слово – неразб. Ю.Д.*) работах в области социальной динамики, экстер. социологии и совместно с F.W. Tausig'ом (знамен. Амер. экономистом) в области изучения крупных лидеров.

До конца июля я буду здесь. Август буду «цыганить» – автом., палатка – по скалистым горам. А в начале сентября, двигаясь тоже на автом. – в Harvard. Там недели две понадобится на устройство – так как пора уже устраиваться оседло, как профессор Harvard'a, за сим начнётся акад. и научн. работа на новом месте.

Перспективы Harvard'a пока что очень хороши: «рассудку вопреки, наперекор стихиям» я буду занимать, вероятно, «наилучшую кафедру социологии в мире» (как выразился мой приятель проф. E.A. Ross¹). И ответственность, правда, больше: приходится строить и социологию и отделение социологии в славнейшем из Амер. унив-тов, который до сих пор не вводил социологии, т. к. «не было социолога», как сказал мне прямо президент Harvard'a.

Раз во мне они нашли социолога и, к моему удивлению, усмотрели в моих работах доказательство, что соц-я как наука существует – и кафедру открыли, я побаиваюсь, как бы не оказаться ниже ожиданий и оценки, данной мне. Посему волей-неволей придётся работать и работать серьёзно, чтобы оправдать исключительное доверие и почёт.

Читал Harvard журнал, где меня поставили на один уровень с W. James и другими славнейшими именами Harvard'a – чувствую себя прямо плохо. Но... делать нечего: раз попал в грузди, надо полезать в кузов. Попробуем; что выйдет – увидим.

Здоровье – пока что all right. В России оно очень пошатнулось; но нормальная жизнь здесь, плюс регул. физич. упражнения – handball, squash, etc. – помогли значительно исправить его.

Ну вот пока главное. Черкните, как вы живёте. Жму руку. Ваш П.С.

P.S. Слежу очень внимательно за Русскими событиями. Жалею, что не могу быть в России и изучать на месте эти поучительнейшие и ценнейшие для социологии явления. Их внимательное изучение на месте могло бы дать ценнейшие результаты для социологич. науки. Иностранцы учёные, с их трёхдневными изучениями – ничего кроме ерунды не могут дать. Надеюсь, что русские учёные кое-что сделают, если не теперь, то в будущем.

Письмо № 3. От 30 января 1931.
Университет Миннесоты, Миннеаполис

Дорогой Николай Александрович,

Спасибо за книги и письмо. Рад иметь «Филос. общего дела». Что касается Н., то вопрос о его специальности – далёкий от меня, раз; выписывать лектора для простого курса из Китая – очень далеко дорого и в данный момент депрессии невозможно, два; наконец, со всем уважением к знанию Н. насчёт Амер. ж. (? – Ю.Д.) и их экономики

¹ Эдвард Росс (1866–1951) – один из основателей американской социологии и социальной психологии. Именно он сыграл основную роль в организации приезда П.А. Сорокина в США. Профессор Висконсинского университета.

американцы все знают больше и, особенно, мой коллега (по фак-ту) и друг проф. W.Z.Ripley¹, который считается самым крупным авторитетом в Америке. Словом, этот вопрос сейчас чисто риторический и практического значения для меня не имеет.

Малицкий как будто работает all right. Сейчас он хотел бы перебраться в Harvard. Я кой в чём помог ему и возможно, что с моей помощью он получит некую финан. стипендию здесь и переберётся сюда на будущий учебный год. Это возможно, но не вполне ещё достоверно. Через месяц-два это выяснится.

На новом месте этот год я занят очень много орган. нового Dept of Sociology и мало времени имею для бумагомарания в смысле писания учёных работ. Сейчас работа по плану dept'a закончена. И через месяц правление унив-та сделает офиц. заявление об открытии нового dept с будущего года. Хотя я и не люблю админ. работы, но по-видимому год-два придётся мне быть главой dept'a и след. выполнять ряд админ. функций. Надеюсь, однако, это не будет занимать слишком много времени. Dept я сколотил неплохой. Удалось объединить в нём лучшие мозги Harvard'a, и хотя он откроется в несколько урезанном виде (потом он расширится), я думаю, что и в таком виде он будет не хуже, чем любой dept of sociology в любом универ-те мира.

За это время вышли: 1 том моей «Source Book in Rural Sociology» (2 и 3 тома печатаются) и немецк. перевод моей «Contemp. Sociol.Theories». Скоро жду выхода японского перевода той же книги и перев. моей «Principal of Rural-Urban Sociology».

Сейчас получил известие от Prof. C.Gini (Director итал. стат. Ин-та, проф. Римск. Ун-та etc.), что я назначен Презид. социолог. секции Международного конгресса по Population Problems (демография), имеющего быть в Риме, сент. 10–16. Боюсь, однако, что ввиду ожидающегося прибавления в моём семействе мне придётся отказаться от поездки на конгресс.

Немного работаю над моей задуманной работой «Social Dynamics», но пока не имею много времени.

В остальном отношении пока всё идёт all right. Передайте от меня сердечный привет проф-м Гинсу и Рязановскому².

Жму руку. Ваш П. Сорокин

Письмо № 4. От 1 июня 1932.

Гарвардский университет. Кембридж. Массачусетс. США

Дорогой Николай Александрович,

Спасибо за книгу и Ваше письмо. Как только акад. год кончится, буду читать Вашу работу, которая при беглом просмотре кажется мне интересной.

Мои дела – all right. Сын растёт. Устроился хорошо с домом – купил очень хороший и хорошо расположенный дом. Обязанности главы департамента отнимают много вре-

¹ Уильям Зебина Рипли (1867–1941) – известный американский экономист и антрополог, профессор экономики Гарвардского университета, президент Американской экономической ассоциации в 1933 г.

² Валентин Александрович Рязановский (1884–1968) – юрист, правовед, историк, культуролог. В 1918–1922 годах ординарный профессор права в Томском, Иркутском и Владивостокском университетах. В 1922–1934 годах профессор гражданского права юридического факультета в Харбине; в 1924–1929 годах его декан, лидер Харбинской школы права. В 1923–1935 годах работал на КВЖД. В 1938 году переехал в США. Автор научного труда «Обзор русской культуры» (1947–1948), предназначенного эмигрантской молодежи.

мени, но всё же работа над моей многотомной «Социальной Динамикой» движется, и возможно, что в этом году кончу её 1-й том, посвящённый социальным ритмам.

Созданный департамент функционирует хорошо, и помимо студентов он собрал хорошую группу молодых учёных Америки и Европы, кои продолжают здесь свои научные занятия.

Высылаю Вам несколько новых статей и программу департамента.

Надеюсь, всё с Вами благополучно.

С лучшими пожеланиями, Ваш П. Сорокин

P.S. За это время вышли II и III тома моей «Source Book» и «Rural Sociology», китайский и югославский переводы моей «Contemp. Sociol. Theories».

Письмо № 5. От 4 мая 1933. Гарвардский университет. Эмерсон Холл. Кембридж. Массачусетс

Дорогой Ник. Александрович,

Спасибо за письмо и книги. Вы вплотную занялись Фёдоровым¹ и стали его апостолом. Неплохое это дело насчёт Китая, Вы правы. Я и сам хотел бы взять его для изучения циклов.

Но незнание кит. языка, недоступность источников (неопубликованных), незнание надёжных работников и отсутствие финансов не позволяет это делать.

Конечно, в ряде отношений я беру Китай. Может быть, в ряде других кое-что поручу исследовать крупным западным китаеведам. Но это и всё пока что.

Одни греко-римская и Европ. – Зап. культуры (исследованные детально) дают мне и ряду моих помощников (среди них до 20 рус. профессоров выполняют ряд «механического характера» проблем для меня: Лосский², Лапшин³, Тимашев⁴, Струве¹ и т. д.) работы и забот

¹ Федоров Николай Федорович (1828–1903) – религиозный мыслитель, представитель русского космизма, мыслитель-утопист, выдвинул «проект» всеобщего воскрешения умерших («отцов») и преодоления смерти средствами современной науки («Философия общего дела»).

² Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – философ, историк философии. В 1908–1909 гг. преподавал в Петербургском университете, Женском педагогическом институте, на Бестужевских Высших женских курсах и др. учебных заведениях. Весной 1917 г. участвовал в популяризации идей кадетской партии, из которой вышел после ее официального запрета в ноябре 1917 г. После революции продолжал работать в Петроградском университете в должности профессора, с 1920 г. читал лекции в Народном университете. В ноябре 1922 г. был выслан за пределы Советской России. В эмигрантский период занимался историей русской философии. После Второй мировой войны переехал в США, где с 1947 по 1950 гг. преподавал философию и историю русской философии в Свято-Владимирской Духовной академии в Нью-Йорке, удостоился почетного членства в «Международном обществе Марка Твена». С 1960 г. находился на попечении в Русском доме Сент-Женевьев-де-Буа. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

³ Лапшин Иван Иванович (1870–1952), русский философ. Родился 11 (23) октября 1870 г. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1893). С 1913 г. он – экстраординарный профессор Петербургского университета (позднее возглавил кафедру философии университета). В 1922 г. была опубликована его книга Философия изобретения и изобретение в философии (тт. 1–2, 2-е изд. Прага, 1924). В том же году Лапшин был выслан из России. В последующие годы занимал должность профессора Русского юридического факультета в Праге. Умер в Праге 17 ноября 1952 г.

⁴ Тимашев Николай Сергеевич (1886–1970) родился в Петербурге в старинной дворянской семье. Получил блестящее юридическое образование в Александровском лицее и в Страсбургском университете, владел многими европейскими языками. В 1914 году он защитил в Петроградском университете магистерскую диссертацию, а вскоре стал доктором наук. С 1918 года он – экстраординарный

больше чем нужно. Физически невозможно дальше «растекаться мыслию по древу», если другие культуры исследовать так же подробно, как и эти.

Основные явления, конечно, будут взяты и из китайской, и индусской, и арабской, и егип. культур.

Работа продвигается, но медленно. Надеюсь подвинуть её летом. Что из неё выйдет – одному Богу ведомо. Возможно, что «блин комом».

Живу я all right пока что. Положение унив-тов в Америке стало очень трудным. Бюджеты и штаты урезаются сильно (правда, раньше деньги тратились без счёта). Армия безработных профессоров растёт. Но в Harvard'e (с его капиталом больше 250 миллионов долларов) у нас пока что не урезали ни жалованья, ни штатов.

Посему мы, Harvard, depression пока что чувствуем мало. Что будем потом – неведомо. А пока что всё all right. 3 недели назад родился второй сын – Сергей. Так что теперь я настоящий отец семейства – двух янки.

Мой dept. растёт здесь очень быстро и количественно и качественно, несмотря на depression, больше и больше идёт и Амер. и Европ. молодых учёных в dept (из Герм., Англии, Индии и т. д.).

Как вы? Как себя чувствуете? Слышали ли Вы что-либо определённое о Н.Д. Кондратьеве², Н. Тоцком³ и других старых сотоварищах? Я слышал самое (*слово неразб.* – Ю.Д.) известия и не знаю, как в действительности обстоит с ним дело.

Ваш П. Сорокин

нарный, затем – ординарный профессор Петроградского политехнического института по кафедре социологии. В 1921 году эмигрировал в Германию, затем был профессором Карлова университета в Праге, в 1928 году переехал в Париж, где состоял профессором Славянского института при Сорбонне. Все эти годы активно сотрудничал с эмигрантской печатью, много ездил по Европе с лекциями. Принадлежал к правому, консервативному крылу русской эмиграции, непримиримо настроенной к марксизму и СССР. В 1933 году переехал в США, где работал под руководством П.А. Сорокина. С большим успехом преподавал в различных университетах США (Гарвардском, Фордменском, Калифорнийском и других учебных заведениях).

¹ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, философ, «легальный марксист». Длительное время (1906–1917) преподавал политэкономии в Петербургском политехническом институте, в 1917 г. стал академиком. В 1920 г. окончательно покинул Россию. Занимался издательской и научной работой, преподавал в Пражском и Белградском университетах. Библиография его печатных трудов содержит 660 названий.

² Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) – выдающийся русский и советский экономист; с 1905 г. эсер, входил товарищем министра продовольствия в последний состав Временного правительства Александра Керенского; основатель и директор Института конъюнктуры (1920–1928); основоположник теории больших циклов экономической конъюнктуры (Кризисы длинной волны); репрессирован в 1930 г., заключен в лагерь в 1932 г.; в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1987 г. Близкий друг П.А. Сорокина.

³ Тоцкий Николай Максимович (1891–1938) – юрист, профессор кафедры социологии Ярославского государственного университета (1921–1924). В 1913 г. окончил Петроградский университет по специальности «Публичное право». В 1914 г. по представлению М.М. Ковалевского был оставлен при университете. В 1915 г. успешно сдал магистерский экзамен по кафедре государственного права. В 1917 г. был избран приват-доцентом Петроградского университета. В начале 1919 г. избран экстраординарным профессором Киевского университета, с осени 1920 г. – профессором Кубанского политехнического института. В 1938 г. арестован в Москве по обвинению в шпионаже в пользу Англии. Расстрелян 4 июня 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

P.S. Мне кажется, Вы придаёте чересчур серьёзное значение работам Чижевского¹, (англ. имя неразборчиво – Ю.Д.) (он-то уже вроде совсем полунормальный и полуграмотный), и других «астрологов» (я внимательно проштудировал их, как и всю историю «астрологии», «(2 слова неразб. – Ю.Д.) теорий» и т. д., и много вздора и невежества нашёл в этих работах.

Постраничные сноски М.В. Ломоносовой

Фото 1. Сетницкий Николай Александрович

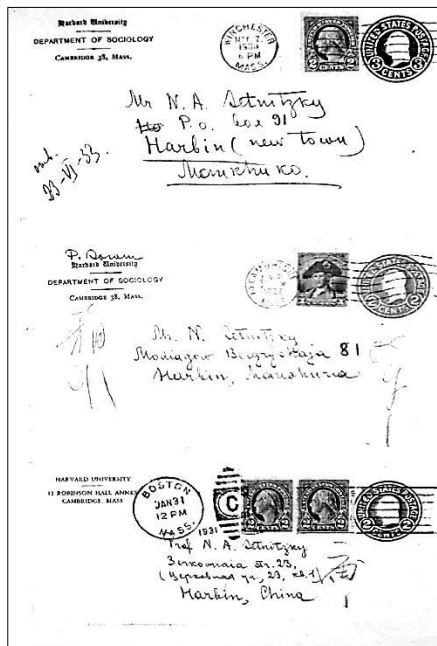

Фото 2. Письмо П.А. Сорокина Н.А. Сетницкому

¹ Чижевский Александр Леонидович (1897–1964) – российский биофизик, археолог, основоположник гелиобиологии. Установил зависимость между циклами активности Солнца и многими явлениями в биосфере. Посмертно опубликованы «Земное эхо солнечных бурь» (1973) и «Вся жизнь» (1974).

А.Ю. Долгов (Москва)

Основные направления изучения и популяризации наследия П.А. Сорокина в России и за рубежом

В статье рассматриваются основные направления и современные тенденции развития «сорокиноведения» в России и в других странах. Обзор состоит из разделов: организации; веб-ресурсы; новые научные исследования и переиздание работ; конференции; мемориальные проекты. Подчеркивается важность международного сотрудничества и возникновения новых форм коллабораций для изучения и популяризации творчества П.А. Сорокина.

Ключевые слова: наследие П.А. Сорокина; «сорокиноведение»; «сорокиниана»; история социологии; современная социология; научное сотрудничество.

A.YU. Dolgov (Moskva). The main areas of study and popularization of P.A. Sorokin's heritage in Russia and all over the world

The article considers the main areas and current trends of Pitirim A. Sorokin studies in Russia and other countries. It consists of the following sections: institutions, web resources, new researches and paper reprints; conferences; memorial projects. It stresses the importance of international cooperation and new forms of collaborations for study and popularization of the P.A. Sorokin's works.

Keywords: P.A. Sorokin's heritage; Pitirim Sorokin studies; «sorokiniana»; history of sociology; contemporary sociology; scientific cooperation.

Для цитирования: Долгов А.Ю. Основные направления изучения и популяризации наследия П.А. Сорокина в России и за рубежом // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 158–174.

For citation: A.Yu. Dolgov. The main areas of study and popularization of P.A. Sorokin's heritage in Russia and all over the world // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 158–174.

Когда в 1967 г. в переписке между Питиримом Сорокиным и Ричардом Дюворзом обсуждался вопрос о передаче части домашней коллекции книг и документов П.А. Сорокина в библиотеку Саскачеванского университета (г. Саскатун, Канада), в их общении возникло понятие «сорокиниана», которым условно была названа вся совокупность творческого наследия ученого [16, с. 254–295]. «Сорокиниана» не закончилась после смерти П.А. Сорокина в 1968 г., она продолжила свое существование, расширяя географию и привлекая новые поколения исследователей и читателей. В нашей стране интерес к наследию П.А. Сорокина из-за цензуры и контроля над научной деятельностью возник намного позже, чем за рубежом – только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В советский период работы, посвященные Сорокину, были редким исключением (например, историко-социологические исследования И.А. Голосенко). Однако в 1990-е и 2000-е гг. этот «пробел» стал быстро заполняться, и сегодня исследователи биографии и творчества П.А. Сорокина всё чаще стали употреблять другой неофициальный термин – «сорокиноведение», под которым

понимается область социальных и гуманитарных наук, связанная с изучением сорокинского наследия.

Цель данного обзора состоит в том, чтобы показать обширность и многообразие современных направлений изучения и популяризации наследия Питирима Александровича Сорокина. Не претендуя на упоминание всех существующих проектов и исследований и вынося за скобки анализ их содержательных достоинств и недостатков, мы обратимся к основным работам в этой области, которые, по нашему мнению, являются наиболее важными и интересными. Хронологически будет затронут период с 2009 г. по настоящее время, хотя в отдельных случаях потребуется обращение к более ранним датам. 2009 г. выбран в качестве отправной точки не случайно, поскольку в этом году мир отметил 120-летие со дня рождения П.А. Сорокина. Как известно, подобные юбилейные даты благодаря государственной поддержке, широкому информационному освещению и привлечению внимания публики очень часто дают импульс началу реализации новых идей и проектов. Празднование 120-летия со дня рождения П.А. Сорокина не стало исключением, была запущена очередная волна «сорокинианы». Автор этих строк, например, тоже стал активно заниматься изучением творчества и биографии П.А. Сорокина в 2009 г. Обзор состоит из следующих разделов: 1) организации, занимающиеся изучением и популяризацией наследия П.А. Сорокина; 2) вебресурсы; 3) новые научные исследования и переиздание работ; 4) конференции; 5) мемориальные проекты.

Организации, занимающиеся изучением и популяризацией наследия П.А. Сорокина

На сегодняшний день существует несколько действующих организаций, чья работа связана с изучением наследия П.А. Сорокина. Организацией, осуществляющей общую координацию деятельности исследователей и издателей и следящей за сохранением и защитой международных авторских прав семьи Сорокиных, является Фонд Питирима Сорокина (Pitirim A. Sorokin foundation)¹. Эта некоммерческая организация была создана в апреле 2011 г. в г. Винчестере (штат Массачусетс, США) сыном П.А. Сорокина Сергеем Сорокиным, который вместе с доктором Ричардом Френсисом Хойтом вошел в совет директоров Фонда. Исполнительным директором Фонда является доктор П.П. Кротов. Хотя официально Фонд был учрежден только в 2011 г., его руководители задолго до этого вели комплексную работу по поддержке и популяризации проектов в разных странах мира, связанных с сохранением и изучением наследия П.А. Сорокина.

Одним из старейших российских учреждений, занимающихся «сорокиноведением», является Автономная некоммерческая организация «Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева» (сокращенно – МИСК)². Институт был учрежден 9 февраля 1999 г. в Москве в рамках проведения Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. Президентом МИСК является профессор, д.э.н., академик РАЕН Ю.В. Яковец. Согласно информации на официальном сайте, целью МИСК является «консолида-

¹ Адрес официального сайта Фонда в Интернете: <http://cliffstreet.org> (дата обращения: 13.04.2017).

² Адрес официального сайта МИСК в Интернете: <http://misk.inesnet.ru> (дата обращения: 13.04.2017).

ция научных сил для разработки постиндустриальной научной парадигмы на базе наследия Питирима Сорокина, Николая Кондратьева, Александра Богданова, Владимира Вернадского и других выдающихся российских ученых». Исследования и проекты Института сконцентрированы вокруг изучения макроистории и макроэкономики, глобального развития, динамики цивилизаций, глобального цивилизационного прогнозирования. Институт переиздает труды П.А. Сорокина, организует конференции и проводит собственные исследования, опираясь на его идеи и теории.

Важная работа по увековечиванию имени П.А. Сорокина ведется в Республике Коми – на малой родине выдающегося мыслителя. В рамках юбилейных торжеств в 2009 г. при Сыктывкарском государственном университете был создан Региональный учебно-научный центр имени Питирима Сорокина. Его руководителем стал куратор семейного наследия П.А. Сорокина доктор П.П. Кротов. Официально Центр просуществовал до октября 2010 г., однако за этот короткий период была проведена большая работа над несколькими исследовательскими и издательскими проектами, к участию в которых были привлечены студенты и преподаватели университета; были установлены контакты с образовательными, научно-исследовательскими и библиотечными учреждениями (в том числе с Саскачеванским университетом); начался очередной виток обсуждения возможности передачи домашней коллекции П.А. Сорокина из Винчестера в Сыктывкар.

«Преемником» университетского центра стало Государственное бюджетное учреждение Республики Коми «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина»¹, созданное в Сыктывкаре на основании постановления Правительства Республики Коми от 12 ноября 2010 г. Торжественное открытие Центра состоялось 4 февраля 2011 г. – в очередную годовщину со дня рождения П.А. Сорокина. Первым руководителем Центра стала д.и.н. Э.А. Савельева; в настоящий момент директором является к.и.н. О.Ю. Кузиванова. Сегодня Центр ведет активную работу: участвует в издательских и исследовательских проектах, выпускает собственный научный журнал «Наследие» (с 2011 г.), организует лекции и олимпиады для школьников, проводит конференции и круглые столы.

Следует также упомянуть об организациях, которые прекратили свое существование, но успели внести определенный вклад в популяризацию сорокинских наследия. С 2008 по 2012 гг. при Ставропольском государственном университете (ныне – Северо-Кавказский федеральный университет) под руководством д.и.н. В.В. Василенко действовал Научно-образовательный центр теоретических проблем истории имени П.А. Сорокина. Центр осуществлял работу над исследовательскими, образовательными, издательскими, экспертно-информационными и другими проектами, основываясь на научных трудах выдающегося мыслителя и применяя его интегральную методологию².

С 2007 по 2014 гг. на базе социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова функционировал Фонд имени Питирима Сорокина, созданный по инициативе В.И. Добренькова, М.В. Леонтьева, Ю.В. Яковца, А.С. Пржездомского. Придерживаясь консервативной позиции, эксперты Фонда публиковали на своем портале

¹ Адрес официального сайта Центра в Интернете: <http://www.rksorokinctr.org> (дата обращения: 13.04.2017).

² См., например: [31].

(www.sorokinfond.ru) комментарии, посвященные актуальным внутренним и международным проблемам, проводили экспертные опросы, организовывали круглые столы¹.

Веб-ресурсы

В современную информационно-цифровую эпоху большое значение имеют различные интернет-проекты, позволяющие заинтересованным пользователям быстро находить и в доступной форме получать нужную информацию, поэтому отдельным разделом обзора станет краткое описание основных веб-ресурсов, посвященных П.А. Сорокину.

Фонд Питирима Сорокина (г. Винчестер) занимается продвижением двух интернет-ресурсов – официального англоязычного сайта Фонда (cliffstreet.org) и русскоязычного информационного портала «Питирим» (pitirim.org). Кроме того, у Фонда существует официальная страница в социальной сети Facebook (<https://www.facebook.com/pitirim.sorokin.foundation>). На официальном сайте Фонда представлены общая информация о деятельности организации, биография П.А. Сорокина и библиография его трудов, дано описание направлений его исследований (социальная стратификация и мобильность, социология знания, философия истории и др.), опубликованы фотографии из домашней коллекции семьи Сорокиных и новости о событиях, связанных с сорокинским наследием. Через форму обратной связи на сайте осуществляется взаимодействие с пользователями из разных стран.

На информационном портале «Питирим» можно найти актуальные новости о событиях и проектах в области «сорокиноведения» в России и в мире (в том числе о проектах Фонда), информацию о темах исследований П.А. Сорокина и новейших научных работах по ним, библиографию сорокинских трудов. Здесь также размещаются электронные версии сорокинских книг на русском языке, ссылки на электронные библиотеки и информационные ресурсы в Интернете, фото- и видеоматериалы.

На сайте центра «Наследие» (www.rksorokinctr.org) в открытом доступе размещены переиздания работ П.А. Сорокина, книги, выпущенные под грифом Центра, все выпуски научного журнала «Наследие». Также на сайте публикуются новости о событиях и мероприятиях Центра.

Наиболее ценная на сегодняшний день общедоступная электронная коллекция, посвященная П.А. Сорокину, размещена на сайте библиотеки Саскачеванского университета (<http://library2.usask.ca/sorokin>). Передача материалов в библиотеку для обработки и хранения началась еще при жизни ученого в 1967 г.² С 2008 г. благодаря разработке под руководством П.П. Кротова специального интернет-ресурса с оцифрованными архивными материалами может ознакомиться каждый желающий из любой точки мира. В коллекции представлены публикации и рукописи П.А. Сорокина, работы о нем, корреспонденция и другие материалы, в том числе малоизвестные. Пока исследователи не столь активно пользуются этими материалами в своей работе, поэтому можно сказать, что коллекция еще ждет своих первооткрывателей.

¹ Подробнее о деятельности Фонда имени Питирима Сорокина можно прочитать по адресу: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/696019> (дата обращения: 13.04.2017).

² Подробнее об этом см.: [16, с. 254–295]

Помимо веб-сайтов организаций всё более важную роль для распространения информации и популяризации проектов начинают играть блоги и личные сайты, созданные исследователями-энтузиастами. Можно упомянуть следующие ресурсы такого рода: блог итальянского социолога Валери Мерло (www.sorokinlives.blogspot.ru); сайт (dojkov.com) и блог в «Живом журнале» (dojkov.livejournal.com) архангельского исследователя Ю.В. Дойкова; блог американского автора Роджера Смита с разделом, посвященным П.А. Сорокину (rogersgleanings.com); блог японского социолога Йосино Кодзи (<http://d.hatena.ne.jp/yosunokoji>). На всех этих сайтах и блог-платформах можно найти интересные авторские размышления, электронные версии книг и статей, а также информацию о новых публикациях на разных языках.

Новые научные исследования и переиздание работ

Этот раздел хотелось бы начать с описания кандидатских и докторских диссертационных исследований, выполненных в последние годы. Их появление свидетельствует не только о том, что существует ряд малоизученных вопросов, но и о том, что идеи П.А. Сорокина остаются актуальными и интересными для молодых исследователей. Кроме того, благодаря таким исследованиям происходит постоянное обновление научно-исследовательского потенциала, возникает «свежий» взгляд на старые проблемы.

Ниже представлен список защищенных за последние годы диссертаций, в скобках указаны присужденная ученая степень, место и год защиты.

– Д'Амброзио Дж. Любовь во время развода: разработка психосоциальной модели любви и проверка способа прогнозирования (доктор философии / PhD; г. Луисвилл, штат Кентукки, США, Университет Луисвилла, 2012 г.)¹;

– Ионов Б.А. Политические идеи П.А. Сорокина в российский период творчества (кандидат политических наук; Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2012 г.)²;

– Лазебная К.П. Теория символического в творчестве П.А. Сорокина: историко-социологический анализ (кандидат социологических наук; Москва, НИУ ВШЭ, 2013 г.)³;

– Долгов А.Ю. Теория созидательного альтруизма Питирима Сорокина: генезис и методологические проблемы (кандидат социологических наук; Москва, Институт социологии РАН, 2015 г.)⁴.

За эти годы было защищено множество других диссертаций по социальным и гуманитарным наукам, в которых идеи Сорокина рассматривались как в ретроспективе, так и в актуальном научном дискурсе. Так, проведение исследований, посвященных проблемам социальной мобильности и стратификации, социологии революции, русской школы социологии, социокультурной динамики и др. невозможно представить без обращения к работам П.А. Сорокина.

¹ Полный текст диссертации «Love during divorce: development of the Sorokin psycho-social love inventory (SPSLI) and testing of a predictor mode» доступен по ссылке: <http://ir.library.louisville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1307&context=etd> (дата обращения: 13.04.2017).

² Автореферат диссертации доступен по ссылке: <http://dlib.rsl.ru/loader/view/01005043538> (дата обращения: 13.04.2017).

³ Полный текст диссертации доступен по ссылке: https://www.hse.ru/data/xf/2013/10/24/1275791067/Dis_Lazebnaya.pdf (дата обращения: 13.04.2017).

⁴ Полный текст диссертации доступен по ссылке: http://www.isras.ru/files/File/Dissert/Dolgov_dissert.pdf (дата обращения: 13.04.2017).

В рамках краткого обзора не представляется возможным упомянуть и охарактеризовать все научные и научно-популярные работы (монографии, сборники, статьи, материалы конференций), опубликованные с 2009 г. по настоящее время. Питириму Сорокину и его многогранному творческому наследию посвящено огромное количество исследований. Ученые со всего мира, работающие в различных научных направлениях, изучают его биографию, анализируют его теории, рассматривают его вклад в становление и развитие социальных и гуманитарных наук. Библиография работ, посвященных П.А. Сорокину, на сегодняшний момент насчитывает уже более тысячи публикаций, относящихся к различным научным дисциплинам – социологии, философии, культурологии, антропологии, истории, психологии, правоведению, политологии и др.

Содержательный и наукометрический анализ публикаций, посвященных П.А. Сорокину, его идеям и теориям, является предметом отдельного исследования. Например, результаты наукометрического анализа приведены в кандидатской диссертации К.П. Лазебной (глава «Основные направления исследований творчества Сорокина: наукометрические и историографические показатели») [9, с. 18–29]. Обобщенный взгляд на итоги и перспективы изучения и актуализации научного наследия П.А. Сорокина представлен в статьях М.В. Ломоносовой [10], В.В. Сапова [20], К.П. Лазебной [8]. Но, поскольку новые публикации продолжают выходить, требуется их постоянный переучет. Поэтому появление в дальнейшем новых обзорных и обобщающих работ будет иметь большое значение для осмысления направлений развития «сорокинианы».

Вопрос, связанный с большим объемом научной литературы, посвященной П.А. Сорокину, делает актуальной задачей создание и постоянное пополнение общедоступной библиографической базы данных. Часть этой работы уже была выполнена П.П. Кротовым, который разместил соответствующие разделы на интернет-ресурсах Фонда Питирима Сорокина (cliffstreet.org, pitirim.org). Однако эта работа не должна останавливаться. Пожалуй, первый наиболее полный список публикаций П.А. Сорокина, упорядоченный по видам изданий и хронологии, был составлен им самим. Этот список был опубликован в сборнике статей «Перечитывая Питирима Сорокина», вышедшем в 1963 г. [36, с. 497–506]. Еще один библиографический список, включающий также работы о Сорокине, был составлен в 1979 г. сотрудником библиотеки Саскачеванского университета Гленом Макагоником¹. Наиболее полные на данный момент библиография трудов П.А. Сорокина и список литературы о П.А. Сорокине на русском языке были подготовлены и опубликованы К.П. Лазебной и В.В. Саповым в 2013 г. [13, с. 477–588].

С 2009 г. было опубликовано большое количество статей о Сорокине как в ведущих российских, так и в авторитетных зарубежных журналах социального и гуманитарного профиля. «International sociology reviews», «The American sociologist», «Research on social work practice», «Review of religious research», «Социологические исследования»,

¹ Список доступен по ссылке: http://library.usask.ca/archives/collections/manuscripts-and-collections/pdf/Sorokin_PA_Manuscripts_And_Papers.pdf (дата обращения: 13.04.2017).

«Вестник Российской академии наук», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Вопросы литературы» – вот лишь неполный перечень этих журналов¹.

Символическим событием стало то, что в 2013 г. профессиональные социологические сообщества России и США отметили высокий уровень статей о Питириме Сорокине в рамках ежегодно присуждаемых номинаций. В США специальная комиссия Секции истории социологии Американской социологической ассоциации присудила премию за лучшую публикацию профессору Университета Западной Виргинии, члену Консультативного совета Фонда Питирима Сорокина Лоуренсу Николсу за статью «Питирим Сорокин как олицетворение русского интеллигента: реализация исторически обусловленного восприятия» [35]. В России редколлегия и редакция журнала «Социологические исследования» признали статью профессора кафедры социологии и психологии Государственной полярной академии (Санкт-Петербург), д.социол.н. М.Б. Глотова «О несогласованности биографических данных российского периода жизни П.А. Сорокина: критический анализ» [1] лучшей по итогам 2012 г. в номинации «Дискуссии. Полемика».

Подробнее стоит остановиться на фундаментальных и «больших» работах – монографиях и сборниках. В юбилейном 2009 г. в свет вышла книга «Питирим Сорокин: избранная переписка» [16], подготовленная П.П. Кротовым и А.Ю. Долговым за время работы в Центре имени П.А. Сорокина при Сыктывкарском университете. В основу публикации легли материалы, предоставленные С.П. Сорокиным, а также коллекция корреспонденции, хранящаяся в библиотеке Саскачеванского университета. В издании опубликованы 377 писем, которые были распределены по трем главам: 1) переписка с видными представителями науки, политики и общественными деятелями (в их числе Г. Гувер, Дж. Кеннеди, А.Ф. Керенский, А. Эйнштейн, И.И. Сикорский, Р. Мертон, М.И. Ростовцев, А. Тойнби, А. Маслоу и др.); 2) корреспонденция, связанная с выборами президента Американской социологической ассоциации в 1963 г.; 3) письма последнего года жизни П.А. Со-

¹ См., например: Ponomareva I. Pitirim A Sorokin: the interconnection between his life and scientific work // *International sociology reviews*. 2011. Vol. 26. № 6. 878–904; Nichols L.T. Sorokin as lifelong Russian intellectual: the enactment of an historically rooted sensibility // *American sociologist*. 2012. Vol. 43. № 4. P. 374–405; Krotov P.P. Pitirim Sorokin studies in Russia in the context of the new Section on altruism, morality, and social solidarity in the American sociological association // *American sociologist*. 2012. Vol. 43. № 4. P. 366–373; D'Ambrosio J.G., Faul A.C. Development and validation of the Sorokin psychosocial love inventory for divorced individuals // *Research on social work practice*. 2013. Vol. 23. № 4. P. 447–457; Levin J., Kaplan B.H. The Sorokin multidimensional inventory of love experience (SMILE): development, validation, and religious determinants // *Review of religious research*. 2010. Vol. 51. № 4. P. 380–401; Долгов А.Ю. Историко-методологическая реконструкция теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина // *Социологические исследования*. № 9. 2014. С. 104–114; Ломоносова М.В. «Предтеча» Питирима Сорокина. Автобиографический роман социолога, вовлеченного в водоворот политики // *Социологические исследования*. 2016. № 5. С. 134–140; Тирикьян Э.А. Осовременивание Сорокина // *Социологические исследования*. 2016. № 3. С. 13–23; Сапов В.В. Борец за идеалы истины, добра и справедливости. К 125-летию со дня рождения П.А. Сорокина // *Вестник Российской академии наук*. 2014. Т. 84. № 11. С. 1030–1035; Ломоносова М.В. Российская социология на изломе эпох (1918–1919): Питирим Сорокин и Социо-библиологический институт // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. № 2. С. 5–14. Долгов А.Ю. Теория альтруизма Питирима Сорокина: глобальная перспектива // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2015. № 2. С. 32–44; Ломоносова М.В. Питирим Сорокин: от литературной критики к социологическому анализу // *Вопросы литературы*. 2016. № 1. С. 35–53.

рокина, посвященные обсуждению перспектив сохранения и использования его творческого наследия.

Те же авторы, продолжив работу с архивными материалами домашней коллекции семьи Сорокиных, в 2011 г. уже под грифом центра «Наследие» выпустили книгу «От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина» [7]. В книге анализируются взгляды П.А. Сорокина на войну и кризис, публикуются малоизвестные материалы об общественной и благотворительной деятельности семьи Сорокиных в годы Второй мировой войны в рамках Фонда помощи воюющей России (Russian war relief, Inc.).

В 2008–2009 гг. архангельским историком Ю.В. Дойковым было подготовлено двухтомное электронное издание «Питирим Сорокин: человек вне сезона» [3; 4]. Текст, размещенный в открытом доступе на личном сайте исследователя, стал итогом многолетней работы автора по изучению разных этапов биографии П.А. Сорокина. В двух томах Ю.В. Дойков объединил огромное количество исторических документов и воспоминаний, связанных с жизнью П.А. Сорокина в России, Чехословакии и США.

В 2009 г. вышла книга Н.Ф. Зюзева «“Американские горки” Питирима Сорокина: зырянский мудрец глазами заокеанских социологов» [6]. Проанализировав научные труды разных лет, посвященные идеям и теориям П.А. Сорокина, автор представил обобщенную картину восприятия П.А. Сорокина в американском научном сообществе.

В 2012 г. в ИНИОН РАН (Москва) вышел сборник научных трудов «Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии» (под редакцией Д.В. Ефременко и П.П. Кротова) [18]. Подготовку сборника можно считать примером успешного сотрудничества российских исследователей из разных городов, представляющих различные дисциплины (история, политология, социология). В издание были включены избранные главы книги П.А. Сорокина «Общество, культура и личность» (перевод В.Г. Николаева), дополненная версия переписки Р. Мертона и П.А. Сорокина (перевод П.П. Кротова и В.Г. Николаева), стенограмма допроса П.А. Сорокина агентами ФБР в 1954 г. (текст подготовлен Ю.В. Дойковым), а также научные статьи, посвященные теории символов (К.П. Лазебная), теории революции (В.А. Ковалев), социологии войны и кризиса (П.П. Кротов, А.Ю. Долгов).

В 2013 г. в книжной серии «Философия России первой половины XX века» под редакцией В.В. Сапова вышел том, посвященный Питириму Сорокину [13]. Сборник подвел символический итог в отечественном и зарубежном «сорокиноведении» за последние 20 лет, объединив работы исследователей, принадлежащих к разным поколениям и работающим в разных областях социальных и гуманитарных наук.

В 2015 г. вышла монография сыктывкарских культурологов И.Е. Фадеевой и В.А. Сулимова «Антропология Питирима Сорокина: парадоксы интегрализма» [32]. Авторы проанализировали многомерность понимания человека в трудах П.А. Сорокина, связав выводы ученого с современными социокультурными и антропологическими проблемами.

Монографии и сборники, посвященные П.А. Сорокину, выходили не только в России, но и за рубежом. В 2011 г. в Риме была опубликована книга итальянского социолога Валери Мерло «Чудо человеческого альтруизма: социология любви П.А.Сорокина» [34]. В ней автор охарактеризовал теорию альтруистической любви

П.А. Сорокина, рассмотрел основы сорокинской амитологии как прикладной науки, нацеленной на увеличение альтруизма и сотрудничества в обществе, и проанализировал проблему сорокинского «социологического интегрализма» в качестве нового научного подхода в социальных науках.

В 2013 г. была переиздана книга «Социологическая теория, ценности и социокультурное изменение: эссе в честь Питирима Сорокина» [37]. Редактором-составителем сборника статей стал известный американский социолог, ученик Питирима Сорокина, член Консультативного совета Фонда Питирима Сорокина, почетный профессор Дюкского университета Эдвард Тириакаян. В 1963 г. в подготовке первого издания книги принимали участие выдающиеся социологи-теоретики: Т. Парсонс, Р. Мертон, А. Дэвис, Ч. Лумис, Э. Барбер, Ж. Гурвич, Н. Тимашев, К. Циммерман и другие. Их социологические очерки, анализирующие различные социальные и теоретические проблемы, были написаны как дань уважения П.А. Сорокину.

В 2014 г. вышла книга японских исследователей профессора Киотского университета в Татибанае Митикуни Оно и его ассистентки Светланы Корнеевой «Перечитывая Сорокина: перспективы культурсоциологии»¹. Авторы проанализировали культурсоциологический аспект работ П.А. Сорокина, сравнив его позицию с теориями Э. Дюркгейма и Т. Парсонса. Ряд работ на японском языке также опубликовал доцент Уэслианского университета в Нагасаки Йосино Кодзи². Отметим, что для проведения своих исследований японские коллеги в целях более глубокого понимания культурного контекста, в котором проходила социализация П.А. Сорокина, и работы с российскими архивами посетили с рабочими визитами Россию.

Важную роль в актуализации идей П.А. Сорокина в рамках международных социологических дискуссий сыграли такие ученые, как В. Джеффрис, Дж. Вайнштейн, Л. Николс, С. Пост, Э. Тириакаян и С. Олинер. Благодаря их публикациям результаты сорокинских исследований и его научная биография были использованы в обсуждении новых научных областей – публичной социологии и социологии альтруизма, морали и социальной солидарности. В вышедшем в 2009 г. «Пособии по изучению публичной социологии» В. Джеффрис предположил, что П. Сорокин своей научной и общественной деятельностью предвосхитил представления о публичной социологии, оформленные позднее у М. Буравого в целостную концепцию [33]. По мнению В. Джеффриса, в поздний период творчества работы Сорокина имеют своей целью донести до широкой общественности суть основных социальных проблем и показать пути их решения.

В 2011 г. в рамках Американской социологической ассоциации обрела полноценный статус Секция по изучению альтруизма, морали и социальной солидарности (АМСС). Ее первым председателем стал В. Джеффрис, и он же выступил в качестве редактора сборника «Пособие по изучению альтруизма, морали социальной солидарности: разработка области исследования», вышедшего в 2014 г. [38]. Определенный вклад в работу секции и подготовку сборника внесли российские социоло-

¹ Подробнее об этом см.: Новое исследование в Японии [Электронный ресурс] // Информационный портал «Питирим». URL: <http://pitirim.org/index.php/homepage/news/136-new-publications/236-pitirim-sorokin-cultural-sociology> (дата обращения: 13.04.2017).

² Некоторые работы автора размещены в открытом доступе, см.: <https://independent.academia.edu/KojiYoshino> (дата обращения: 13.04.2017).

логи¹. Важно и то, что, анализируя интеллектуальное наследие, не только наши, но и зарубежные социологи с интересом обратились к российской традиции изучения АМСС. Наиболее востребованными в этой связи оказались социальная теория народников в своих различных модификациях², учение о ненасилии Л.Н. Толстого, теория созидательного альтруизма П.А. Сорокина.

Наконец, обратимся к переводам и переизданиям сорокинских работ. Важнейшим проектом в этом направлении является издание серии «Питирим Сорокин. Собрание сочинений». Проект осуществляется при участии центра «Наследие» имени Питирима Сорокина и при поддержке Правительства Республики Коми. Руководит проектом известный переводчик трудов П.А. Сорокина и специалист в области русской социологии и философии В.В. Сапов. На данный момент опубликовано 6 томов серии: «Ранние сочинения: 1910–1914 годы» [29], «Голод как фактор» [23], «Преступление и кара, подвиг и награда» [28], «Листки из русского дневника. Социология революции» [26], «Прачечная человеческих душ. Художественные произведения» [27], «Человек и общество в условиях бедствий»³ [20]. Всего согласно плану-проспекту издательской серии предполагается опубликовать 30 томов.

В 2009 г. Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева выпустил сборник «Питирим Сорокин: грани жизни и творчества» [15], куда вошли малоизвестные труды русско-американского социолога, включая его художественные произведения, а также статьи российских и зарубежных авторов. В 2015 г. Институт переиздал сорокинскую книгу «Главные тенденции нашего времени» [22]. Эта книга, вышедшая в 1964 г. и переведенная на русский язык в 1997 г., посвящена выявлению ключевых макроисторических и социокультурных трендов второй половины XX в.

В 2009 г. в Институте социально-политических исследований РАН было подготовлено издание книги «Кризис нашего времени» [21], в которое кроме перевода на русский язык одной из самых известных сорокинских работ 1941 г., написанной для широкой общественности, были включены его статья «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип» (1961), а также воспоминания академика РАН Г.В. Осипова о его встречах с П.А. Сорокиным в США.

В 2016 г. была опубликована книга «Питирим Сорокин: неизвестные газетные статьи 1917 года» [17]. Сборник публицистических работ П.А. Сорокина был подготовлен магистранткой Сыктывкарского университета В.С. Русановой под руководством профессора д.и.н. В.П. Золотарева. В архивах российских библиотек В.С. Русанова обнаружила 22 газетные статьи, написанные П.А. Сорокиным в 1917 г., которые ранее не вошли в издание 2000 г. «Заметки социолога. Социологическая публицистика» [24].

В 2013 г. Центром «Наследие» была переведена на коми язык и опубликована автобиография П.А. Сорокина «Кузь туй вуджём» («A long journey») [25]. Кроме того, в свет вышло несколько научно-популярных изданий: центром были подготовлены и опубликованы книги «Питирим Сорокин: суждения и афоризмы», «Питирим Сорокин: жизненный путь и идейное наследие» [19; 14].

¹ Подробнее об этом см.: [2; 5].

² Этому, в частности, способствовала статья: Efremenko D., Evseeva Ya. Studies of social solidarity in Russia: Tradition and modern trends // American sociologist. 2012. Vol. 43. № 4. P. 349–365.

³ Этот том был выпущен в 2013 г. вне хронологического порядка серии.

Конференции. Публичные научные дискуссии важны с точки зрения обмена мнениями, установления новых контактов с коллегами и привлечения внимания научной общественности к тем или иным актуальным вопросам. С 2009 г. по настоящее время было проведено несколько научных мероприятий, объединенных вокруг обсуждения идей П.А. Сорокина. Ниже приведен перечень международных конференций последних лет:

– Международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения Питирима Сорокина «Научное наследие Питирима Сорокина и перспективы динамики цивилизаций в XXI веке» (Москва, 25 марта 2009 г.)¹;

– Международная конференция «Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии». К 120-летию П.А. Сорокина и 20-летию Факультета социологии (Санкт-Петербург, СПбГУ, 16–18 апреля 2009 г.);

– Международная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения П.А. Сорокина «Питирим Сорокин в истории, науке и культуре XX века» (Сыктывкар, 19–20 февраля 2009 г.)²;

– Международная научная конференция «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» (Сыктывкар, август 2014 г. и сентябрь 2016 г.)³;

– Международная научная конференция «Создавая будущее через диалог» (Мюнхен, 2–3 июля 2015 г. Соорганизатором конференции выступил Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева)⁴;

– Международная научная конференция «Сорокинские чтения» (проходит ежегодно на социологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова)⁵.

Несколько подробнее хотелось бы остановиться на Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века», которая состоялась в Сыктывкаре 8–10 сентября 2016 г. Свои доклады на различных площадках СГУ им. Питирима Сорокина представили 64 участника из 23 российских и зарубежных научно-исследовательских и образовательных учреждений (Центр международного образования Университета им. Сэма Хьюстона, НИУ ВШЭ, Социологический институт РАН, ИНИОН РАН, СПбГУ, СКФУ, КубГУ, ННГУ им. Н.И. Лобачевского и др.). Всего для участия в конференции было подано 148 заявок. Исследователи имели возможность принять участие в различных форматах обсуждений: на пленарном заседании, на шести секциях (включая специальную молодежную секцию), в панельной дискуссии, на презентации, круглом столе, телемосте. Гостей конференции также ждала насыщенная культурная программа.

Автору этих строк вместе с В.А. Ковалевым довелось модерировать работу секции № 5 «Социально-политические проблемы современного общества в системе социологии Питирима Сорокина». На секции выступили докладчики: д.полит.н.

¹ Информация о конференции доступна по ссылке: http://isprras.ru/pages_94/index.html (дата обращения: 13.04.2017).

² Информация о конференции доступна по ссылке: <http://www.hcpncr.com/journ509/journ509scilife2.html> (дата обращения: 13.04.2017).

³ Информация о конференции доступна по ссылке: <https://www.syktso.ru/about/nd/conferens/PS/> (дата обращения: 13.04.2017).

⁴ Информация о конференции доступна по ссылке: <http://disegno-ev.de/1/events/shaping-the-future-through-dialogue/> (дата обращения: 13.04.2017).

⁵ Информация о конференции доступна по ссылке: <http://www.socio.msu.ru/index.php/научная-жизнь/сорокинские-чтения> (дата обращения: 13.04.2017).

профессор СГУ им. Питирима Сорокина В.А. Ковалев «Странные сближения»: социокультурная динамика Питирима Сорокина и схожие оценки «кризиса нашего времени»; к.мед.н. доцент Санкт-Петербургской медицинской академии последипломного образования врачей Д.И. Васильев в соавторстве с ведущим научным сотрудником ИНИОН РАН д.полит.н. В.С. Авдониным «О реконструкции переписки земского учителя Ивана Панова с Питиримом Сорокиным»; к.соц.н. старший преподаватель департамента социологии НИУ ВШЭ К.П. Лазебная «Социокультурная когерентность в теории П.А. Сорокина: от коллективных единств к эмпирическим социокультурным системам (кейс «Бессмертный полк»)»; д.соц.н. профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар) В.Н. Петров «Теория кризисов в творческом наследии П.А. Сорокина». В рамках секции докладчики и слушатели не только содержательно рассмотрели некоторые аспекты творчества Питирима Сорокина, но и затронули множество актуальных социально-политических проблем. К слову, именно к этому призывал модератор секции профессор В.А. Ковалев – к актуализации идей П.А. Сорокина в контексте современного социально-политического дискурса.

Проводились не только конференции, но и мероприятия другого формата:

– международный семинар «Цивилизация человека в прогнозах Питирима Сорокина» (Университете Нотр Дам Луэйзи, Бейрут, Ливан, 23–24 марта 2011 г. Организаторы: Центр социологических исследований Университета Нотр дам Луэйзи, Ливано-Российский дом, Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева);

– круглый стол «Питирим Сорокин как зеркало трех русских революций» (к 90-летию выхода книги «Социология революции») в рамках Всероссийской научно-практической конференции X Ковалевские чтения (Санкт-Петербург, СПбГУ, 13–15 ноября 2015 г.);

– заседание секции ««Социология революции» П.А. Сорокина и реалии современного общества» в рамках XXVII Ежегодной богословской конференции (Москва, ПСТГУ, 31 января 2017 г.);

– круглый стол «П.А. Сорокин «Листки из русского дневника» (к 100-летию Русской революции 1917 г.)» (Сыктывкар, 3 февраля 2017 г.).

Мемориальные проекты. Один из первых мемориальных комплексов, увековечивающих память о П.А. Сорокине, был организован в селе Турья Княжпогостского района Республики Коми. В селе, в котором в 1889 г. родился известный социолог, в 1999 г. была установлена именная стела, здесь же работает краеведческий музей имени П.А. Сорокина. Идея воздвигнуть памятник Питириму Сорокину возникла еще в 1998 г. Тогда его открытие предполагалось приурочить к празднованию 110-летия со дня рождения П.А. Сорокина, но работа остановилась на стадии разработки и выбора макета. В итоге памятник Питириму Сорокину работы скульптора А.Н. Ковальчука был открыт только в 2014 г. Церемония торжественного открытия состоялась перед главным корпусом Сыктывкарского государственного университета в августе 2014 г. в рамках программы празднования 125-летия со дня рождения мыслителя. Интересно, что памятник из-за специфического вида очень быстро стал частью городской урбанистики [11]. Через полгода после церемонии Сыктывкарскому государственному университету было официально присвоено имя Питирима Сорокина.

Другими памятными символами являются: мемориальная плита в Санкт-Петербурге, установленная по случаю празднования 120-й годовщины со дня рождения П.А. Сорокина на доме № 31 по 8-й линии Васильевского острова; мемориальная плита на здании школы-музея села Гам Усть-Вымского района Республики Коми, в которой учился П.А. Сорокин; бюст П.А. Сорокина в парке Межрегиональной академии управления персоналом в Киеве.

Несколько интересных проектов было реализовано в области музейно-выставочной деятельности. В 2011 г. в Национальной галерее Республики Коми была организована выставка рождественских открыток-гравюр из личной коллекции Сергея Питиримовича Сорокина. Открытки с рисунками на библейские сюжеты были изготовлены С.П. Сорокиным в период между 1960 и 1979 гг. для членов семьи и близких друзей. Добавим также, что С.П. Сорокин занимается сочинением музыки. В 2009 г. в Сыктывкаре, в 2011 г. в Вологде и в 2013 г. в Бостоне прошли концерты написанных им духовных музыкальных произведений.

В 2015 г. в Национальном музее Республики Коми состоялось открытие выставки, посвященной благотворительной и общественной деятельности семьи Сорокиных во время Второй мировой войны. В основу выставки легли материалы, собранные для книги П.П. Кротова и А.Ю. Долгова «От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина» [7]. Экспонаты, связанные с жизнью и творчеством П.А. Сорокина, представлены также в Музее истории просвещения Коми края при Сыктывкарском университете [см.: 12].

К мемориальным проектам можно отнести создание именных аудиторий и кабинетов в научно-образовательных организациях и вручение специальных наград и премий. Аудитории имени П.А. Сорокина существуют в Ухтинском государственном техническом университете и Северо-Кавказском федеральном университете. На факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета организован методический кабинет (музей Питирима Сорокина). Что касается специальных наград, то в рамках Американской социологической ассоциации с 1967 г. осуществляется предоставление грантов по программе «Сорокинская лекция», в рамках которого победитель конкурсного отбора получает финансирование для проведения серии лекций на заседаниях региональных социологических обществ. В 2006 г. Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева учредил Золотую медаль Питирима Сорокина, которой награждаются российские и зарубежные ученые и государственные деятели. В 2008 г. ведущими социологическими институтами Российской академии наук Институтом социологии и Институтом социально-политических исследований была учреждена Серебряная медаль имени Питирима Сорокина.

Конечно, можно вспомнить еще много других событий и проектов, связанных с наследием П.А. Сорокина – это специальные образовательные курсы и программы¹, видеолекции и документальные фильмы, интернет-сайты и группы в социальных сетях и т. д. Но повторимся, что в данном обзоре представлена информация лишь о наиболее заметных инициативах последних лет. В завершение хотелось бы под-

¹ Например, ВЦИОМ проводит для студентов вузов стажировку на 1–2 месяца по «Программе Питирима Сорокина», а в СПбГУ с 2000-х гг. ежегодно читаются курс «Социология П.А. Сорокина» для бакалавров и курс «Социология П.А. Сорокина: современное прочтение» для магистрантов (автор курсов и преподаватель М.В. Ломоносова).

черкнуть, что в переосмыслении идей ученого заинтересованы не только российские исследователи, но и ученые из США, Канады, Японии, Италии, Испании, Польши, Ирана, Украины, Белоруссии, Казахстана и других стран, поэтому большую роль в деле изучения наследия П.А. Сорокина будут играть международное научное сотрудничество и возникновение новых форм коллабораций, в том числе сетевых. Именно с такими перспективами и достижениями мы приближаемся к новой юбилейной дате – 130-летию со дня рождения П.А. Сорокина, которое предстоит отметить в 2019 г. Будем надеяться, что данный выпуск журнала тоже станет заметным вкладом в продолжение «сорокинианы».

Литература

1. Глотов М.Б. О несогласованности биографических данных российского периода жизни П.А. Сорокина: критический анализ // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 138–144.
2. Гофман А.Б. Лас-Вегас как центр социологической мысли: заметки российского участника ежегодного собрания Американской социологической ассоциации 2011 г. // Социологический ежегодник, 2011: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; кафедра общей социологии НИУ-ВШЭ; ред. и сост. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М., 2011. С. 173–179.
3. Дойков Ю.В. Питирим Сорокин: человек вне сезона. Биография: в 2 т. Т. 1: 1889–1922 гг. Архангельск, 2008. URL: http://doikov.com/books/doikov_yu_pitirim_sorokin_chelovek_vne_sezona_biografiya_tom.pdf (дата обращения: 13.04.2017).
4. Дойков Ю.В. Питирим Сорокин: человек вне сезона. Биография: в 2 т. Т. 2: 1922–1968 гг. Архангельск, 2009. URL: <http://doikov.com/books/Sorokin-let0-2009.pdf> (дата обращения: 13.04.2017).
5. Долгов А.Ю. Альтруизм, мораль и социальная солидарность как новая область исследования в современной социологии. (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2016. № 2. С. 89–101.
6. Зюзов Н.Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: Зырянский мудрец глазами заокеанских социологов. Сыктывкар: Эск0м, 2009. 240 с.
7. Кротов П.П., Долгов А.Ю. От войны к миру: У истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Вологда: Древности Севера, 2011. 400 с.
8. Лазебная К.П. Питирим Сорокин в поле публичной активности: прошлое и настоящее // Современная социология – современной России: сборник статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. Раздел 4. История социологии: актуальное прочтение [Электронный ресурс]. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 432–439. URL: https://social.hse.ru/data/2012/12/03/1302111471/4_Современная%20Сб.%20памяти%20А.О.%20Крыштановского%202012.pdf (дата обращения: 13.04.2017).
9. Лазебная К.П. Теория символического в творчестве П.А.Сорокина: историко-социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. М., 2013. 182 с.
10. Ломоносова М.В. Российский вклад в мировую социологию: осмысление и актуализация научного наследия П.А.Сорокина в XXI веке // Credo new. 2015. № 2 (82). URL: <http://credo-new.ru/archives/517> (дата обращения: 13.04.2017).
11. Мальцева М.В. Городской ономастикон Сыктывкара // Научный диалог. 2015. № 6 (42). С. 72–87.
12. Питирим Александрович Сорокин (1889–1968): каталог / автор проекта, ред.-сост. М.И. Бурлыкина. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 156 с.
13. Питирим Александрович Сорокин / под ред. В.В. Сапова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 606 с.

14. Питирим Александрович Сорокин: жизненный путь и идейное наследие. Сыктывкар: Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина, 2013. 55 с.
15. Питирим Сорокин: грани жизни и творчества / под ред. Ю.В. Яковца, А.О. Бороноева. М.: МИСК, 2009. 488 с.
16. Питирим Сорокин: избранная переписка / под ред. П.П. Кротова. Вологда: Древности севера, 2009. 336 с.
17. Питирим Сорокин: неизвестные газетные статьи 1917 года / ред.-сост В.С. Русанова; отв. ред. В.П. Золотарев. М.: Перо, 2016.
18. Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии / под ред. Д.В. Ефременко, П.П. Кротова. М.: ИНИОН РАН, 2012. 232 с.
19. Питирим Сорокин: суждения и афоризмы / автор-сост. В.М. Терехин; предисл. В.А. Сулимова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2013. 272 с.
20. Сапов В.В. Питирим Сорокин в России: итоги и перспективы // Питирим Александрович Сорокин / под ред. В.В. Сапова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 6–13.
21. Сорокин П. Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор / пер. с англ., под ред. И.Б. Орловой. М.: ИСПИ РАН, 2009. 388 с.
22. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 260 с.
23. Сорокин П.А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. 496 с.
24. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.
25. Сорокин П.А. Кузь туй вуджём. Олантуй йылысь роман: Комиёдöма английскоййысь. Сыктывкар, 2013 во. 355 лб.
26. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с.
27. Сорокин П.А. Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923 / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова и М.В. Ломоносовой. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2017. 512 с.
28. Сорокин П.А. Преступление и кара: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 496 с.
29. Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вступ. ст. В.В. Сапова, коммент. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб.: Изд. дом «Миръ», 2014. 832 с.
30. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Мир, 2012. 336 с.
31. Теоретическое наследие П. А. Сорокина (1889–1968): материалы круглого стола, посвященного 120-летию со дня рождения П. А. Сорокина. Ставрополь: Изд-во СтавГУ, 2009.
32. Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Антропология Питирима Сорокина: парадоксы интегрализма. СПб.: Астерион, 2015. 160 с.
33. Jeffries V. The scientific system of public sociology: The exemplar of Pitirim A. Sorokin's social thought // Handbook of public sociology. Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 2009. P. 107–120.
34. Merlo V. Il miracolo dell'altruismo umano. La sociologia dell'amore di P.A. Sorokin. Roma: Armando Editore, 2011. 173 p.
35. Nichols L.T. Sorokin as lifelong Russian intellectual: The enactment of an historically rooted sensibility // American sociologist. 2012. Vol. 43. № 4. P. 374–405.
36. Pitirim A. Sorokin in review / Ed. by Ph.J. Allen. Durham (NC): Duke univ. press, 1963. 497 p.

37. Sociological theory, values, and sociocultural change: essays in honor of Pitirim A. Sorokin / Ed. by E.A. Tiryakian. New Brunswick: Transaction publishers, 2013. 340 p.

38. The Palgrave handbook of altruism, morality, and social solidarity: formulating a field of study / Ed. by V. Jeffries. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 434 p.

References

1. Glotov M.B. O nesoglasovannosti biograficheskikh dannyh rossijskogo perioda zhizni P.A. Sorokina: kriticheskij analiz // Sociologicheskie issledovaniya. 2012. № 3. S. 138–144.

2. Gofman A.B. Las-Vegas kak centr sociologicheskoy mysli: zametki rossijskogo uchastnika ezhegodnogo sobraniya Amerikanskoj sociologicheskoy asociacii 2011 g. // Sociologicheskij ezhegodnik, 2011: Sb. nauch. tr. / RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. sociologii i social. psihologii; Kafedra obshchej sociologii NIU-VSHEH; Red. i sost. N.E. Pokrovskij, D.V. Efremenko. M., 2011. S. 173–179.

3. Dojkov YU.V. Pitirim Sorokin: chelovek vne sezona. Biografiya: v 2-h tt. T. 1: 1889–1922 gg. Arhangel'sk, 2008. URL: http://dojkov.com/books/doikov_yu_pitirim_sorokin_chelovek_vne_sezona_biografiya_tom.pdf (data obrashcheniya 13.04.2017).

4. Dojkov YU.V. Pitirim Sorokin: chelovek vne sezona. Biografiya: v 2-h tt. T. 2: 1922–1968 gg. Arhangel'sk, 2009. URL: <http://dojkov.com/books/Sorokin-let-2009.pdf> (data obrashcheniya: 13.04.2017).

5. Dolgov A.YU. Al'truizm, moral' i social'naya solidarnost' kak novaya oblast' issledovaniya v sovremennoj sociologii. (Referativnyj obzor) // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya. Referativnyj zhurnal. 2016. № 2. S. 89–101.

6. Zyuzev N.F. «Amerikanskije gorki» Pitirima Sorokina: Zyryanskij mudrec glazami zaokeanskikh sociologov. Syktyvkar: EHskom, 2009. 240 s.

7. Krotov P.P., Dolgov A.YU. Ot vojny k miru: U istokov teorii sozidatel'nogo al'truizma Pitirima Sorokina. Vologda: Drevnosti Severa, 2011. 400 s.

8. Lazebnaya K.P. Pitirim Sorokin v pole publichnoj aktivnosti: proshloe i nastoyashchee // Sovremennaya sociologiya – sovremennoj Rossii: sbornik statej pamyati pervogo dekana fakul'teta sociologii NIU VSHEH A.O. Kryshtanovskogo. Razdel 4. Istoriya sociologii: aktual'noe prochtenie [EHlektronnyj resurs]. M.: NIU VSHEH, 2012. S. 432–439. URL: https://social.hse.ru/data/2012/12/03/1302111471/4_Sovremennaya%20Sb.%20pamyati%20A.O.%20Kryshtanovskogo%202012.pdf (data obrashcheniya 13.04.2017).

9. Lazebnaya K.P. Teoriya simvolicheskogo v tvorchestve P.A. Sorokina: istoriko-sociologicheskij analiz: diss. ... k-ta sociol. nauk. M., 2013. 182 s.

10. Lomonosova M.V. Rossijskij vklad v mirovuyu sociologiyu: osmyslenie i aktualizaciya nauchnogo naslediya P.A.Sorokina v XXI veke // Credo new. 2015. № 2 (82). URL: <http://credo-new.ru/archives/517> (data obrashcheniya 13.04.2017).

11. Mal'ceva M.V. Gorodskoj onomastikon Syktyvkara // Nauchnyj dialog. 2015. № 6 (42). S. 72–87.

12. Pitirim Aleksandrovich Sorokin (1889–1968): katalog / Avtor proekta, red.-sost. M.I. Burlykina. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU, 2014. 156 s.

13. Pitirim Aleksandrovich Sorokin / pod red. V.V. Sapova. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2013. 606 s.

14. Pitirim Aleksandrovich Sorokin: zhiznennyj put' i idejnoe nasledie. Syktyvkar: Centr «Nasledie» imeni Pitirima Sorokina, 2013. 55 s.

15. Pitirim Sorokin: grani zhizni i tvorchestva / Pod red. YU.V. YAKovca, A.O. Boronoeva. M.: MISK, 2009. 488 s.

16. Pitirim Sorokin: izbrannaya perepiska / Pod red. P.P. Krotova. Vologda: Drevnosti severa, 2009. 336 s.

17. Pitirim Sorokin: neizvestnye gazetnye stat'i 1917 goda / Red.-sost V.S. Rusanova; Otv. red. V.P. Zolotarev. M.: Pero, 2016.

18. Pitirim Sorokin: novye materialy k nauchnoj biografii / Pod red. D.V. Efremenko, P.P. Krotova. M.: INION RAN, 2012. 232 s.
19. Pitirim Sorokin: suzhdeniya i aforizmy / Avtor-sostavi- tel' V.M. Terebihin; Predislovie V.A. Sulimova. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2013. 272 s.
20. Sapov V.V. Pitirim Sorokin v Rossii: itogi i perspektivy // Pitirim Aleksandrovich Sorokin / pod red. V.V. Sapova. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2013. S. 6–13.
21. Sorokin P. Krizis nashego vremeni. Social'nyj i kul'turnyj obzor / Per. s angl., pod red. I.B. Orlovoj. M.: ISPI RAN, 2009. 388 s.
22. Sorokin P.A. Glavnye tendencii nashego vremeni. M.: Mezhdunarodnyj institut Pitirima Sorokina – Nikolaya Kondrat'eva; Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2015. 260 s.
23. Sorokin P.A. Golod kak faktor: vliyanie goloda na povedenie lyudej, social'nyu organizaciju i obshchestvennyu zhizn' / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2014. 496 s.
24. Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaya publicistika. SPb.: Aletejya, 2000. 300 s.
25. Sorokin P.A. Kuz' tuj vudzhöm. Olantuj jylys' roman: Komiödöma anglijsköjys'. Syktyvkar, 2013 vo. 355 lb.
26. Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologiya revolyucii / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2015. 848 s.
27. Sorokin P.A. Prachechnaya chelovecheskih dush: Hudozhestvennye proizvedeniya. 1907–1923 / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova i M.V. Lomonosovoj. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2017. 512 s.
28. Sorokin P.A. Prestuplenie i kara: Sociologicheskij ehtyud ob osnovnyh formah obshchestvennogo povedeniya i morali / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V. V. Sapova. Syktyvkar: OOO «Anbur», 2015. 496 s.
29. Sorokin P.A. Rannie sochineniya: 1910–1914 gody / Sost., vstup. st. V. V. Sapova, koment. V. V. Sapova i S. N. Kazakova. SPb.: Izd. dom «Mir», 2014. 832 s.
30. Sorokin P.A. Chelovek i obshchestvo v usloviyah bedstvij: Vliyanie vojny, revolyucii, goloda, ehpidemii na intellekt i povedenie cheloveka, social'nyu organizaciju i kul'turnuyu zhizn'. SPb.: Mir, 2012. – 336 s.
31. Teoreticheskoe nasledie P. A. Sorokina (1889–1968): materialy kruglogo stola, posvyashchennogo 120-letiyu so dnya rozhdeniya P. A. Sorokina. Stavropol': Izd-vo StavGU, 2009.
32. Fadeeva I.E., Sulimov V.A. Antropologiya Pitirima Sorokina: paradoksy integralizma. SPb.: Asterion, 2015. 160 s.
33. Jeffries V. The scientific system of public sociology: The exemplar of Pitirim A. Sorokin's social thought // Handbook of public sociology. Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 2009. P. 107–120.
34. Merlo V. Il miracolo dell'altruismo umano. La sociologia dell'amore di P.A. Sorokin. Roma: Armando Editore, 2011. 173 p.
35. Nichols L.T. Sorokin as lifelong Russian intellectual: The enactment of an historically rooted sensibility // American sociologist. 2012. Vol. 43. № 4. P. 374–405.
36. Pitirim A. Sorokin in review / Ed. by Ph.J. Allen. Durham (NC): Duke univ. press, 1963. 497 p.
37. Sociological theory, values, and sociocultural change: essays in honor of Pitirim A. Sorokin / Ed. by E.A. Tiryakian. New Brunswick: Transaction publishers, 2013. 340 p.
38. The Palgrave handbook of altruism, morality, and social solidarity: formulating a field of study / Ed. by V. Jeffries. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 434 p.

Е.С. Богомягкова (Санкт-Петербург)

**«Знакомый незнакомец»: литературное наследие П.А. Сорокина
(О книге «Питирим Сорокин. Прачечная человеческих душ. Художественные произведения. 1907–1923», Сыктывкар, 2017)**

E.S. Bogomyagkova (Sankt-Petersburg) «Familiar strangers»: the literary heritage of P.A. Sorokin. (Bbook review on «Pitirim Sorokin. Laundry of human souls. Works of art 1907–1923», Syktyvkar, 2017)

Для цитирования: Богомягкова Е.С. «Знакомый незнакомец»: литературное наследие П.А. Сорокина. (Рецензия на книгу «Питирим Сорокин. Прачечная человеческих душ. Художественные произведения 1907–1923», Сыктывкар, 2017) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 6. С. 175–179.

For citation: Bogomyagkova E.S. «Familiar strangers»: the literary heritage of P.A. Sorokin. (Bbook review on «Pitirim Sorokin. Laundry of human souls. Works of art 1907–1923», Syktyvkar, 2017) // Bulletin of Syktyvkar University. Series of humanitarian Sciences. 2017. №6. P. 175–179.

Трудно найти российского социолога, столь известного и широко цитируемого на родине и за ее пределами, как П.А. Сорокин (1889–1968). Его работы «Социальная и культурная динамика», «Социальная мобильность», «Система социологии», «Современные социологические теории», автобиографический роман «Долгий путь» и т. д. пользуются неизменным авторитетом и популярностью в академическом сообществе. Благодаря исследовательской работе по реконструкции теоретического наследия Сорокина мы имеем возможность узнать о различных сторонах не только творческой, но и активной научно-публицистической, критической, политической деятельности ученого. Постепенно открываются все новые страницы его творчества, неожиданные ракурсы рассмотрения привычных тем, мы понимаем все богатство научного наследия и многогранность личности социолога, ушедшего века. Сорокин не только был ученым, но и принимал активное участие в социально-политической жизни, остро переживал переломную эпоху рубежа XIX–XX вв., полную волнений и потрясений.

Однако многое предстоит еще сделать на пути комплексного осмысления творческого наследия П.А. Сорокина. Его рукописи хранятся в крупнейших архивах и библиотеках России, Чехии, Канады, США и нуждаются в тщательном изучении и систематизации. Многие работы американского периода творчества до сих пор не переведены на русский язык. Колоссальное наследие П.А. Сорокина нуждается в дальнейшей реконструкции и ждет своих исследователей.

До сих пор большинство читателей и исследователей знали Сорокина прежде всего как глубокого теоретика и публициста и не подозревали о его литературном таланте. Постепенно эти стороны творчества социолога стали попадать в фокус внимания отечественных ученых. Так, в одной из своих статей М.В. Ломоносова останавливается на ранее неизвестных литературных гранях творчества П.А. Соро-

кина, отмечая, что «он обладал талантом писателя и это позволяло ему не только облекать результаты своих многочисленных исследований в научные статьи и монографии, доступные для понимания профессионалам, но и доносить свои идеи до современников посредством научно-популярных работ, литературных сочинений и социологической публицистики. Литературное творчество и интерес к литературе выделяет фигуру Питирима Сорокина среди других классиков социологической мысли, поэтому при изучении научного творчества Сорокина важно уделять внимание также его литературным трудам и особенно – роману “Предтеча”» [2, с. 140]. Однако внимание к этим аспектам творческого наследия П.А. Сорокина трудно было назвать систематическим. Издание «Питирим Сорокин. Прачечная человеческих душ. Художественные произведения 1907–1923» открывает Сорокина с новой, почти неизвестной до этого момента стороны. Это первое полное собрание сочинений, относящихся к литературному наследию всемирно известного ученого.

Издание является очередным томом в серии собрания сочинений П.А. Сорокина, которые публикуются благодаря научной работе В.В. Сапова и ГБУ «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина» (Сыктывкар). В этой серии уже увидели свет такие работы социолога, как «Ранние сочинения (1910–1914)», «Голод как фактор», «Преступление и кара, подвиг и награда», «Листки из русского дневника. Социология революции».

В очередной том собрания сочинений П.А. Сорокина вошли литературные произведения ученого, написанные в его ранний, российский, период творчества. Здесь представлены как публиковавшиеся ранее, так и долго хранившиеся в архивах стихи, заметки, научно-публицистические, критические и художественные работы Сорокина, собранные и систематизированные благодаря усилиям М.В. Ломоносовой и В.В. Сапова. Издание начинается их вступительными статьями.

Том состоит из нескольких разделов. В первый раздел помещены статьи, очерки и фельетоны 1907–1923 гг., отражающие начало творческого пути П.А. Сорокина, его становление как личности и ученого. Статья, открывающая этот раздел, – «Кое-что из современной беллетристики» – два года назад была обнаружена М.В. Ломоносовой в результате архивного историко-социологического исследования и верификации библиографического материала. Эта статья была опубликована им в 1907 году в журнале «Огоньки», издаваемом Санкт-Петербургскими общеобразовательными курсами. Ранее все исследователи начало публикационной деятельности П.А. Сорокина связывали с 1910 годом. Данный факт ставит исследователей творчества Сорокина перед необходимостью расширения временных рамок научного поиска и не исключает возможности обнаружения других неизвестных работ Сорокина, опубликованных в период между 1907 и 1910 гг.

Во втором разделе представлены обе редакции научно-фантастического романа П.А. Сорокина, который в журнальной публикации озаглавлен как «Предтеча», а в архивном варианте никакого названия фактически не имеет и в архивной описи фигурирует под названием первой части. Удивительно, что в своих статьях, воспоминаниях и интервью П.А. Сорокин не упоминал о существовании романа под названием «Предтеча», несмотря на то, что большая его часть была опубликована в феврале 1917 г. в «Ежемесячном журнале литературы, науки и общественной жизни» под псевдонимом Н. Чаадаев. В списке работ, составленном самим автором и включенном в книгу «Pitirim A. Sorokin in Review» (1963 г.) в списке русскоязычных

изданий, была указана «Pracheshnaia Tchelovecheskikh dush (Laundry of Human Souls, science fiction)», St. Petersburg: Ejemesiachnyi Journal, 1917. Безусловно, что речь идет об одной и той же работе. Озаглавив настоящее издание «Прачечная человеческих душ», составители фактически реализовали последнюю волю автора, заявленную им публично [3, с. 21]. Роман, безусловно, является каркасом, главным и основным произведением тома. Он впервые издан в своем полном варианте, а данная публикация содержит все рукописные вставки, зачеркивания и несколько крупных фрагментов текста, ранее не издававшихся.

Третий раздел составляют стихотворения П.А. Сорокина – 6 опубликованных ранее стихотворений, а также те, что хранились в фондах Пушкинского Дома в двух тетрадах (16 и 4 лл.) под названием «Рифмованная ерунда». В четвёртом разделе представлены произведения учёного, написанные им в американский период творчества (за исключением «Дневника путешествия на Удору»).

Данное издание иллюстрировано редкими и ранее не публиковавшимися фотографиями из государственных и личных архивов.

Знакомство с изданием поистине убеждает читателя в верности поговорки «талантливый человек талантлив во всем». Приходит понимание, что Сорокин был не только выдающимся социологом, но и талантливым писателем, использовавшим ненаучные жанры для выражения своих идей, анализа социальной действительности. Кроме того, еще больше убеждаешься, насколько Сорокин был человеком своего времени, насколько он гармонично «вписывался» в научную, культурную и литературную среду российской интеллигенции, был источником и проводником передовых идей.

Не умаляя достоинств всех произведений, опубликованных в этом томе, думается, что социологов в большей степени заинтересует роман «Прачечная человеческих душ» («Предтеча»), поскольку именно в нем нашли отражение научные аспекты творчества Сорокина. «Эволюция его воззрений на социализм на страницах романа полностью совпадает с его социологическим анализом революции в цикле публицистических статей революционного периода «Заметки социолога», а также в его известной работе «Социология революции» [2, с. 138].

Можно относить роман к жанру *science fiction*, социальной утопии или к размышлениям на тему социальной педагогики, однако отчетливо видна преемственность и связь между содержанием романа и социологическими воззрениями Сорокина, представленными в других его работах. Роман носит отчасти автобиографический характер и отражает ранние воззрения социолога на позитивистский проект социального устройства и преобразования общества на основе научных данных. В персонажах романа можно узнать самого П.А. Сорокина и его выдающихся современников – М.М. Ковалевского, И.П. Павлова, Н.Д. Кондратьева и многих других. В художественной форме Сорокин предлагает проект социального переустройства, в основании которого лежит разработка научного метода формирования желаемого человеческого поведения. Сравнивая человека с механизмом, автор романа в лице главного героя ученого Никуличева находит способ воздействия на этот «механизм», результатом чего является ускорение процесса интеллектуального развития. Стимулируя человека и формируя его поведение в нужном направлении, можно прийти к новому «светлому» будущему – будущему, где преобладают ценности свободы и равенства. Несмотря на последующее разочарование в подбихевиористских идеях самого Сорокина и отказе от рассмотрения мира пси-

хического и социального по аналогии с миром физическим, роман помимо прочего заставляет современных ученых задуматься о функциях и роли науки в конструировании/построении социальной действительности.

В романе Сорокина ученый является не просто теоретиком и нейтральным наблюдателем происходящих вокруг него событий и процессов, но и их активным преобразователем. «В социологии до сих пор ведутся споры о роли социолога в процессах изучения и преобразования действительности. Кем должен выступать социолог – быть нейтральным исследователем, социальным инженером – преобразователем социальной реальности, активистом – участником социальных изменений? ...Маятник качается от требований соблюдения объективности, нейтральности и профессионализма до полного включения социолога в качестве участника в процесс социальных изменений» [1, с. 49]. В настоящее время стрела маятника находится в позиции «объективности» и «беспристрастности». Возможно, современной социологии как раз недостает активистского пафоса, преобразовательного потенциала, которым обладают главные герои романа. Несмотря на кажущуюся утопичность произведения, идея влияния социальных (поведенческих) наук на общественные процессы до сих пор не теряет своей актуальности и значимости. Позитивистский проект О. Конта, воспринятый и переработанный П.А. Сорокиным и частично изложенный им в романе, декларирующий взаимосвязь и взаимозависимость между фундаментальной и прикладной социологией, между социальной теорией и социальной политикой, между объяснением и действием, предлагает пересмотреть сложившиеся в академическом сообществе конвенции относительно роли социолога (ученого) в преобразовании социальной реальности, особенно в условиях потоковой и текучей современности.

Таким образом, издание литературных трудов П.А. Сорокина вызывает несомненный научный интерес и является важным шагом на пути реконструкции и систематизации творческого наследия ученого. Благодаря усилиям российских социологов был обнаружен и представлен широкой общественности огромный пласт литературного наследия П.А. Сорокина, который нуждается в тщательном изучении и анализе не только со стороны социологов, но и литературоведов, филологов и т. д. Мы можем рассматривать произведения с многообразных точек зрения, искать и находить связи между научным и литературным наследием П.А. Сорокина, а можем просто получать удовольствие от увлекательного чтения. Безусловно, представленные в сборнике труды проливают свет на выдающуюся личность П.А. Сорокина, на траекторию его научных поисков, но также они позволяют нам лучше понять переломный период в истории нашей страны, те чаяния, опасения и надежды, ту атмосферу научного и социального поиска, которые царили в среде интеллигенции начала XX века.

Литература

1. Богомякова Е.С. Социология социальных проблем: современное состояние и перспективы развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 3 (80). С. 39–54.
2. Ломоносова М.В. «Предтеча» Питирима Сорокина. Автобиографический роман социолога, вовлеченного в водоворот политики // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 134–140.

3. Сапов В.В. Питирим Сорокин – писатель, поэт, садовод // Сорокин П. А. Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923 / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова и М.В. Ломоносовой. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2017. 512 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений).

References

1. Bogomyagkova E.S. Sociologiya social'nyh problem: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2015. T.XVIII. №3 (80). S. 39–54.
2. Lomonosova M.V. «Predtecha» Pitirima Sorokina. Avtobiograficheskij roman sociologa, vovlechnogo v vodovorot politiki // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 5. S. 134–140.
3. Sapov V.V. Pitirim Sorokin – pisatel', poeht, sadovod / Sorokin P. A. Prachechnaya chelovecheskih dush: Hudozhestvennye proizvedeniya. 1907–1923 / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova i M.V. Lomonosovoj. Syktyvkar: ООО «Anbur», 2017. 512 s. (Pitirim Sorokin. Sobranie sochinenij).

П.А. Сорокин

О Сорокине¹

Данная словарная статья, написанная Сорокиным и опубликованная в *Philosphen-Lexikon: Handwörterbuch der Philosophie nach Personen* в 1950 г., была переведена на английский язык для журнала *Science in context* в 1989 г.

P.A. Sorokin. On Sorokin

This vocabulary article, written by Sorokin and published in Philosphen-Lexikon: Handwörterbuch der Philosophie nach Personen in 1950, was translated into English for the journal Science in context in 1989.

Сорокин Питирим Александрович, родился 21 января 1889 года в маленькой деревне Турья в России [умер в 1968 году]. Обучался в Учительской семинарии Костромской губернии в России (1903–1906), на вечерних курсах в Санкт-Петербурге (1907–1909), в Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге (1910–1914); магистр уголовного права (1915); доктор социологии (1922); приват-доцент Психоневрологического института (1914–1916); приват-доцент (1916–1917) и профессор социологии (1919–1922) Санкт-Петербургского университета; профессор социологии Сельскохозяйственной академии (1919–1922); профессор Университета Миннесоты (1924–1930); декан факультета социологии Гарвардского университета с 1930 г. Член Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов (1917); секретарь премьер-министра [Керенского] (1917); член Всероссийского учредительного собрания (1918); был приговорен к смертной казни и выслан коммунистическим правительством (1922); эмигрировал в США (1923), получил гражданство (1930). Член Американской академии искусств и наук, Американской социологической ассоциации; почетный член Международного института социологии Чехословацкой сельскохозяйственной академии, Германского социологического общества и Украинского социологического общества; президент Международного института социологии (1936–1937), член Греческой православной церкви.

Если характеризовать социологическую систему в одном-двух словах, то в случае с описанием сорокинской системы среди прочих может использоваться термин «социологический интегрализм». Первое слово – «социологический» – подчеркивает тот факт, что Сорокин понимает социокультурные феномены как категорию *sui generis*, отличную от неорганических, органических и психологических феноменов и не сводящуюся к ним.

¹ Перевод на русский язык выполнен по англоязычному источнику. В квадратных скобках сохранены некоторые уточнения переводчика с немецкого на английский язык. (См.: Sorokin P.A. On Sorokin // *Science in context*. 1989. Vol. 3. P. 299–302. URL: http://journals.cambridge.org/abstract_S026988970000082X (дата обращения: 20.04.2017); *Philosphen-Lexikon: Handwörterbuch der Philosophie nach Personen* / Ed. by W. Ziegenfuss, G. Jung. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1950. Vol. 2. P. 567–570. – *Прим. переводчика.*

Использование данного термина также означает, что социология изучает эту категорию как таковую изнутри и только опосредованно через отношения между социокультурными, неорганическими, органическими и психологическими феноменами. Этот термин также означает, что главная задача социологии заключается в специализированном изучении организации и жизни социокультурного мира, а также в исследовании наиболее важных отношений между основными классами социокультурных феноменов. И, наконец, это означает, что социокультурный мир является категорией *sui generis* и что социология должна разрабатывать собственную структуру взаимосвязанных принципов, которые независимы от принципов других наук и приспосабливаются к природе изучаемых феноменов. Последовательно разбирая эту проблему, Сорокин делает попытку ввести в оборот категории социального времени, социального пространства, социальных связей и прочие, с ними связанные. Эти категории следует отличать от категорий времени, пространства, причинной связи и т. д., так как они встречаются в естественных науках и, как полагает Сорокин, не вполне уместны для адекватного изучения социальных явлений. В своих работах по изучению культурной интеграции Сорокин опровергает ошибочные упрощения, сделанные Дюркгеймом, Де Роберти и другими представителями социологической школы, и в дальнейшем развивает их основные принципы гораздо глубже, чем это было сделано.

Второе слово – «интегрализм» – указывает на еще один фундаментальный аспект теорий Сорокина. Если рассмотреть его социологический метод, то интегрализм выражает прежде всего идею о том, что социокультурные явления имеют два неразделимых аспекта: внутренний (убеждения, ментальность) и внешний (надындивидуальные физические и объективные репрезентации внутреннего аспекта). Эти два неразделимых аспекта должны быть рассмотрены в каждом исследовании социальных явлений. В связи с этим Сорокин дистанцируется от известных «бихевиористов», которые рассматривают социокультурные феномены лишь как надындивидуальные явления, а также от социологических «интроспекционистов», которые вдаются в философские рассуждения о «внутренних смыслах» социокультурных ценностей без учета их «объективных» реалий.

В строгом соответствии с этой «интегральной» позицией подход Сорокина требует объединения логико-эпистемологического раскрытия [*Erschließung*]¹, особенно феноменологического метода, по Гуссерлю, с эмпирическим изучением существенных фактов. Первое крайне необходимо, если мы хотим осмыслить и понять «внутреннюю» сторону социокультурных феноменов; второе крайне необходимо, если мы рассматриваем их внешнюю сторону – то, как она объективируется в эмпирическом мире чувств. По его мнению, ни просто эмпиризм, ни поклонение фактам, будь то статистические, исторические, экспериментальные данные или данные наблюдений, не могут дать надежных результатов без тонкого и проницательного логического мышления, позволяющего проанализировать логические и эпистемологические предпосылки, принципы, сущность, формы и остальные аспекты социологически изучаемых проблем. В то же время можно сформулировать несколько одинаково ценных логических теорий по многим социальным проблемам, но только путем индуктивного исследования существенных фактов можно решить, какая из этих теорий является наиболее адекватной. Логика без этих существенных фактов непродуктивна; «факты» без логики и аналитико-синтетичес-

¹ [Поскольку Сорокин говорит о феноменологии в этом контексте, скорее всего, он ссылается на термин *Erschließen* (в отличие от *Entdecken*, обнаружение), который является специальным термином в этой традиции. См., например, «Бытие и время» (1927) Хайдеггера, §44].

кого мышления вовсе не являются существенными фактами, они бессмысленны и не имеют познавательной ценности. Во всех основных работах Сорокина можно обнаружить последовательное стремление согласовать и свести воедино логический метод и метод «исследования фактов»: каждая важная проблема сначала анализируется логически и критико-эпистемологически, а затем сопровождается фактическим подтверждением предложенной теории выводами, полученными благодаря значимым историческим, статистическим, экспериментальным и часто даже экспериментальным данным. В соответствии с этой базовой концепцией Сорокин критикует односторонний подход «простых собирателей фактов», так же, как и «логиков», которые уходят от эмпирической реальности. Другая характерная черта этого «интегрального» (неэклектичного) метода Сорокина заключается в особом акценте, который он делает на «логико-смысловом» или «феноменологическом» методе как единственном методе, с помощью которого мы можем осмыслить, понять и привести в порядок хаос идей о социальных явлениях с помощью умопостигаемых логико-смысловых концептуальных систем, а также в акценте, который он делает на «причинно-функциональном» методе как единственном методе для понимания и систематического охвата причинно-функционального единообразия в объективном эмпирическом мире социальных явлений.

Таким образом, в социологической концепции Сорокина «интегрализм» возникает ни как просто энциклопедическая коллекция или остаток от других социальных наук, ни как особая дисциплина, исследующая свой раздел социокультурных феноменов, как это было у Зиммеля и других. «Интегрализм», согласно Сорокину, заключается в представлении социологии как генерализирующей науки, которая определяет социокультурный мир как целое и которая в то же самое время является специальной систематической наукой в том смысле, что она рассматривает этот социальный мир как целое только на основании весьма особенных и определенных характеристик. По мнению Сорокина, позиция социологии в этом отношении похожа на позицию менеджера или казначея в коммерческом предприятии: оба имеют дело с фирмой в целом, но только в соответствии с определенными руководящими принципами. Ни один из них не пытается выполнять работу всех сотрудников фирмы. Их вклад действительно имеет особое значение, но тем не менее относится к фирме в целом. Эти специфические руководящие принципы, согласно которым социология рассматривает целостность социального мира, связаны с тем, *что* периодически повторяется и циклически возникает во времени и пространстве: повторяющиеся формы и типы, повторяющиеся процессы, повторяющиеся связи между различными классами социальных явлений. Поскольку они повторяются, они не единичны; если они не единичны, они принадлежат к целому классу соответствующих явлений. Поскольку формы, процессы и отношения воспроизводятся во всех социокультурных феноменах, они являются общими для всех этих явлений. Поэтому социология является одновременно как общей, так и специальной дисциплиной. Основная задача социологии – исследовать повторяющиеся формы и типы социальной структуры, социальных институтов и их логических и причинно-следственных связей. Социология начинается с общего – с того, что является свойственным всем социокультурным феноменам, независимо от того, где и когда они возникают, – и заканчивается повторяющимися формами, типами и отношениями, которые присущи только определенному классу социальных феноменов. Поскольку такое исследование дает только логический анализ и классификацию форм, типов и отношений, оно составляет первую часть социологии: теорию социальной структуры и организации. Но социология изучает также их

трансформацию и изменение во времени, и это составляет вторую часть социологии: теорию социальных процессов, социальных преобразований и изменений. (С учетом этой позиции Сорокин отвергает понятия «развитие», «прогресс» и всякую линейную концепцию направленности социокультурных и исторических процессов.) Таким образом, социология начинается с «теории форм или структуры» и «теории процессов» простейших социальных явлений и заканчивается социологией культуры в целом. В этой последней части социология становится социологической «философией истории».

Эти замечания дают представление о природе социологического интегрализма в системе Сорокина. Представленные принципы вместе с некоторыми другими проходят через все основные монографии Сорокина, начиная с российской «*Системы социологии*» и заканчивая «*Социальной и культурной динамикой*» и «*Системой общей социологии*» [т. е. «*Обществом, культурой и личностью: их структурой и динамикой*»]. В этих работах некоторые из упомянутых и другие принципы систематически формулируются и обосновываются в их применении к всеобъемлющему богатству эмпирического материала.

(Написано для словаря П.А. Сорокиным).

Перевод К.П. Лазебной

Сведения об авторах и переводчиках

Богомягкова Елена Сергеевна – доцент кафедры теории и истории социологии факультета социологии СПбГУ. Организатор ежегодного научно-образовательного семинара «Социологическая школа СПбГУ», редактор сборников научных статей, публикуемых по ее результатам. Автор свыше 50 научных работ, опубликованных на русском и английском языках. Выступала в качестве руководителя и исполнителя в ряде российских (поддержанных РФНФ, РФФ, Глобальным Фондом) и международных исследовательских проектов, посвященных изучению современных социальных проблем. В наследии Питирима Сорокина привлекают прежде всего подходы к исследованию социальных изменений и социальных проблем, социологическая публицистика (как предшественница современной публичной социологии).

E-mail – elfrolova@yandex.ru

Василенко Виктория Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой культурологии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, председатель Ставропольского филиала Научно-образовательного культурологического общества (НОКО), член Президиума НОКО, член Научной коллегии НОКО, автор более 100 научных публикаций. В 1998 году защитила кандидатскую диссертацию «Историко-культурный анализ в трудах П.А. Сорокина». В 2006 г. защитила докторскую диссертацию «Интеллектуальная биография П.А. Сорокина: опыт нового исследования формирования «интегральной» методологии социально-исторического познания». Автор монографии «П.А. Сорокин. Опыт интеллектуальной биографии» (Ставрополь, 2005). С 2008 по 2012 гг. руководила Научно-образовательным центром теоретических проблем истории имени П.А. Сорокина при Ставропольском государственном университете.

E-mail – vasilvika@yandex.ru

Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, редактор информационного портала «Питирим» (pitirim.org). После окончания в 2011 г. Сыктывкарского госуниверситета поступил в аспирантуру ИНИОН РАН. В 2015 г. в Институте социологии РАН защитил кандидатскую диссертацию по теме «Теория созидательного альтруизма Питирима Сорокина: генезис и методологические проблемы». Соредактор книги «Питирим Сорокин: избранная переписка» (2009) и соавтор книги «От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина» (2011).

E-mail – dolgovalexandr@yandex.ru

Дойков Юрий Всеволодович – кандидат исторических наук, независимый исследователь и журналист (г. Архангельск). Специалист по истории белой эмиграции, политических репрессий в СССР, Русского Севера. Автор нескольких книг, множества статей и переводов, посвященных биографии П.А. Сорокина, среди них: «Питирим Сорокин в Праге (1922–1923)» (2009), «Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 1. (1889–1922)» (2008), «Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2. (1922–1968)» (2009).

E-mail – ydoikov@yahoo.com

Ильин Владимир Иванович – доктор социологических наук, профессор. В 1975 г. после окончания исторического факультета Ленинградского государственного университета (кафедра новой и новейшей истории стран Запада) был распределен в Сыктывкарский государственный университет, сотрудничество с которым сохраняет и по сей день. Социологией занялся во второй половине 1980-х гг., сменив профессию историка на социолога. Переучивался в Москве на высших социологических курсах, на стажировках и в долгосрочных проектах – в США, Англии, Германии, Дании и Швеции. В начале 1990-х гг. вместе с женой – М.А. Ильиной – затеял семейный проект: издание альманаха социальных исследований «Рубеж», который через некоторое время целиком перешел под крышу СГУ. Это было второе в СССР социологическое издание, с которым охотно сотрудничали социологи из разных городов России и мира. Издание осуществлялось 10 лет. В нем также публиковались работы П. Сорокина – русские статьи начала XX в. и переводы из американских изданий. Тогда же, в начале 1990-х гг., при финансовой поддержке С.Ф. Езимова, предпринимателя и бывшего преподавателя СГУ, было организовано переиздание фундаментального труда П. Сорокина «Система социологии». Правда, финальную его часть в силу резко изменившейся рыночной ситуации завершить не удалось. С 2002 г. – профессор социологии Санкт-Петербургского государственного университета, по совместительству преподаватель Института менеджмента и предпринимательства СГУ.

E-mail – vi-2002@yandex.ru

Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. Работает в СГУ с 1988 года после окончания Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета. Автор свыше двухсот научных работ, нескольких монографий. В наследии Питирима Сорокина привлекают прежде всего подходы к социальным трансформациям, социология революции. Был инициатором подготовки специального выпуска «Вестника СыктГУ» (серия «Гуманитарные науки»), полностью посвященного идеям П.А. Сорокина.

E-mail – Vant_2000@mail.ru

Кротов Павел Петрович – кандидат социологических наук, PhD (Университет Висконсина, Мэдисон, США), исполнительный директор Фонда Питирима Сорокина (Бостон, Массачусетс, США). Выпускник исторического факультета Сыктывкарского государственного университета (1981), возглавлял сектор экономической социологии Коми

научного центра УрО РАН. П.П. Кротов – переводчик, автор и редактор-составитель ряда работ о П.А. Сорокине. В 1991 г. вместе с А.В. Липским перевел на русский язык и опубликовал автобиографию П.А. Сорокина «Долгий путь». Ответственный редактор и инициатор подготовки издания «Питирим Сорокин: избранная переписка» (2009), соавтор книги «От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина» (2011).

E-mail – pavel@krotov.us

Лазебная Ксения Павловна – кандидат социологических наук, приглашённый преподаватель департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики». В 2013 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Теория символического в творчестве П.А. Сорокина: историко- социологический анализ». Автор ряда статей о творчестве П.А. Сорокина.

E-mail – door123@ya.ru

Ломоносова Марина Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета. В 1993–1996 гг. училась в Сыктывкарском государственном университете. Закончила аспирантуру СПбГУ. В 2006 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Социология революции П.А. Сорокина». Научный консультант документальных фильмов: «Антитеза Питирима Сорокина» (2009), «Письма из провинции. Великий Устюг» (2017). Читает в СПбГУ авторские курсы: «Социология П.А. Сорокина» (бакалавриат), «Социология П.А. Сорокина: современное прочтение» (магистратура). Составитель тома собрания сочинений П.А. Сорокина «Прачечная человеческих душ: Художественные произведения. 1907–1923» (2017). Автор ряда научных работ, посвященных биографии и творчеству Питирима Сорокина.

E-mail – lomonosovamv@mail.ru

Петров Владимир Николаевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета. В.Н. Петров – организатор социологического образования в КубГУ; с 2005 по 2015 гг. – заведующий кафедрой социологии КубГУ. В 2013 г. принял участие в 108-м ежегодном собрании членов Американской социологической ассоциации («Interrogating Inequality: Linking Micro and Macro», 9–12 августа, Нью-Йорк). В ходе поездки по приглашению Сергея Питиримовича Сорокина посетил дом П.А. Сорокина в г. Винчестере. В подготовке статьи использован доклад, представленный на II Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» (Сыктывкар, 8–10 сентября 2016 г.).

E-mail – degnev20@rambler.ru

Сапов Вадим Вениаминович – старший научный сотрудник Института социологии РАН, один из известных специалистов в области русской социологии и философии начала XX в. Благодаря работе В.В. Сапова на русский язык были переведены и опубликованы многие работы Питирима Сорокина, включая его фундаментальный труд «Социальная и культурная динамика». В.В. Сапов внес очень

большой вклад в изучение наследия П.А. Сорокина. В настоящее время руководит работой по изданию книг в серии «Питирим Сорокин. Собрание сочинений».

E-mail – vadven56@yandex.ru

Шикалов Виктор Николаевич – соискатель степени магистра социологических наук кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Выпускник факультета социологии СПбГУ (2007), тема дипломной работы: «Историко-научные аспекты развития теории социальной стратификации». Автор ряда статей о творчестве П.А. Сорокина и переводчик его книги «Власть и нравственность». Директор по развитию компании «Марвел» (Санкт-Петербург).

E-mail – shicalov_v@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

Личный фонд Питирима Александровича Сорокина в ГАРФ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) – крупнейший федеральный архив страны, в котором хранится около 7 миллионов дел по истории России XIX–XXI вв., включая более 1 млн дел по истории Российской империи и истории России периода Временного правительства; около 3 млн дел по истории СССР; свыше 1,5 млн дел по истории РСФСР; около 1 млн дел по истории Российской Федерации.

Именно в ГАРФе находятся на постоянном хранении многие документы, связанные с биографией и научной деятельностью Питирима Сорокина. Большая часть документов выделена в отдельный фонд личного происхождения – фонд 602 «СОРОКИН ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, УЧЕНЫЙ-СОЦИОЛОГ, ПУБЛИЦИСТ, ЧЛЕН ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ». Опись фонда включает в себя 66 дел, датируемых 1904–1921 гг.

Отдельный интерес в этом фонде представляет дело № 52, «Визитные карточки разных лиц, адресованные Сорокину П.А.». Наряду с визитными карточками его коллег и учителей, в нем представлены личные визитные карточки самого Питирима Сорокина, отражающие разные этапы его профессиональной и политической деятельности.

ГАРФ. Фонд 601. Оп. 1. Дело 52. Лист 7.

Питиримъ Александровичъ
Сорокинъ.

Приватъ-доцентъ Петроградскаго Университета
Соредакторъ с.-р. „Росси Карса“,
Членъ президіума Всероссійск. Совѣта Преступниковъ
Депутатавъ.

ГАРФ. Фонд 601. Оп. 1. Дело 52. Лист 8.

Питиримъ Александровичъ
Сорокинъ.

Оставленный для подготовки къ
профессорскому Званію.
Лекторъ курсовъ в П.Н. Института.

ГАРФ. Фонд 601. Оп. 1. Дело 52. Лист 32.

Питиримъ Александровичъ
Сорокинъ

Оставленный при Петроградскомъ Университетѣ для подготовки
къ профессорскому Званію.
Ассистентъ Психо-Неврологическаго Института.

ГАРФ. Фонд 601. Оп. 1. Дело 52. Лист 33.

Питиримъ Александровичъ
Сорокинъ

Оставленный при Петроградскомъ Университетѣ для подготовки

преподавателя къ профессорскому Званію.
Докладчикъ Психологическаго Института.
Помощникъ редактора "Живая мысль".

ГАРФ. Фонд 601. Оп.1. Дело 52. Лист 34.

Pitirim Sorokin

ГАРФ. Фонд 601. Оп.1. Дело 52. Лист 34 (оборот).

В Библиотеку моей Alma
Mater, Ленинградскаго Универ-
ситета, въ бывшаго
студента и профессора
- автора

THE WAYS AND POWER OF LOVE

" Не даромъ многою лѣтъ
свидѣтелила меня всему
поставитъ
И книжному искусству
вразумитъ."

А. С. Пушкинъ.

На закате своего жизненного пути Пителир Александрович Сорокин передал в дар библиотеке Ленинградского университета свои главные книги, изданные в Америке. На многих из них присутствуют дарственные надписи, так, например, на книге «The Ways and Power of Love» он использует строки из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»:

«...Не даром многих лет
свидетелем меня Господь поставил
И книжному искусству вразумил...».

П.А. Сорокин неслучайно выбрал именно эти слова летописца Пимена. Точно так же, как и Пимен, завершающий свою летопись, в которую вошли сказания о действительных событиях, свидетелем которых он был сам и которые он описывает как беспристрастный очевидец, без эмоций, лжи и надуманности, П.А. Сорокин на протяжении всего своего научного творчества, стремился к объективному научному поиску и независимым от существующей идеологии выводам относительно проблем современного общества. Точно так же, как и Пимен, полагающий, что его словесное творчество является одновременно и даром и долгом, завещанным от Бога, Пителир Сорокин всегда, может быть, интуитивно, а может быть, сознательно (особенно если не забывать о сильном влиянии в детстве ценностей и норм православной культуры) придерживался библейской мудрости: «Кому много дано, с того много и взыщется (Евангелие. Лука, 12, 48)».